

В ПЛЕНУ ОРБИТЫ

М. КЭЙДИН

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«М И Р»

MAROONED

A NOVEL

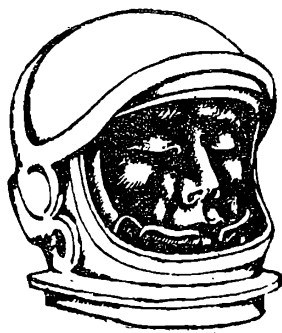
BY

MARTIN CAIDIN

HODDER AND STOUGHTON

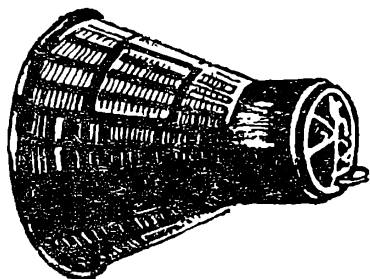
LONDON • 1964

В ПЛЕНУ

М. КЭЙДИН

ОРБИТЫ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ДМ. ЖУКОВА и Г. ХОЗИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ
ГЕРМАНА ТИТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1967

Под редакцией
Я. БЕРЛИНА

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

инд. 7—3—4

О РОМАНЕ МАРТИНА КЭЙДИНА

Самый заголовок книги — «В плену орбиты» — невольно привлекает внимание читателя. Перед нами трагедия вымышленного американского космонавта Ричарда Пруэтта, который чуть было не стал пленником космоса. Мы говорим «чуть было», потому что по воле автора романа трагическая поначалу история кончилась благополучно.

Закрыв книгу, невольно задаешь вопрос: могло ли так случиться? Конечно, могло.

Всем нам хорошо памятли сложные ситуации, в которые попадали и на космодроме, и на орбите, и после приводнения американские космонавты — реальные предшественники героя романа Кэйдина.

Путь в космос тернист. Каждый новый полет — еще один шаг в неизведанное. Люди, отважившиеся покинуть Землю, открывающие науке тайны Вселенной, отдают все свои силы этому благородному делу. Этот путь отмечен великолепными подвигами космонавтов, испытателей, ученых.

Роман «В плену орбиты» привлекает читателя своей достоверностью. Этому в немалой степени способствует то обстоятельство, что его автор, Мартин Кэйдин, в прошлом известный летчик, а ныне правительственный консультант по вопросам космонавтики, непосредственный участник всех американских программ по освоению космоса и к тому же журналист, превосходно, «из первых рук», знает суть материала.

Главный герой романа, майор Ричард Пруэтт, прошел ту же школу, которую проходят все американские космонавты. С этой точки зрения его судьба весьма типична. Однако Кэйдин умышленно показал его в трагических обстоятельствах, стремясь полнее выявить и показать неосведомленному читателю характер нашей профессии.

Неоднократно говорилось о необходимости более тесного сотрудничества советских и американских ученых и специалистов в области мирного освоения космоса. Роман Мартина Кэйдина «В плену орбиты» в известной мере вносит свою лепту в это очень важное, благородное дело. Вспомним, как на помощь Пруэтту, которого подвела техника, спешит советский космонавт Андрей Яковлев. Такая ситуация не исключена. Советские люди не раз приходили на выручку зарубежным летчикам и морякам, спасали экипажи и пассажиров самолетов и морских судов.

Надо признать, что автор романа стремится быть объективным в оценке достижений советской космонавтики и проявляет дружелюбие и уважение к советским

космонавтам. Однако следует сразу же оговориться, что представления автора о советской космонавтике и о людях, занимающихся исследованием Вселенной в Советском Союзе, весьма поверхностны. Этим объясняются неточности в описаниях советских космических полетов.

И тем не менее все, кто интересуется космонавтикой, несомненно, с интересом прочтут роман Кэйдина «В плесну орбиты».

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Герман Титов' (German Titov). The signature is stylized with a long horizontal stroke at the beginning and a large, sweeping flourish at the end.

Герман Титов,
Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

Он старался не думать, прогнать все мысли. Очнувшись от глубокого сна, он боролся с пробуждающимся сознанием, загоняя себя обратно в покой забытья.

Он лежал совершенно неподвижно, не открывая глаз. Но сознание настойчиво срывало все его попытки снова погрузиться в забвение. А он не сдавался.

Сквозь дремотное оцепенение проступали мысли — туманные, путанные. Долго он не мог сообразить, припомнить, где находится. Как он оказался в этой невообразимо мягкой, удобной постели? Постепенно он позволил мыслям просочиться сквозь полузабытье, и они стали всплывать, побежали вверх, словно пузырьки воздуха в аквариуме. Он разрешил своим ощущениям одному за другим пробиться сквозь туман к бодрствованию, но все упрямылся и не открывал глаз.

Постель была так удобна, что вовсе не ощущалась. Он удивился этому и стал напрягать слух, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук. Да, звуки есть. Медленно-медленно они начали проникать в его сознание.

На мгновение ему показалось, будто он находится на борту корабля — корабля, который плывет в открытом море, легко скользя по безмятежной глади. Звуки... он слышал приглушенный гул. Знакомый фон. Пока ты занят мыслями, он незаметен. Но стоит прислушаться, и он явственно доходит до сознания. Просочились и другие звуки — каких-то работающих механизмов. Вибрация — правда, она была так слаба, что скорее ощущалась, чем слышалась. Он постарался сосредоточиться, сорвать с мыслей липкую паутину сна.

Вот уже гул распался на составные элементы, Человек различил монотонный сипловатый свист, сливающийся с методичным, но едва слышным пощелкиванием. Нечто подобное можно услышать в море, на борту корабля, и в то же время это были другие, ни на что не похожие звуки.

И никаких подрагиваний, никакого движения, даже намек на него. В движении всякое судно чем-нибудь да проявляет себя, имеет свой характерный рабочий ритм. Значит, это не морское судно.

Теперь он уже различал все больше звуков: тихо шипел воздух, словно легкий ветерок веял где-то возле самого лица, не касаясь его.

Человек заставил себя открыть глаза. Темно. Нет, не совсем. Он посмотрел прямо перед собой и увидел тусклое сияние. Этого было достаточно. Вмиг пришла полная ясность — теперь он *знал*, где находится, вспомнил все, что произошло.

В темноте перед глазами поплыли тускло светящиеся красноватые круги, испещренные бледно-зелеными прожилками. Эти круги были шкалами приборов. В темноте светились их надписи, цифры, концы стрелок-указателей. Человеку было достаточно одного взгляда на это тусклое сияние — он *знал*, что это за приборы и что они показывают.

Звуки... Он прислушался к ровному жужжанию преобразователей, приглушенному бормотанью компрессоров, которые гнали воздух по трубкам. Шипенье воздуха... Он улыбнулся в темноте — ему стало забавно, что он не узнал собственного дыхания.

Но усмешка тотчас же исчезла, как только в сознание вторглась действительность. Теперь он понял, почему старался изо всех сил снова спрятаться в покой сна, в сладкое забвение бездумья. Теперь он уже бодрство-

вал, нервы были напряжены, мозг работал четко — он вспомнил все. А лучше бы забыть...

Резко подняв правую руку, он схватился за конец длинной матерчатой тесьмы. Плотнo обхватив петлю затянутой в перчатку рукой, он рванул ее на себя. Пoслышался треск, словно рвалось полотно, и тесьма «Велкро» отделилась. Затем он взялся за край шторки, и она скользнула по направляющим металлическим стержням, открыв широкий плоский иллюминатор.

Наклонившись, он прильнул лицом к стеклу и увидел обнаженную Вселенную.

Перед его взором пылали миллиарды солнц. Он не открывал глаз восемь часов. Они привыкли к темноте. Теперь же, в двухстах километрах над поверхностью спящей планеты, намного выше плотной мантии загрязненной атмосферы, он с благоговением смотрел на незамутненное небо. Вселенную заливал свет. Она кишела гигантскими вращающимися галактиками, светящимися туманностями, несчетными миллиардами солнц.

Опытным взглядом он различал красные искорки, желтоватые мазки, синее и белое сияние и пылающие очаги бесцветных звездных костров. В нижнем левом углу иллюминатора сверкал особенно яркий шар. Но это была не звезда, а планета, отражавшая свет Солнца, того Солнца, которое ближе всех других к его планете, простиравшейся под ним, внизу. Этот яркий шар — Юпитер, планета-гигант из его солнечной системы. Он казался удивительно близким...

Человек расслабил мышцы, но тело его не шевельнулось, оно не откинулось назад, на спинку кресла, как это произошло бы еще несколько дней назад. Теперь он понял, почему удивлялся мягкости и удобству своей «постели». Что может быть мягче и удобнее подушки из воздуха?

Его тело не испытывало ни малейшего давления. Ничто не давило на кожу, не проверяло прочности сухожилий, силы мышц. Полный покой, недостижимый на поверхности планеты, там, внизу. Невероятная, совершенно неопишуемая расслабленность тела. Невесомость... Следствие падения с непостижимой скоростью вокруг родной планеты.

Человек парил в нескольких сантиметрах над своим креслом — сейчас он был доволен, что прячется в темноте кабины космического корабля, купающегося в звездном сиянии Вселенной. Он парил в невесомости, не ощущая собственного тела, легче легчайшей пушинки — и падал вокруг Земли, падал на восемь километров в каждую секунду.

Он рассеянно смотрел на небо, примечая ядерные костры космоса и думая о другом. Он увидел себя как бы со стороны — свое тело и колоколообразную капсулу, в которую его запечатали. Его тело слилось с капсулой, стало единой системой «человек — машина», пронизывающей безвоздушное пространство с огромной скоростью.

Он невесело усмехнулся при мысли, что преодолевает расстояние, равное ширине Соединенных Штатов Америки, за какие-то восемь минут. Цифры ничего не говорили, скорость для него не существовала — не было ощущения движения, не чувствовалось стремительности полета. Впрочем, нет, это неверно.

Скорость — ничто, потому что он ее не ощущал. И вместе с тем скорость — это все, ибо она вынесла ему приговор. И стоило ему осмыслить это, как тотчас разум попытался оградить себя, воздвигнуть стену между собой и страшной действительностью.

Но перестать думать об этом было уже невозможно. Ему вынесен смертный приговор. На это глаза не за-

кроешь. Когда он впервые все осознал, когда малейшие сомнения в серьезности положения исчезли, он прогнал страх, змеей заползавший в сознание. Он прогнал страх, потому что уже ничего не мог сделать для своего спасения. Он испробовал все, но ничего не вышло. Следовательно, страшиться больше нечего. Обостренное ощущение опасности и способность мгновенно реагировать на нее, не раз спасавшие ему жизнь, теперь не нужны ему.

Теперь он испытывал только чувство тоски, а порой — горькой обиды. Но не страха. Он был мужественным человеком, он понял это давным-давно, когда узнал, что нет такого человека, который бы не ведал страха в полете. Ни один летчик-испытатель, ни один военный летчик не отрывался от земли без чувства страха. Но мужество помогало подавлять страх, использовало его для обострения чувств и наделяло человека звериным проворством. Постепенно со страхом свыкаешься, принимаешь его как должное, ухитряешься превращать его в свое преимущество. Когда грозит гибель, в крови немедленно повышается содержание адреналина. Страх открывает клапаны, обостряет реакции, и тогда инстинкт и выучка управляют движениями человека, не дожидаясь, пока их подскажет разум.

А теперь все это не стоит ни черта. Раз уж ничего не поделаешь, надо... смириться. Он не герой. Он реалист.

Вот суток через двое он станет героем. Превратится в мученика, первую жертву космоса, первого космонавта, не вернувшегося на Землю, породившую его.

Будут речи. При этой мысли он не мог сдерживать усмешки. Чиновники из НАСА разразятся десятками речей. Не отстанут и сенаторы с конгрессменами. По всей стране в сотнях клубов дамы будут хлюпать в платочки, редакторы газет — превозносить его до небес, а друзья — зло чертыхаться... Спасибо, что хоть ему самому

не доведется выслушивать весь этот поток болтовни, который прорвется дня через два.

Приговор вынесен... Но чем? Оборвался проводник? Вышло из строя реле? Попала вода на клемму? Или случилось невероятное совпадение — сразу несколько мелких, незначительных повреждений? Мелких, незначительных по отдельности, но вместе гибельных? Он не знал, не знал, что отказало, он отдал бы все, чтобы знать...

Позади, всего в десяти-пятнадцати сантиметрах от спины, отделенный толстой стенкой теплоизоляции и щитом из стекловолокна, находился обтекаемый кожух с тремя выступами. Там были тормозные двигатели с твердым ракетным топливом — его обратный билет из космического путешествия. Три металлические скобы плотно прижимали тормозной кожух к округлой поверхности теплозащитного экрана. От батарей через переключатели, контакты и реле шла сеть проводов. За приборной доской, всего в полуметре от его лица, находились тумблеры включения. Были и автоматические пусковые рубильники, приводимые в действие реле времени. Был и аварийный ручной включатель дублирующей системы зажигания. Была и другая дублирующая цепь зажигания, управляемая по радио с далекой Земли.

В этом кожухе, прикрепленном к основанию капсулы «Меркурий», размещалось три небольших ракетных двигателя размером не больше баскетбольного мяча. В каждом из них было точно по двадцати одному килограмму твердого топлива. Он знал — перед установкой на капсулу каждый двигатель испытывали и проверяли сотни раз. Каждый просвечивали рентгеном, исследовали на вибростенде, сбрасывали с высоты, проверяли на влажность, опрыскивали соляным раствором, подвергали искусственному старению и десяткам других испытаний. Двигатели не могли подвести.

Эти двигатели нужны были только для того, чтобы чуть-чуть уменьшить огромную скорость движения капсулы по орбите. Всего десять секунд должен работать каждый из них, развивая тормозную тягу в четыреста пятьдесят килограммов. Полторы тысячи килограммов бушующего огня должны были уменьшить скорость примерно на пятьсот километров в час. Не так уж много, всего одна пятая скорости реактивных самолетов, на которых он летал столько лет, но вполне достаточно, чтобы начать плавное снижение в это толстое, пыльное, изумительное покрывало из воздуха, облекавшее поверхность Земли.

Если не сработают все три двигателя, задачу могут выполнить и два. Даже один двигатель может обеспечить возвращение космонавта на Землю. Правда, путь через атмосферу будет долгим, капсула накалится ужасно — но все же доставит его на Землю, домой!

Конструкторы этого маленького тормозного отсека предусмотрели все. На каждом двигателе было по два воспламенителя. Нужен был всего один, но с двумя надежнее. Для воспламенителя требовался лишь один электрозапал, но на каждом воспламенителе их было по два. Проводники от батарей расположили так, что ни обрыв одного провода, ни отказ одной батареи или одного двигателя не могли помешать системе выполнить задачу.

Система была абсолютно надежной. В ней было такое обилие узлов, что даже дублирующие системы в свою очередь дублировались. Абсолютная надежность.

И все-таки где-то оказалось слабое место.

Оно и подвело.

Итак, майор ВВС США Ричард Д. Пруэтт, прикомандированный к Национальному управлению по авиации и освоению космического пространства для участия в программах «Меркурий» и «Джемини» в качестве кос-

монавта, уже мертвец. Или станет им через два дня (плюс-минус те несколько часов, которые не поддаются точным расчетам).

Американец, с громом вознесенный на орбиту, смотрел в иллюминатор, мчась навстречу рассвету. Солнце, еще скрытое громадной округлой массой планеты, давало о себе знать уже за многие сотни километров. Со скоростью почти тридцать тысяч—километров в час космонавт Пруэтт летел навстречу красивейшему зрелищу—рассвету в космосе.

Космонавту, смотревшему в иллюминатор капсулы, которая описывала дугу над Землей на высоте около двухсот километров, казалось, что движется не капсула, а Земля. Ему казалось, что он висит в космосе, парит в усеянной звездами чаше, а внизу с тяжеловесной стремительностью под него подкатывается гигантский шар.

Луны не было, но он уже видел многочисленные облака, хотя ночная мгла еще скрадывала их очертания. До самого горизонта простиралась совершенно черная поверхность Земли. Эта черная пучина подчеркивала округлую линию горизонта, над которой как бы висел широкий кривой ломоть звездного неба, загадочно исчезавшего внизу.

Затем забрезжил свет. Слабый, как шепот, он нежнейшим прикосновением обнажил бегущую вдали земную поверхность. На мгновение Пруэтт забыл о нависшем над ним смертном приговоре. Всем его вниманием завладела яркая, серповидная сверкающая дуга, отделявшая ночь ото дня. Она блистала всеми цветами радуги. Она светилась изнутри. Она сияла, излучая свет и краски, эта лента, и, словно живая, скользила по шаровидному телу планеты. А впереди ее границы, опережая кроваво-красную кайму, по Земле стремительно летел свет. В сумеречной зоне поверхность Земли оставалась еще черной,

а высокие облака напоминали раковины с зазубренными краями, озаренные нежно-розовым сиянием.

Стремительность наступления рассвета волновала Пруэтта. Колоссальная скорость позволяла ему через каждые девяносто минут наблюдать рассвет и закат. На первых витках он восхищался этим, радовался, что ему выпало на долю любоваться чередой этих величественных картин. Время как бы сжималось, уплотнялось, мчалось с невероятной быстротой. Каждые девяносто минут он проносился сквозь день и ночь. Его несла машина времени, и мир ускоренно вращался перед его глазами.

Он воочию видел, как вращается Земля. Позади серповидной линии простирался бархатный задник — расцвет сиял на фоне абсолютной черноты. Восхищение переполнило Пруэтта. За радужным рассветом виднелась бесконечная черная пучина космоса. И всюду черный бархат пронзали несчетные сверкающие иголочные острия звезд.

Теперь внизу было два мира: один — окутанный ночью, другой — омытый светом звезды, которая вот-вот поднимется из-за горизонта. Солнце появилось внезапно и снова застало его врасплох, как и всякий раз за последние трое суток... Пруэтт покачал головой. Нет, теперь уже почти четверо суток. Каждый раз Солнце неожиданно взлетало над краем земного шара. Каждый раз неистовое сияние с размаху било в глаза.

Лицо Пруэтта исказилось болезненной гримасой, он отвернулся, ругнув себя за неосторожность. Он зажмурил глаза, затем постепенно открыл их. Теперь он совсем собрался; хорошо, подумал он, хоть Солнцу удалось встряхнуть его мозг и заставить работать.

Кончиками пальцев он коснулся приборной доски, легонько оттолкнулся. Толчок вернул его в кресло. Пруэтт ухватился за ремни и застегнул их под грудью.

Он посмотрел на приборы, затем правой рукой щелкнул переключателем. Его капсула была усовершенствована — в ней был отдельный источник энергии, рассчитанный на минимальный расход при продолжительном орбитальном дрейфе — во время сна.

Он включил освещение приборной доски — яркий свет залил шкалы приборов. Несколько минут он изучал показания часов капсулы, считывал показания на светящемся циферблате, сравнивая их с цифрами, сиявшими в маленьких окошках других приборов.

В капсуле было четверо часов. Первые были поставлены на среднее Гринвичское время; по ним согласовывалось время со станциями слежения и связи, разбросанными по всему миру. Вторые часы отсчитывали время с момента старта в минутах и секундах — в отдельном окошке появлялось число суток. Сейчас на Пруэтта смотрела зеленая тройка. Но скоро отсчет минут покажет цифру 1440, и тогда тройку сменит четверка. Четыре дня...

На третьи часы Пруэтт теперь смотрел с отвращением. Они шли в обратную сторону и еще двенадцать часов назад были очень важным прибором. Они показывали, сколько часов, минут, секунд и долей секунд осталось с данного момента до включения тормозных двигателей. Четвертые часы фактически были реле времени управления тормозных двигателей. Перед стартом с мыса Кеннеди он поставил их точно в соответствии с программой полета. Однако в любой программе всегда имеются неточности, а потом каждая орбита, хотя и незначительно, отличается от предыдущей, и эти отклонения имеют важное значение. Поэтому в полете необходимо периодически корректировать реле времени.

Он, конечно, все это проделал. И все еще оставался на орбите. А часы обратного хода и реле времени стали теперь для него просто бесполезными железками.

Пруэтт посмотрел, который час. Затем повернул влево одну из рукояток и, открыв крышку, достал из небольшой ниши схему звездного неба и план полета. Схему составили астрономы специально для него; она была верна для расчетного времени старта плюс-минус пятнадцать минут. Что ж, взлетел-то он точно в расчетное время, но у него были все основания сожалеть об этом...

Сердясь на то, что отвлекся, он усилием воли заставил себя сосредоточиться на схеме. На ней были обозначены основные звезды, созвездия, планеты и Луна — где они будут в любой момент относительно любого положения во время его полета вокруг Земли. Кроме того, астрономы снабдили его точными угловыми координатами небесных тел для определения положения капсулы относительно Земли в любой момент.

Он оглядел небо, на этот раз осторожнее, чтобы избежать прямого взгляда на Солнце. Справа вдалеке сверкал в черноте Юпитер. Безошибочно угадывались двойные звезды созвездия Журавля. Справа от орбиты сверкал Фомальгаут — через него можно было отлично визировать на Юпитер. Он сразу нашел Аль-Наир, а затем созвездие Павлина.

Внизу Австралия...

Почти все системы корабля выключены. Нужно беречь энергию батарей. Гироскопы застопорены, система управления ориентацией капсулы отключена. Собираясь спать, он переключил систему, создававшую микроклимат, только на скафандр — для экономии кислорода и батарей. Такие переключатели для питания скафандра в обход кабины были разработаны уже после полета Купера в капсуле «Фейт-7». Пруэтт мог включать отдельно питание только для радиостанции. Телеметрическую систему, которая передавала данные о работе оборудования капсулы и физиологических процессах в организме

космонавта, можно было выключить. Все это было важно прежде; теперь куда важнее сберечь энергию, топливо, кислород.

Пруэтт включил радиопередатчик, чтобы вызвать станцию слежения Мучеа в Австралии. Пока он спал, счетно-решающие устройства Годдардского центра непрерывно работали над решением уникальной задачи — как вырвать его из плена космоса. В это же время инженеры на заводе Макдоннелл в Сент-Луисе с лихорадочной поспешностью разбирали точно такую же капсулу. Аналогичной работой были заняты и инженеры на мысе Кеннеди. Они просматривали каждый трубопровод, каждый проводник, пытались воспроизвести те условия, которые вывели из строя тормозные двигатели.

Вычислительные машины в Годдарде могли с большей точностью определить, сколько времени он еще пробудет на орбите. Со всех станций слежения сюда бесконечным потоком стекались данные радиолокационных наблюдений. Машины пережевывали полученные крупницы информации: полный вес капсулы с точностью до грамма, изменения ее веса в процессе жизнедеятельности космонавта, расход водородного топлива системой ориентации капсулы в пространстве, точные параметры траектории полета, суточные изменения верхней границы атмосферы. Характеристики капсулы сравнивались с характеристиками других объектов, запущенных в космос.

Прodelав все эти операции, машины должны были выдать ответ. Ответ? Нет, приговор. На бумажных лентах, ручейками текущих из них, появятся ряды кодовых цифр. Пропустив ленты через машину-дешифратор, человек сможет точно сказать, когда начнется самопроизвольное снижение капсулы.

Пруэтт летел в космосе. Но это не была абсолютная пустота, как считали когда-то. Космическое пространство

оказалось насыщенным радиацией. К тому же на этой высоте космос кишел одиночными молекулами, вырвавшимися из земной атмосферы. Орбита проходила как раз над границей, которую ученые называют аэротермодинамическим барьером. Его верхний край находится примерно в ста пятидесяти километрах над Землей. Если капсула снизится к этому барьеру, ее движение начнет тормозиться. Совсем-совсем незначительно... Самые лучшие насосы в мире не могли бы создать разрежение, существующее на этих высотах. Но капсула-то несется со скоростью около восьми километров в секунду, и столкновения даже с редкими молекулами оказывают тормозящее воздействие.

Но беда была в том, что орбита почти точно соответствовала расчетной. Она проходила непосредственно над границей атмосферы. Конечно, капсула уже начала тормозиться, но роковым фактором оставалось время. В этой гонке мог проиграть только он, космонавт.

Если капсула снизится до того, как кончится запас кислорода, у него есть шансы прославиться как человеку, едва ускользнувшему от смерти в космосе. Если же кислород иссякнет прежде, чем капсула погрузится в атмосферу, — что ж, тогда у него будет самый дорогой из гробов, которые когда-либо делали человеку. Прюзтт скривил губы, но тут же с некоторым удовлетворением отметил, что чувство юмора все же еще не покинуло его.

Он знал, что пока он спит, с Земли не будут вызывать его, ни одна станция слежения не станет его будить. Сон для него был дороже всего — и дело тут вовсе не в физической усталости. Сон позволял ему выиграть время. Во сне жизненные процессы замедлялись. Требовалось меньше тепла, расходовалось меньше топлива. Физиологического топлива — *кислорода*. Теперь его жизнь

зависела от того, на какое время он сможет растянуть свой скудный запас кислорода.

И в самом деле, ему не хватало не так уж много времени. Он сам сделал кое-какие расчеты. Часов через двадцать — двадцать четыре *после* того, как кончится кислород, капсула начнет возвращаться в атмосферу. Но ему будет уже все равно. Хватит и одного часа, даже всего нескольких минут *после* израсходования кислорода, и для него полет будет *окончен*.

Шансов на спасение было мало. «Точнее, — размышлял он, — их, пожалуй, просто нет». Но чего не бывает! Сверхбыстродействующие счетно-решающие устройства в Годдарде могут еще обнаружить что-нибудь, чего он не заметил.

Он включил радиостанцию.

— Станция связи Мучеа, станция связи Мучеа. Я «Меркурий-7». Как слышите?

Ответ последовал немедленно. Очевидно, на Земле не отходили от приемников.

— «Меркурий-7». Говорит станция связи Мучеа. Слышим вас хорошо. Как слышите нас?

— Понял вас, Мучеа, слышу хорошо.

Пруэтт быстро пробежал глазами контрольный лист. Сообщил температуру в кабине, температуру воздуха, поступавшего в скафандр, запас водородного топлива для автоматической и ручной систем ориентации, состояние основного и резервного бортовых источников питания, температуру приборов и различных систем капсулы, ее общее состояние. И лишь в самом конце доклада заметил, что невольно медлит с сообщением о запасе кислорода.

Дежурный на Мучеа сообразил это и только спросил:

— «Меркурий-7», я, видно, не расслышал конца передачи. Повторите, сколько осталось кислорода...

Пруэтт изучал показания приборов. Теперь его уже не интересовало давление в баллонах, он переводил все в часы. А может быть, даже в минуты... Пролетая над Мучеа, он подсчитал, что при обычной норме потребления у него оставалось кислорода часа на сорок три.

Как растянуть их? Может, уменьшить подачу, понизить давление в кабине? Может, ему удастся выжать еще несколько часов, еще минуты? Чем больше времени он вытянет из оставшегося запаса кислорода, тем больше шансов ускользнуть от смерти. Их мало — это ясно как день, но о том, чтобы выйти из игры, не может быть и речи. Время, время, *время*... он будет продолжать полет вокруг Земли, а жизнь — движение по времени, пока не вырвется с шипением последняя струйка кислорода из баллона и — тогда конец... Он не знал, никто не знал, что могут найти инженеры, которые, не смыкая глаз, ищут неполадку в тормозных двигателях.

Мучеа снова заговорила:

— «Меркурий-7». Слышимость затухает. Теряем связь. Переключайтесь на Вумеру.

— Понял вас, Мучеа. Станция связи Вумера! Говорит «Меркурий-7».

— «Меркурий-7», говорит Вумера. Слышим вас хорошо и отчетливо. Как слышите нас?

— Слышимость отличная, Вумера. Я теперь бездействую... наподобие шимпанзе. Отключил все системы. Стараюсь экономить энергию. Слышали мой последний доклад Мучеа?

— Ваш доклад слышали. С Мыса есть сообщение для вас. Готовы ли вы принять?

— Готов. Давайте сообщёние.

— Мыс сообщает...

Он слушал в ледяном оцепенении.

Бортовой запас кислорода с учетом всех аварийных

ситуаций был рассчитан на длительность полета в *пять с половиной суток*. Он мог бы растянуть его, сократив подачу кислорода в скафандр, продлив сон, снизив давление в капсуле. Это дало бы еще часов шесть, не больше.

Машины Годдардского центра переварили исходные данные и выдали бесстрастный, лаконичный ответ. Капсула «Меркурий-7», у которой отказали тормозные двигатели, начнет входить в атмосферу через шесть суток и восемь часов, т. е. через сто пятьдесят два часа с момента выхода на орбиту.

Точно и ясно...

Он содрогнулся. Так близко... так близок конец.

Если он испробует все ухищрения, предусмотренные инструкцией, и придумает еще новые, ему хватит кислорода всего на сто тридцать восемь часов, считая с момента старта.

Правда, есть еще баллончик с кислородом в аварийном комплекте, рассчитанный точно на пятнадцать минут. Его можно не считать.

Вот и все. Майор Пруэтт будет покойником больше полусуток — четырнадцать часов, когда его гроб начнет спускаться к Земле, оставляя позади огненный след.

— «Меркурий-7», «Меркурий-7», говорит Кэнтон. Как слышите нас?

Молчание.

Радиооператор станции слежения на острове Кэнтон, крохотном клочке земли, затерявшемся в просторах Тихого океана, вызывал снова и снова...

— «Меркурий-7», «Меркурий-7», говорит Кэнтон. Слышите нас? Слышите нас? Один, два, три, четыре, пять, пять, четыре, три, два, один. Слышите, «Меркурий-7»? Говорит Кэнтон.

В комнате стояла гнетущая тишина. Оператор повернулся к микрофону внутренней связи.

— Радар, говорит станция связи. «Меркурий-7» не отвечает. Вы ведете его?

Репродуктор на панели захрипел:

— Говорит радар. Мы сопровождаем капсулу. У нее не работает бортовой ответчик. Повторяю, не работает ответчик. Но мы сопровождаем капсулу. Сопровождаем.

— Вас понял, радар. Подтверждаете сопровождение капсулы. Связь кончаю.

Оператор снова повернулся к передатчику.

— «Меркурий-7», «Меркурий-7», говорит Кэнтон. Говорит Кэнтон. Как слышите меня?..

— Станция связи Кэнтон. Говорит «Меркурий-7». Слышу вас хорошо, четко. Простите за опоздание.

У оператора вырвался вздох облегчения.

— О'кей, «Меркурий-7». Слышу вас отлично. Для вас есть сообщение с пункта управления. Готовы ли принять его?

— Понял вас. Давайте.

— Седьмой, слушайте. Пункт управления передаст вам специальное сообщение, когда вы будете проходить над Мысом. Они просят вас...

— Станция связи. Я Седьмой. Повторите последнюю часть. Были помехи.

— «Меркурий-7», пункт управления рекомендует вам детально вспомнить все ваши действия в полете. Постарайтесь вспомнить все, что произошло в полете, все, что может подсказать им, где искать причину отказа тормозной установки. Повторяю, вас просят вспомнить все, абсолютно все, что могло показаться необычным. Как поняли?

— Кэнтон. Слышу вас хорошо. Все понял. Могу сейчас же сообщить для передачи на Мыс, что было необычного. Проклятые тормоза не сработали. Для начала хватит?

Оператор на станции связи поперхнулся от смеха.

— Седьмой, слушай. Сдается мне, они знают об этой пустяковине. Я...

Оператор замолчал. Он знал Дика Пруэтта. В период подготовки космонавтов немало часов провел он с ним за работой в Хьюстонском центре пилотируемых полетов. Несколько раз они вместе изучали материальную часть радиостанций в капсуле. Ему нравился Пруэтт — замечательный летчик и парень что надо.

Оператор покачал головой: Пруэтту оставалось жить сорок восемь часов, а он... он еще шутит. Оператор перешел с языка переговорных таблиц на простой, человеческий.

— Дик. Сделай одолжение. Мне лично.

— С удовольствием. Чего тебе?

— Между нами, Дик. Прошу тебя, дыши неглубоко и обязательно пореже. Ладно?

Пруэтт так расхохотался, что задрожал динамик на пульте оператора.

— Ладно, станция свя..., ладно, Сэм. Но только в порядке личного одолжения, понял?

— «Меркурий-7», слышимость ухудшается. Переходите на связь с Гавайями.

— Говорит «Меркурий-7». Отказываюсь. Сэм, повторяю. Отказываюсь от связи с Гавайями. Передай на пункт управления, что вызову его, когда войду в их зону. Хочу немного пошевелить мозгами по их просьбе. Слышите меня?

— Седьмой. Ваше сообщение принял, передам на пункт управления. До встречи на следующем витке, Дик.

Пруэтт ослабил привязные ремни. Его тело медленно всплыло над креслом и остановилось. Дальше ремни не пускали. С каждым часом непродолжительного пребывания в космосе ему все больше хотелось испытать полную свободу движений в невесомости. Конечно, в капсуле не развернешься. Каждый кубический сантиметр ее пространства изобретательно использован. В обитаемом отсеке этой отличной маленькой машины места было не больше, чем в телефонной будке. Но то, что казалось неудобным и даже вредным в земных условиях, при невесомости оказывалось не только терпимым, но даже необычайно удобным... Вообще многое приходится пересматривать. Да, космос для человека — среда незнакомая. И многие обычные земные понятия здесь теряют свою достоверность.

И главный урок заключается в том, что в космос нельзя отправляться с ограниченными, косными представлениями. Будьте уверены — космос взорвет их, да так, что обломки вас придавят. С самого начала работ над программой освоения космоса никому так не изменяло чувство реальности, как ведущим ученым Штатов.

Сейчас это уже позади, но многие хорошо помнят, как несколько лет назад ученые сбрасывали человека со счетов; этот беспомощный комок крови и мяса, говорили они, не выстоит перед неистовыми силами, возникающими при выводе корабля в космос, в полете и при его возвращении на Землю... Безраздельное господство «черного ящика»* тянулось утомительно долго. Летчики ходили с кислыми минами. Волшебники с вершин своих сверкающих башен из слоновой кости изрекли, что пилоты больше не нужны. Электроника — это да! Электроника, системы из готовых элементов, огромный электронный мозг. Они надежнее человека. Раз дело дошло до космических полетов, от человека толку мало.

Конечно, все это было просто смешно с самого начала. Такая точка зрения была столь же далека от реальности, как и ее противоположность — отрицание всякой механизации и электроники и возвеличивание мозга, мускульной силы и рефлексов.

Ответ на вопрос был буквально под носом у ученых, но они не удосужились разглядеть его. Они шли к нему самым трудным путем. Они пренебрегли системой «человек—машина», воплощенной в современном самолете, где живое существо и машина сливались в единое целое для достижения максимальной эффективности и надежности, — *единственной* системой, которой органически присущ фактор безопасности.

Прюэтт закусил губу. Его подстерегло что-то непостижимое — ни чудодейственная электроника, ни человеческий разум не сумели этого предусмотреть. И человек и машина спасовали... Ведь его корабль работал безот-

* «Черный ящик» — в кибернетике автоматическое устройство (блок), выполняющее определенные операции по сигналу датчика. — *Прим. перев.*

казно весь срок по графику — почти сорок восемь витков. Все лучшее, что было в образцовом полете Ширры, в эпопее Купера, все было учтено, вплоть до оледенения. Почти семьдесят шесть часов — время по графику — все было в порядке. Капсула... Она была прекрасной, послушной птицей. До *того самого* момента, конечно...

Последний виток он заканчивал превосходно, скользнул над северо-западным берегом Новой Гвинеи, быстро приближаясь к той точке пространства и времени, когда ему надо было включить три тормозные ракеты. Контрольный радиосигнал должен был подать «Радар Куин», один из четырех кораблей связи и слежения, входивших в глобальную сеть обеспечения полетов по программе «Меркурий». Он курсировал вдоль северного берега Новой Гвинеи, остальные — в других районах.

Пруэтт передал последние данные на станцию Мучеа. Все шло как нельзя лучше.

Бортовая система отсчета времени отставала на полсекунды, и он немедленно внес поправку. Затем сориентировал капсулу в расчетное положение для торможения. Теперь теплозащитный экран был направлен вверх под углом тридцать четыре градуса к горизонту. Положение продольной оси капсулы и крен выдерживались точно. Капсула была идеально послушна.

Он отключил источник света в кабине, закрепил все свободные предметы. Рукоятку подачи охладителя в скафандр перевел на цифру «восемь». Температура воздуха, поступавшего в скафандр, снизилась до восемнадцати с половиной градусов. Ему стало прохладно. К моменту включения тормозных двигателей температура упадет до семнадцати градусов, намного ниже уровня, который поддерживался все трое суток полета. Это обеспечит дополнительное охлаждение на период сильного нагрева капсулы в атмосфере.

Пруэтт доложил обо всем сделанном на станцию Мучеа.

Он проверил двигатели ориентации на минимальную и максимальную тягу, опробовал коррекционные двигатели, быстро проверив готовность всех систем управления ими, настроил радиосредства, проверил герметизацию визира, управление давлением и температурой в кабине и скафандре. Затем запустил гироскопы системы стабилизации и включил ток в систему зажигания.

За пять минут до включения тормозной установки он снизил давление в кабине и в скафандре. Температура в кабине не поднималась выше тридцати градусов. На входе в скафандр, к его удовлетворению, воздух имел температуру всего шестнадцать с половиной градусов.

Капсула вышла из зоны приема Мучеа. Пруэтт установил связь со станцией на борту «Радар Куин». Все было готово. Он включил автоматическую систему ориентации и стабилизации. Теперь пусть электронный мозг последит за ориентацией капсулы.

— Тихоокеанский корабль управления, говорит «Меркурий-7». Как слышите меня? Прием. — Пруэтт был официален.

— «Меркурий-7», говорит тихоокеанский корабль управления. Слышим хорошо, Дик. Как ты там?

— Тоже хорошо. Прекрасная слышимость.

— Седьмой, по-моему, ты уже достаточно покрутился по Вселенной. Готов спуститься на грешную землю?

Пруэтт рассмеялся. Дерек Ларсен терпеть не мог казенных штампов переговорных таблиц. Установив связь и приняв ответ на позывной, он посылал инструкции ко всем чертям.

— Понял, Дерек. Прогулочка кончается. Я тут все уже настроил. Вот и включатель зажигания уже под током. Я даже чуть-чуть опередил график...

— Не волнуйся, Седьмой. Мы же дадим контрольный счет перед пуском. — Ларсен, сам того не замечая, сменил дружеский тон на строго деловой. — Я понял так, что вы хотите включить автоматическое управление, а ручное управление оставляете как резервное.

— Подтверждаю, станция связи. Сейчас рукоятка в крайнем положении, я тяну ее... вот... и ставлю на автоматическое управление с ручным дублированием.

— Хорошо, Седьмой. Нам разрешено дать вам подтверждение. Ориентация у вас такая, что хоть сейчас нажимай кнопку.

— Точно. Моя птичка отлично слушается меня. Само совершенство. Она впишет новую главу в книгу о космической технике.

— Вас понял, Седьмой.

На пульте перед Пруэттом вспыхнула сигнальная лампочка — до начала торможения осталось пять минут. Ларсен подтвердил точность счета времени.

— Отлично, Дик. Даю отсчет. На «пять» включай замедлитель запала. Начнем. Так... десять, девять, восемь, семь, шесть, пять!..

— Есть запал!

— Понял вас, Седьмой. Капсула держится отлично, Дик. Скоро начнешь торможение...

«Меркурий» послушно следовал командам, которые нашептывал ему электронный мозг. Машина гироскопами обеспечивала стабилизацию, инфракрасными искателями цеплялась за горизонт и по их показаниям удерживала капсулу под углом в тридцать четыре градуса, гасила крен. Пруэтт ограничивался ролью пассажира.

У Уолтера Ширры в капсуле «Сигма-7» автоматика на этапе торможения сработала блестяще. Гордону Куперу в капсуле «Фейт-7» не так повезло, но он не подвел космонавтов и поразил ученых, показав такое мастерство

управления вручную при торможении и возврате в атмосферу, что электроника могла бы позавидовать. Но Пруэтта не влекли лавры Купера, его вполне устраивала роль дублера при счетно-решающем устройстве.

Он держал левую руку в готовности над кнопкой ручного зажигания тормозных ракет. Все же не исключено, что автоматика не сработает вовремя... А могло быть и так, что двигатели сработают прекрасно, а сигнал на пульте не вспыхнет...

Скотт Карпентер на «Авроре-7» попал в переделку при торможении. Пруэтт изучил до мелочей этот этап его полета. Карпентер точно выполнил все операции по подготовке к торможению. Наземная станция в Калифорнии дала ему отсчет времени для включения тормозной установки. Оператор сказал «нуль», но запалы не сработали. Прошло две секунды после нуля, а тормозные двигатели все не включались. Тогда Карпентер ударил по кнопке ручного управления. Прошла еще секунда, прежде чем он ощутил и услышал, что одна ракета включилась. Эти три ничтожные секунды означали перелет запланированного района посадки по меньшей мере на двадцать пять километров. А кто знает, насколько запоздало бы включение, если бы Карпентер не «воткнул» ручное управление?

Помня все это, Пруэтт был готов подстраховать автоматику. Ему совсем не улыбалась перспектива болтаться в море, где-нибудь вдалеке от намеченного района, и превратить нормальную посадку в опасное морское приключение. Он вполне мог обойтись без этого.

— «Меркурий-7», пора. Начинаем отсчет с пяти для включения тормозной установки.

— Седьмой готов.

— О'кей, сейчас... *Начали:* пять, четыре, три, два, один, *нуль!*

Пруэтт напрягся в ожидании резкого торможения. Тишина.

Почти бессознательно, как будто палец его действовал по собственной воле, Пруэтт резко ткнул кнопку ручного включения зажигания.

Ничего...

Пруэтт надавил кнопку сильнее.

Капсула не дрогнула. Ракеты молчали.

Он отпустил кнопку и снова бешено ткнул в нее пальцем. Капсула продолжала нестись сквозь вакуум со скоростью примерно пятьсот километров в минуту.

— Проклятие! — вырвалось у него.

— «Меркурий-7», ракеты у вас сработали?

— Нет! Не сработали! Я уже почти загнал кнопку в панель, но зажигания нет.

До него донесся совершенно бесстрастный голос Дерека Ларсена:

— Станция связи вызывает Седьмого. Немедленно проверьте показания электрической системы.

— Бесполезно, Дерек. Я уже проверил все приборы. Показания прежние. Питание максимальное, все в полном порядке. Никаких признаков неисправностей. Продолжаю удерживать капсулу в положении для торможения. Все в порядке. Но торможения нет. Повторяю, нет торможения.

— «Меркурий-7»... Не прекращай связи...

Теперь Пруэтт мало что мог сделать. Он всматривался в пульт управления, в светящиеся приборы, цветные сигнальные лампочки, различные счетчики. Все показания были отличные! Ничто не вышло из строя. Предохранители, сигнальные лампочки, измерители, шкалы приборов, переключатели, рычаги управления, ручки — все было в порядке. Он досконально знал пульт и любое устройство на борту капсулы, всю систему управления,

насчитывающую почти полтораста контрольных приборов, узлов, пусковых рычагов и кнопок.

Во время подготовки Пруэтт буквально жил в тренажере «Меркурий», который был точной копией капсулы. Перед полетом он провел в общей сложности несколько недель в настоящей капсуле. Схемы размещения приборов на пульте управления он прибил дома на стенах спальни, гостиной и даже ванной. Он не считал себя готовым к выполнению задания до тех пор, пока не изучил все так, что мог безошибочно начертить на листе бумаги расположение, форму, размеры каждой детали и указать ее назначение. Он мог по памяти найти любой переключатель, рычаг или кнопку управления в полной темноте.

И тем не менее сейчас он тщательно обследовал и осмотрел все средства управления и приборы. Он проделал это десяток раз, чтобы удостовериться, что *ничего* не пропустил.

Нет, он ничего не пропустил. В конце сорок восьмого витка он должен был войти в плотные слои атмосферы, а затем приводниться. Но капсула неумолимо продолжала свой полет, и тормозные ракеты молчали. «Меркурий-7» снова пронесся над территорией США. Он пересек восточное побережье страны, севернее мыса Кеннеди, который до Дня Благодарения 1963 года назывался мысом Канаверал. Проекция сорок девятого витка точно соответствовала четвертому, девятнадцатому и тридцать четвертому. У него было еще много времени, чтобы поработать со всеми операторами наземных станций и еще раз проверить все, до последней детали...

Когда тормозные двигатели отказали, он внезапно похолодел, кровь застыла в жилах.

Длительная психологическая подготовка к нагрузке на организм, которая должна была возникнуть при торможении после трех с лишним суток состояния невесо-

мости, сделала свое дело — тело и мозг ждали этого момента. Когда же перегрузка не пришла, организм воспринял это как своего рода шок.

В ту же минуту Пруэтт понял, что попал в беду, страшную, непоправимую беду. Человек мог исправить любые неполадки, возникшие на борту космического корабля. Только богу известно, что пришлось испытать другим космонавтам. Но даже если все разладилось — черт побери, вы все-таки можете сориентировать капсулу для возвращения в атмосферу, нажать кнопку ручного торможения почти в любой точке орбиты и пойти на посадку. Даже если вы приводнитесь в самой пустынной точке океана, спасательные команды, разбросанные по всему миру, придут к вам на помощь через каких-нибудь несколько часов.

Можно найти выход почти из любой аварии. Любой — кроме аварии тормозных двигателей.

Несмотря на катастрофический характер неполадки, отлично понимавший ее последствия Пруэтт не пал духом. Еще не все кончено — инженеры с Земли подскажут выход из положения...

Нет, сказал он себе. И это вряд ли спасет. Предположим, инженеры, разбирающие до последней детали дубликат капсулы, найдут-таки, в чем загвоздка. Но это ведь далеко еще не значит, что он сам в силах ликвидировать неисправность. Он может точнейшим образом знать, где и что вышло из строя, но это не поможет ни черта, когда последний кислород, шипя, вырвется из баллона.

Радиограмма из Кэнтона нисколько не улучшила его настроения. Если уж мыс Кеннеди предлагает ему покопаться в памяти и припомнить подробности, пусть самые незначительные, чтобы помочь определить причину аварии... ну, это вряд ли что сулит ему.

Это означает лишь одно — инженеры сами *не могут* ничего найти, они ничего *не нашли*. Это означает также, что они пришли в отчаяние и судорожно хватаются за соломинку.

Вдруг ему показалось, что температура в капсуле значительно понизилась...

Пруэтт взглянул на указатель кислорода, на стрелку часов. Он почти слышал их-тиканье. Каждая маленькая дуга, которую проходила стрелка, означала, что запас кислорода поубавился. И с каждым оборотом секундной стрелки... проходила еще минута жизни, проходила навсегда, безвозвратно...

Он снова, в который раз, испытал восхищение перед удивительной гармонией равновесия между центробежной силой и земным притяжением. Его корабль, летящий в космосе, казался ему воплощением этой совершенной гармонии. Все явления в космосе происходили с математической точностью. Все здесь подчинялось законам небесной механики, иногда порождающим чертовские парадоксы. Чтобы вернуться на Землю, он должен падать. Чтобы ворваться назад в манящую атмосферу, он должен падать.

Но именно это и происходило с ним. Он был невесом потому, что падал. Он все время падал, двигаясь к Земле.

Законы небесной механики исключительно точны и гармоничны. Они прекрасны, они всегда восхищали его. Но они оказались и западней, прекрасной, гармоничной западней.

Капсула неслась сквозь вакуум, падая по самой пологой дуге, какая только возможна. Ничто не могло противостоять закону притяжения. Но его можно было, так сказать, «изогнуть», что и сделали люди. Под действием земного притяжения капсула падала. Как и все другие тела, она падала по направлению к центру Земли.

Но она одновременно неслась в космосе с огромной скоростью. И под воздействием этой скорости падение капсулы было не крутым, а пологим, по плавной, обманчиво отлогой кривой, которая удивительно точно совпала с кривизной поверхности нашей планеты. Это казалось чудом — земная поверхность уходила из-под «падающего» корабля, и падение превращалось в движение по замкнутой орбите. Чтобы вывести корабль с орбиты, нужно было сделать покруче эту пологую кривую «падения», изогнуть ее по направлению к Земле.

Здесь-то и должны были сказать свое слово тормозные двигатели. Они должны были замедлить скорость его капсулы. Тогда притяжение немедленно взяло бы верх над центробежной силой. Капсула начала бы снижаться и очень скоро пересекла бы верхнюю границу земной атмосферы и вошла в сильно разреженные верхние слои огромного воздушного океана, распростершегося ниже.

Капсула в своем стремительном падении начала бы сталкиваться с молекулами разреженного воздуха. Сначала это были бы только сотни столкновений, но по мере снижения капсулы их число продолжало бы неуклонно возрастать почти по вертикали и составило бы сначала тысячи, а затем миллионы, миллиарды, словом, огромные, неисчислимы величины.

И тут опять проявлялось это поразительное равновесие. Чтобы вывести капсулу на орбиту, требуется кинетическая энергия — тепло. Эту энергию давали ревушие огнем сопла огромной ракеты «Атлас». Ракета преобразует тепло, его кинетическую энергию, в тягу, в скорость. Таким образом, капсула, летящая по орбите, представляла собой плотнейший сгусток, заряд энергии.

С виду это как будто совсем не так, но при вхождении в атмосферу этот заряд энергии дал бы о себе знать. Что-

бы вернуться на Землю, капсуле пришлось бы отдать именно такое количество энергии, какое было затрачено для ее вывода в космос.

Капсула отдаст эту энергию в форме трения. Атмосфера превратится для нее в огнедышащую топку. Капсула устремится к Земле, а впереди, далеко впереди ее теплозащитного экрана, будет нестись головная волна сильно сжатого воздуха — фактически ударная волна, как от взрыва, раскаленная чуть ли не до семи тысяч градусов — горячее, чем поверхность Солнца! В каких-нибудь тридцати сантиметрах за спиной Пруэтта теплозащитный слой из пропитанного смолой стекловолокна, поглощая тепло, нагреется до тысячи шестисот градусов и раскалится добела; под воздействием этой невероятной температуры из него полетят во все стороны струйки газов и расплавленной смолы.

А он будет сидеть в кабине...

— Хватит этой чепухи! — сердито скомандовал он себе. И сам удивился своей вспышке. Многолетний опыт приучил его к выдержке и самообладанию. Пруэтт отлично понимал, почему так размечтался о возвращении в атмосферу, но он всегда был и сейчас оставался безжалостным к своим слабостям.

Он сосредоточился на запросе мыса Кеннеди. Попытался вспомнить все. Он отдавал себе отчет в том, что мог упустить что-нибудь второстепенное, показавшееся ему незначительным. Такое случалось в полетах, случалось и с летчиками-новичками, и с умудренными опытом ветеранами, налетавшими по двадцать-тридцать тысяч часов. Потому-то сейчас, так же как и несколько лет назад, были в ходу печатные бланки контрольных листов и карандаши все еще изготавливали с резинками на конце.

Но он понимал, что бесполезно ломать голову и пытаться сразу восстановить каждое из тысяч мелких со-

бытий за последние трое суток — это было все равно, что искать иголку в стоге сена. Полет проходил по строгому четкому графику. Он неустанно тренировался перед полетом, пока не почувствовал себя так же уверенно, как опытный боксер перед выходом на ринг. И все же это был его космический дебют.

Выполняя напряженную программу полета, проводя научные эксперименты, докладывая строго по графику на наземные станции, разбросанные по всему земному шару, упиваясь красотой неба и огромного мира внизу, — он, разумеется, вполне мог что-нибудь упустить. Правда, он верил в себя. Но прошлые ошибки и многолетний опыт научили его никогда не зазнаваться.

Надо все вспомнить. Но — не спеша! Любая поспешная попытка обнаружить ошибку, если такая действительно совершена, только собьет с правильного пути. Нужно успокоиться, расслабиться, освободиться от напряжения, навалившегося на него и мешавшего сосредоточиться. Только полная объективность! Отделаться от леденящего сознания неизбежной близости рокового конца. Отдохнуть. Хоть на несколько минут выбросить из головы этот проклятый вопрос. Пусть ненадолго, но поставить себя мысленно вне событий, а затем неторопливо вернуться к реальности, полностью владея всеми своими мыслями и чувствами.

Он закрыл глаза, забыв, что летит над огромным миром. Его тело слегка покачивалось над креслом. Он был зажат между герметичными переборками, гудящей аппаратурой, пультом управления. Но в этом ограниченном пространстве ничто не мешало ему свободно плавать в невесомости.

Он отдался на волю мыслей, медленно, неторопливо скользивших от одного воспоминания к другому, извлекавших из памяти самое дорогое...

Он жил в Хантингтоне, на северном берегу Лонг-Айленда, и добираться оттуда до аэродрома Рузвельт-Филд на попутных лучше всего было ранним утром. Тридцать километров — немалый конец, если идти пешком, и он усвоил, что выходить надо пораньше. Когда солнце еще только поднимается над горизонтом, дороги почти пустынные. Бензин в те дни был нормированный, легковые машины на дорогах попадались редко, зато грузовиков было полно. Ранним утром шоферы охотно брали улыбающегося подростка, который останавливал машины поднятым кверху большим пальцем — жестом, освященным десятилетиями. Тотчас раздавалось громкое шипенье воздушных тормозов, весело визжала резина, и машина замедляла ход. Он радостно бежал вдоль обочины и прыгал в кабину огромного тягача с широкими потертыми кожаными сиденьями.

Он обычно рассказывал водителю, что едет на аэродром Рузвельт-Филд под Минеолой. Он говорил, что, если ему повезет, его даже могут взять полетать. Водить громадные тягачи — работа для настоящих мужчин, но шоферы всегда слушали его с интересом, и время в поездке бежало незаметно. Он вылезал из кабины, громко кричал «спасибо!» и бежал к аэродрому.

Когда Дику Пруэтту исполнилось четырнадцать, один знакомый летчик впервые взял его полетать. Самолет был старенький, перкалевая обшивка выгорела и покрылась желтыми пятнами, а из двигателя на землю капало масло. Во время полета воняло бензином, и весь самолет ходуном ходил. Но пилот не обращал на это

никакого внимания, а Пруэтт был в диком восторге от этой дребезжащей, страдающей одышкой машины.

Он часто приезжал на Рузвельт-Филд просто поглазеть на самолеты. Вдалеке, с аэродрома Митчел-Филд, взмывали в небо истребители и бомбардировщики. Иногда он выходил на дорогу, пролежавшую у самого конца взлетной полосы Митчел-Филд, и с трепетом следил за тем, как истребитель вспарывал воздух в нескольких метрах над его головой и, убирая шасси, словно птица с подбитыми лапами, взмывал в небеса.

Но на Рузвельт-Филде он мог подходить к самолетам поближе. Он смотрел, как пилоты кричат механикам «контакт!», как вдруг начинают вращаться деревянные пропеллеры и захлебываются кашлем моторы. Он любил стоять позади самолетов, когда летчики давали газ на месте, проверяя мотор. Вздывая пыль, хлестала назад воздушная струя, воняло маслом и бензином. Трава прижималась к земле, точно уши испуганной собаки; лицо обдавал сильный горячий ветер.

Не раз ходил он к дальнему концу одной облюбованной им взлетной полосы. Там сбоку был маркер. Иногда он осторожно клал руку на этот сигнальный знак и осторожно гладил по его поверхности. И тогда он представлял себе: вот серебряный моноплан бежит по траве все быстрее и быстрее, набирает скорость, подпрыгивает, пока хвост не оторвется от земли, и, наконец, взлетает. Разинув рот, он слушал ветеранов, которые вспоминали великое мгновение, когда Линдберг открыл дроссель на своем «Райяне» и отправился в сказочный полет к славе.

«С этой самой взлетной полосы, с этого самого места!» — думал Дик, вспыхивая от восторга, — ведь он сейчас находился на том самом месте, где проходил Линдберг.

Но сам он больше не летал. Его друг с дребезжащим старым самолетом куда-то переехал, и Прюэтту остались только запахи, ревущие моторы да ветер, швыряющий пыль в лицо. Он просто стоял у ангаров и смотрел. Однажды какой-то летчик выкатывал из ангара блестящий новенький «Ласком». Ему требовалась помощь, а поблизости никого не было. Заметив Прюэтта, летчик подозревал его:

— Эй, мальчик! А ну-ка помоги! Живо!

Прюэтт рванулся к маленькому двухместному самолету с такой поспешностью, что даже споткнулся. Он обежал правое крыло и, схватившись за стойку, стал толкать. Красивая машина легко катилась по траве.

— Спасибо, — сказал летчик и пошел в диспетчерскую.

Когда он вернулся, Прюэтт стоял на ящике у носа машины и полировал его своим носовым платком. Он уже вытер стекло фонаря кабины и трудился над боковыми стеклами. Некоторое время летчик молча наблюдал.

— Хочешь прокатиться, сынок? — спросил он. Широкая улыбка Прюэтта сказала ему все. — Ладно, тогда залезай.

Мальчик глубоко вздохнул, чтобы впитать в себя запах «Ласкома». Это был новый самолет, чистенький и сверкающий. Два сиденья бок о бок, приборная доска поразили Прюэтта своим великолепием, и он очень осторожно погладил пальцами ручку управления, которая была у его кресла.

Двадцать минут спустя они уже поднялись на тысячу восемьсот метров и лениво плыли над белыми клубочками облаков. Прюэтт молчал и не спускал глаз с пилота, стараясь не пропустить ни одного его движения. Он не поверил своим ушам, когда летчик повернулся к нему и сказал:

— Хочешь попробовать управлять сам?

— Еще бы!

Летчик рассмеялся.

— Ладно. Но помни: самолет очень чуткий и слушается малейшего движения ручки.

Когда мальчик сомкнул пальцы вокруг ручки, они слегка дрожали. Летчик улыбнулся ему и поднял руки вверх, показывая, что передает управление самолетом. Пруэтт с трудом сглотнул ком в горле — страшно было поверить, что он по-настоящему, сам ведет самолет.

Впрочем, он пока еще не вел самолет, он его дергал. А с такими самолетами надо обращаться нежно: скажи шепотом, чего ты хочешь, и серебристая машина покорно выполнит твое желание. Через десять минут летчик снова взял управление на себя.

Он приземлился в Ист-Хэмптоне, в глубине Лонг-Айленда.

— Я скоро вернусь, — сказал он. — Покарауль самолет, чтобы тут никто не набезобразничал.

Через час летчик вернулся, и они вырулили на конец взлетной полосы.

— Возьмись легонько за ручку и поставь ноги на педали, — приказал летчик. — Ну, теперь ты будешь вместе со мной вести самолет и поймешь, в чем тут секрет.

Пруэтт кивнул. «Ласком», слегка подпрыгивая, помчался по полосе. Пруэтт едва ощутил, как ручка чуть подалась к нему, но самолет подчинился и оторвался от земли.

Они были в пятидесяти километрах от Рузвельт-Филда, когда летчик велел Пруэтту проверить, крепко ли затянут привязной ремень.

— Ты когда-нибудь пробовал высший пилотаж, сынок?

— Нет... нет, сэр, никогда.

— Ладно, держись покрепче. И скажешь мне сразу, если тебя станет сильно мутить.

Небо исчезло. Там, где прежде было небо, Пруэтт увидел вертикальную линию и вдруг понял, что это и есть край земли, что горизонт теперь стал дыбом. Но «Ласком» продолжал переворачиваться, как бы катясь по стенке внутри невидимой бочки, и вот уже земля наверху, а небо внизу. Мальчик едва успел перевести дух, как самолет ринулся вниз. А когда нос стал задирается все выше и выше, Пруэтта легонько толкнуло к спинке сиденья и начало прижимать к ней все сильнее и сильнее. Потом горизонт снова исчез, и мотор самолета, перешедшего в пики, взревел. Но вот нос опять стал подниматься выше и выше; мотор натужно ревел, преодолевая нагрузку. Солнце ударило в глаза, и Пруэтт понял, что лежит на спине, а «Ласком» описывает в небе великолепную мертвую петлю.

Было еще много других фигур, и глаза Пруэтта сияли от восторга, когда серебристый самолет прошелестел по траве Рузвельт-Филда.

После этого умопомрачительного полета мальчик уже не знал удержу. Он бредил полетами во сне и наяву и своими длительными отлучками из дому доводил родителей до отчаяния. Он натащил в дом груды книг из библиотеки и зачитывался ими далеко за полночь. Тут были и книги о приключениях и трагедиях, случавшихся с летчиками, и серьезные труды по аэродинамике. Он окунулся в мир полетов, как в веселую игру, и это чувство стало медленно ослабевать лишь после того, как он налетал уже немало часов. Игра постепенно становилась профессией.

Всю вторую половину дня после школы он работал. Он старался не тратить денег, копил, подрабатывал не только после уроков, но и по субботним вечерам. Почти

каждое воскресенье он проводил на аэродроме и там тоже брался за любую работу. Плату он требовал только одну — полетать; даже пятнадцать минут в воздухе значили для него много.

Когда ему исполнилось шестнадцать, в его книжке было записано уже девяносто летных часов, и он мчался домой так, будто его несли крылья. Именно в этот день он самостоятельно поднялся в воздух, а ведь у каждого летчика бывает только один первый самостоятельный вылет.

Когда началась война, снабжение бензином почти полностью прекратилось. Но теперь Пруэтт знал все ходы и выходы и постарался завязать дружбу с несколькими летчиками из гражданской службы воздушного патрулирования. Они патрулировали воды у Атлантического побережья с целью обнаружения подводных лодок противника. Это были отчаянно смелые и, по мнению многих, совершенно нелепые полеты. Некоторые летчики прикрепляли самодельные скобы к брюху самолета и к этому «последнему слову техники» подвешивали двадцатикilограммовые бомбы. В лучшем случае это было рискованно: маленькие самолеты при взлете и посадке тряслись и подпрыгивали, да и что мог поделаться с подводной лодкой человек на обтянутой парусиной этажерке, если бы он даже и обнаружил ее в надводном положении?

Вопрос этот так и остался без ответа, потому что в один прекрасный день самолет «Стинсон» при взлете попал колесом в выбоину, и его так потряхнуло, что бомба отцепилась... Воронка на взлетной полосе получилась не очень большая, но от «Стинсона» и двух летчиков осталось только мокрое место. На этом полеты патрулей и закончились.

Пруэтт летал при всякой возможности. Главное — по-больше летать, главное — чаще держать ручку управле-

ния. Пруэтт делал большие успехи — он интуитивно чувствовал каждое движение самолета в полете, к неиссякаемому энтузиазму постепенно прибавлялось мастерство.

Летом тысяча девятьсот сорок третьего года, окончив Хантингтонскую среднюю школу, он прямо с выпускного бала отправился на армейский вербовочный пункт и попросил направить его в военное летное училище. К тому времени он налетал четыреста часов...

В начале тысяча девятьсот сорок четвертого года новоиспеченный лейтенант прикрепил на погоны золотые полоски и с величайшей гордостью нацепил на свою форменную блузу серебряные крылышки. Улучив минуту, он удрал к себе в комнату и заперся.

Он посмотрел на себя в большое зеркало и не поверил своим глазам.

— Ричард Джон Пруэтт... летчик-истребитель, — прошептал он. И долго еще стоял, рассматривая себя в зеркало.

Военно-воздушные силы послали его на учебную базу, где осваивали новую технику молодые летчики-истребители. Самой большой машиной, на которой ему пришлось летать до сих пор, был учебный самолет «АТ-6», крепко сколоченный рычащий зверь в шестьсот лошадиных сил. В новой школе Пруэтт очутился перед лоснящимся носом «Мустанга». Он робко погладил рукой одну из четырех огромных лопастей винта и проторчал целый час у поджарого истребителя, любясь его линиями и сгорая от нетерпения поднять самолет в воздух.

Он доводил своих инструкторов до изнеможения. А ему все было мало. «Мустанг» оказался машиной мощной, послушной, стремительной и беспощадной, как тигр. Этот самолет казался венцом всех мечтаний Пруэтта, приведших его в авиацию. В учебных воздушных боях Пруэтт дрался с таким неистовством, что через несколь-

ко недель перешеголял своих инструкторов, которые быстро обнаружили, что этот молодой лейтенант стал такой же неотъемлемой частью истребителя, как и мотор.

Пруэтт был прирожденным летчиком. Более того, он был блестящим прирожденным летчиком, сочетавшим в себе это великолепное качество с техническим мастерством.

Но ему так и не пришлось пострелять из шести пушек «Мустанга» в бою. Когда война в Европе кончилась, его отпустили с действительной службы ВВС, так как он решил поступить в колледж. Пруэтт своевременно почуял надвигающуюся беду. Когда война на Тихом океане окончится, летчиков всюду будет хоть пруд пруди. Десятки тысяч летчиков! И всех их ни в грош не будут ставить. Пруэтт слышал, что в боях в Европе уже принимали участие новые реактивные самолеты; он разговаривал с летчиками, которым доставалось от двухмоторных «Мессершмиттов» — у тех скорость была километров на двести в час больше, чем у американских самолетов.

Стреловидные крылья, число Маха, оборудование для сжатия воздуха, газовые турбины... лексикон наступающей эры и волновал и настораживал. Волновал, потому что сразу за горизонтом предвиделись новые масштабы полетов; настораживал, потому что теперь мало уже быть просто пилотом. Надо еще чтобы и котелок варил.

Пруэтт поступил в Миннесотский университет и взялся за осуществление дьявольски жесткого плана — одолеть четырехлетний курс за два года. Другие летчики справились с этой задачей; он не хотел уступать никому. Все не относящееся к занятиям проносилось мимо каким-то туманным вихрем и совершенно не интересовало Пруэтта. Через два года после поступления в университет он окончил его с дипломом авиационного инженера.

Он позволил себе только перевести дух и снова взял-

ся за работу. Годом позже (потеряв килограммов семь по сравнению с тем весом, который у него был, когда он впервые переступил порог университета) он защитил магистерскую диссертацию.

В возвращении в кадры ВВС ему временно отказали. Война кончилась, число полетов резко сократилось, и от военных летчиков, желавших летать, просто отбоя не было.

Пруэтт поехал домой. Это было осенью тысяча девятьсот сорок седьмого года, он был рад передышке после трехлетней изнурительной гонки. Он наслаждался ничегонеделаньем, целыми днями ловил рыбу и с легким изумлением заметил, как плотно теперь облегают платья формы девушек, некогда знакомых ему еще по школе. Но среди них была одна, совсем особенная — Энн Фаулер. Он выделял ее среди всех своих приятельниц, и хотя ни он, ни она прямо не говорили об этом, само собой разумелось, что в будущем они когда-нибудь поженятся. Энн никогда ни на чем не настаивала, и сейчас, не скрывая своей радости от встречи с Пруэттом, она, как всегда, стремилась сохранить непринужденность и простоту их отношений.

Вместе с тем, как и прежде, она была с ним совершенно откровенна. Это по ее предложению Пруэтт попросил у друга катер с каютой, и они с Энн Фаулер вдвоем пропадали целую неделю.

Когда они вернулись, Пруэтта уже ждало письмо из Пентагона. Ему предлагалось явиться двадцатого января тысяча девятьсот сорок восьмого года для продолжения службы. Пруэтт ошалел от радости.

Он решил отметить это событие. А чем же еще можно было отметить его, как не полетом? Он поехал на машине из Хантингтона на юг к небольшому аэропорту поблизости от Эймитивилия. Друг его отца Эд Лайонз год назад открыл здесь летную школу.

...Оглядевшись, Прюэтт подумал, что пышное название «Аэропорт Занс» мало соответствует действительности. Две травяные взлетно-посадочные полосы: одна длиной метров в восемьсот, другая меньше шестисот метров. Походив по летному полю, Прюэтт убедился, что полосы вообще мало отвечают своему назначению: больше глины, чем травы.

Но у него, как встарь, засосало под ложечкой. При виде самолетиков, раскатывающих по аэродрому, он вспомнил дни учения и улыбнулся, почуяв знакомую вонь масла и бензина. У Эда Лайонза было четыре новых «Джей-3» для тренировочных полетов, но Прюэтт не обратил на них никакого внимания. Он вошел в ангар и устоял на сверкающий красно-белый биплан «Стирман». Это была поистине мечта летчика. Что это не серийный самолет, Прюэтт заметил с первого взгляда. Мотор был явно мощнее обычных, которые он встречал на самолетах этого типа, да и сама машина просто сверкала. Прюэтту сразу бросились в глаза некоторые изменения в конструкции самолета; он понял, что машину переделали для пилота, который любит покувыркаться в небе.

Прюэтт услышал позади себя шаги. Он обернулся и увидел широкоплечего человека в замасленной одежде. Человек ткнул большим пальцем в сторону самолета.

— Нравится? — спросил он.

— Очень. Никогда не видал такого.

Человек рассмеялся.

— Это уж точно. Такого больше нет. Я переделал его прямо здесь. Основательно усилил его, теперь он вытерпит все, что может с ним сделать летчик. Теперь это одна из лучших машин для высшего пилотажа... Постойте...— Он пристально посмотрел на Прюэтта.— А вы не сынок ли Боба Прюэтта?

Пруэтт и Эд Лайонз пожали друг другу руки.

— Твой старик говорил мне, что ты летчик что надо,— сказал Лайонз.

— Ну, тут, я думаю, он немного перехватил,— ответил Пруэтт.— Кое-что я делать умею, но лично мне кажется, что я еще стою на пороге. Правда, одно говорит в мою пользу,— добавил он, улыбаясь,— военно-воздушные силы доверяют мне своих железных птичек.

Они сидели в кабинете у Лайонза и пили кофе. Пруэтт рассказывал о своей летной службе. Вдруг Лайонз встал.

— Хочешь полетать со мной на «Стирмане»? Посмотрим, как ты с ним справишься.

— Вы еще спрашиваете, хочу ли я полетать на таком самолете? Второй раз вам просить меня не придется. Пошли!

Пруэтт знал, что полетит с настоящим ветераном авиации. Отец рассказывал о прошлом Лайонза, который облетел чуть ли не весь свет в поисках приключений. Никто не знал, сколько часов Лайонз провел в воздухе, да и сам летчик не обременял себя такими подсчетами. Летать он умел на всем, что только может оторваться от земли.

В тысяча девятьсот тридцать седьмом году он летал на русских пикирующих бомбардировщиках «Катюшах» в Испании и до смерти пугал своих хвостовых стрелков, опускаясь ниже верхушек деревьев, с ревом проносясь по узким горным ущельям, летя с вертикальным креном, потому что ущелья были уже размаха крыльев машины. Наземные цели он атаковал почти в упор, словно хотел обезглавить вражеских солдат сверкающими винтами.

На «Катюше» были четыре мощные носовые пушки, и Лайонз только ухмылялся, когда на него насакивали вражеские истребители. «Катюша», конечно, была тяже-

лее и медлительнее истребителей, но Лайонз знал, что противник, рассчитывая на это, теряет бдительность. Это тоже стало его оружием. А, кроме того, Лайонз был одним из великих мастеров высшего пилотажа. Когда истребители, ревя, настигали его, он переводил свою «Катюшу» в крутое, но слегка искривленное пике, позволявшее ему совершать бешеный скользящий разворот навстречу врагу за пределом дальности его пушек. Играя рулевыми педалями, Лайонз кидал нос самолета из стороны в сторону. Носовые пушки работали, как пила, да и хвостовому стрелку при этом удавалось куснуть противника. Вражеские пилоты шарахались от этого демона.

До отъезда из Испании Лайонз сбил огнем носовых пушек три истребителя. Его хвостовой стрелок поджег еще два. Мало того, Лайонз иногда действовал на «Катюше», как на истребителе, врезаясь на полной скорости в строй бомбардировщиков противника. Он уничтожил четыре двухмоторных бомбардировщика, развалившихся в воздухе на куски.

И все это происходило в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, когда Пруэтт еще только мечтал о небе...

Пруэтт был не просто хорошим летчиком. Перед Лайонзом он приbedнялся, но на самом деле летную школу окончил первым среди своих сокурсников. У него были все качества летчика. Кстати, и полеты на «Стирмане» не были для него в новинку — в начальный период обучения в училище ему приходилось подниматься на машине этой марки. Правда, она совсем не походила на этот самолет, усовершенствованный Лайонзом. Пруэтт сразу же обратил внимание на необычайную чувствительность машины и мощность ее мотора.

Пока Лайонз, оторвавшись от взлетной полосы, набирал высоту, Пруэтт поправил кожаный шлем и очки и

включил переговорное устройство. Когда самолет был в двух тысячах метров над южным берегом острова, Лайонз передал управление Прюэтту.

— Делай что хочешь, — сказал он. — И не беспокойся о перегрузках. Он все выдержит. Давай. — Он поднял руки над обтекателем. — Машина в твоём распоряжении.

Прюэтт блаженствовал. Он проделал все: медленные двойные повороты и «бочки», иммельманы, падение листом, боевые развороты, быстрые «бочки», затем плоский штопор, восьмерки, мертвые петли — все, что можно было вычитать в наставлении по высшему пилотажу. Все фигуры он выполнил с такой точностью, которая удовлетворила бы самого взыскательного инструктора.

— Неплохо, неплохо, — заметил Лайонз, беря управление на себя.

— Что значит «неплохо»? — раздраженно откликнулся Прюэтт. — Во время какого финта я выпустил мяч?

Замечание Лайонза задело его. Черт побери, он же совершенно правильно выполнил на этом «Стирмане» все маневры!

— Гонять мяч может всякий, друг мой, — спокойно сказал Лайонз. — Любой может это делать. Это дело практики, и только.

— Ну, знаете, я не хочу, чтобы вы считали меня наглцом, тем более что вы друг моего старика, — сказал, усмехнувшись, Прюэтт, — но если уж я такой увалень, почему бы вам не показать мне, как надо летать?

Из задней кабины не донеслось ни звука. Прюэтт не вытерпел и громко рассмеялся. В конце концов, после всех фигур, которые он выполнил, устанет любой человек, а Лайонз все-таки староват. Но Лайонз задел его за живое, и Прюэтт уже не мог удержаться, чтобы не сказать колкости.

— Давай, старик, — крикнул он, — покажи класс!

Лайонз опять не ответил. Пруэтт тотчас же пожалел о своих словах — они были недобрые, а Лайонз оказал ему любезность, пригласив его на свой «Стирман». Он хотел было извиниться.

Но так и не сказал ни слова. Не мог.

Мир словно бы взорвался и исчез — небо, солнце, вода, земля стремительно слились в сплошное смутное мелькание. Пруэтт не понял даже, что сделал Лайонз, но «Стирман» в одно мгновение превратился в живое существо. Пруэтт едва успел прошептать: «Господи!», а руки Лайонза, его ноги, все существо его стали как бы продолжением сверкающего биплана, они слились с машиной в единое целое.

Самолет натужно ревел, молниеносно выполняя фигуры высшего пилотажа. Лайонз не проделывал одну фигуру за другой; нет, это было одно непрерывное движение — ни одной секунды паузы, промедления, только стремительное кружение солнца, голубой воды, зеленой земли да непрерывная смена бешеных нагрузок на тело.

Исполнение фигур было просто невообразимым, особенно «бочки». Провалившись к земле, «Стирман» взмывал и шел на петлю, и только ветер свистел в расчалках. В мертвой точке он замирал, словно купаясь в солнечном свете, овеивая себя прохладным воздухом. Застыв вверх колесами, он парил с полным пренебрежением ко всему, что лежало далеко внизу, а затем ручка управления шевельнулась, педали затанцевали и Пруэтт сообразил, что Лайонз проделал — подумать только, в мертвой точке петли! — одну за другой три великолепные «бочки». «Стирман» едва вышел из третьей «бочки», как ручка уже снова пошла назад, и самолет со свистом понесся к земле в искривленном перевернутом пике.

Потом земля вернулась на свое место, мотор уже не взрывал, а гудел привычно и ровно. Пруэтт, наконец,

перевел дух. Он никогда, никогда не представлял себе, что можно *так* летать. Господи, да ведь... да ведь по сравнению с таким мастером, как Лайонз, он, Пруэтт, всего лишь неуклюжий новичок, который едва научился отрываться от земли!

А он-то называл Лайонза «стариком» и осмелился потребовать, чтобы тот показал ему, жалкому хвостуну, как летать!

Сверкающие плоскости слегка накренились влево, самолет начал вираж. Повинуясь Лайонзу, он входил во все более крутой вираж, пока плоскости не стали почти вертикально. Все круче и круче разворачивался ловкий самолет, словно цепляясь за воздух. Пруэтт взглянул вниз и увидел желто-зеленые полосы маленького аэродрома. Он...

Все мышцы внезапно напряглись. «Стирман» начал дрожать, подергиваться, словно что-то слегка похлопывало его по плоскостям и фюзеляжу. Вибрация становилась все сильнее. Лайонз терял скорость, вираж становился все круче, а он даже не заметил, что происходит. Пруэтт хотел было крикнуть, предупредить — ведь в любой момент с верхних плоскостей мог сорваться поток и тогда...

Слишком поздно! «Стирман» больше не слушался летчика. Коварным дергающимся движением биплан рванулся вверх и перевернулся через крыло. Нырнув носом, «Стирман» вошел в штопор. Земля завертелась в каком-то пьяном вихре.

Лайонз и пальцем не шевельнул, чтобы вывести самолет из штопора...

Крутящаяся земля неслась им навстречу. Для спасения оставались считанные секунды. Пруэтт судорожно схватился за ручку, но та вдруг сама сдвинулась с места. Он почувствовал резкий удар руля, и в этот момент руч-

ка рванулась вперед. С точностью механизма «Стирман» вышел из штопора и перешел в планирование.

Пруэтт не верил своим глазам. Конец посадочной полосы скользнул под крылья, и «Стирман», нежно, почти радостно вздохнув, коснулся колесами травы и с шелестом покатил по земле.

— Эй, Кипяток!

Пруэтт не ответил. Он все еще был слишком ошеломлен этим штопором, головокружительным верчением земли, собственным испугом и невообразимым мастерством Лайонза.

— Эй ты, там! Жив еще?

Ручка неистово замоталась из стороны в сторону, колотя Пруэтта по коленям. Он ухватился за нее и остановил.

— Ладно, ладно. Хорошо, что ты меня страховал, ас, — язвил Лайонз. — Как считаешь, тебе хватит авиационного опыта, чтобы зарулить на этой штуке к ангару?

Пруэтт молчал. Вместо ответа он подал рукоятку дросселя вперед, и самолет, виляя, покатил к заправочной яме. Пруэтт закрепил тормоза и перекрыл подачу горючего. Мотор почихал и заглох. Пруэтт выключил все тумблеры, стащил с себя шлем и медленно выбрался из кабины.

Лайонз ждал его, подбоченясь и склонив голову набок. Смущенный Пруэтт подошел к нему.

Лайонз ткнул толстым пальцем ему в грудь.

— Ну-с, мой юный Рихтгофен, сейчас ты угостишь меня самым большим бифштексом, какой только найдется на этом острове. Договорились?

Пруэтт с готовностью кивнул. Лайонз оглушительно захохотал и повернулся на каблуке. Пруэтт побрел следом в его кабинет.

В тот же вечер, за бифштексами и большой бутылкой вина, они разговаривали о летном мастерстве. Пруэтта поразило собственное невежество. А ведь он налетал более тысячи часов, он был и авиационным инженером с магистерской степенью, и летчиком-истребителем... Пруэтт с благодарностью отметил, что Лайонз всего этого не отменял, хотя и не придавал его опыту большого значения.

Для пущей выразительности Лайонз стукнул по столу кулаком.

— Дик, ты хороший летчик. Настоящий.

Когда Пруэтт удивленно поднял голову, он улыбнулся ему.

— Не очень расстраивайся из-за этого крещения, — пояснил Лайонз. — Не ты первый, не ты последний. Но над тобой стоит поработать. У тебя отличный расчет, ты понимаешь, что такое точность, а потом у тебя есть главное — слияние с самолетом.

Пруэтт слушал.

— Продолжайте, Эд.

— Но у тебя есть недостатки. Да, недостатки. Тебе мешает вся эта инженерная премудрость.

— Как это так?

Пруэтт недоумевал: как могут технические знания мешать летному мастерству?

— О, это не мешает тебе отлично летать. Не бойся, ты порадовал бы любого инструктора. Ты летаешь точненько по наставлению. И в этом твоя беда, Дик. Летать по книжке хорошее дело, пока не начинаешь учиться летать по-настоящему. Я-то знаю, чему тебя учили. «Самолет — это механическое устройство, неизменно действующее в соответствии с законами механики». Ну и что, мальчуган? Это было известно еще братьям Райт. Но — и это очень важное «но» — надо наконец достичь такого

уровня, когда ты уже не думаешь об этих вещах. Я не говорю, что о них следует забыть; это глупо и в конце концов будет стоить тебе жизни. Надо сделать так, чтобы вся наука, которую вбили тебе в башку, стала твоей второй натурой. Мало толку летать со счетной линейкой в руках. Возможно, так ты добьешься отличной точности, но дальше книжки никогда не пойдешь. И станешь замечательным, превосходным «правильным» летчиком.

— Ну и что? — заартачился Пруэтт. — Что плохого, если я буду стараться достичь совершенства? Черт побери, Эд, ведь учебники пишут именно такие, как вы. Если учебники ни к черту не годятся, чего ради мы их зубрим?

— А кто сказал, что учебники не годятся?

— Да вы же, только что, — удивленно сказал Пруэтт.

Лайонз осушил бокал и протянул его Пруэтту, чтобы тот налил еще.

— Учен ты больно, сынок, и слушаешь не очень внимательно. Я сказал, что учебники — хорошее дело, но до поры до времени. А потом наступает момент, когда надо переходить в следующий класс.

— В какой еще класс?

— Учебники со всем, что в них написано, должны стать твоей второй натурой, как я уже говорил. Об этом не думаешь; это становится как бы... ну, скажем, таким же естественным, как ходьба. Ты же не думаешь о сохранении равновесия, когда ходишь; ты просто идешь, и все. Но всякий ребенок должен *научиться* ходить. Верно?

Пруэтт молча кивнул.

— Вот и хорошо! Значит, ты уже начинаешь соображать. А затем уже до конца своей жизни ребенок — мальчик — мужчина больше не думает о сохранении равновесия, когда ходит или бежит. Даже в болезненном состоя-

нии, когда голова закружится, например. Он не старается сохранить равновесие. Это становится рефлексом, инстинктом. Вот чем для тебя должен стать полет, если ты хочешь чего-то добиться, а не просто по-ученически водить самолеты.

Он помахал зажатым в руке бокалом перед носом Пруэтта, тот вылил из бутылки остатки вина и сделал знак официанту принести еще.

— Что ж, я рад, что хоть в отношении доброго вина ты проявляешь здоровый инстинкт, — сказал Лайонз. — Вот мы говорили об учебниках, и ты понес чепуху о ветеранах, которые их написали. Тут-то ты и ошибаешься, Кипяток.

Пруэтт поморщился.

— Твоя ошибка в том, что ты принимаешь учебник за конечную истину. А он и рядом не лежал с этой истиной и никогда не станет ею. Потому-то мы все переписываем их, меняем, дополняем. Ведь до сих пор превосходные летчики, налетавшие по двадцать тысяч часов, гибнут и гибнут, и учебники ни в чем не могут им помочь. Учебники, мой юный друг, они дают общее направление. И то лишь до определенной точки, — а уж дальше ищи дорогу сам. И твоей партией становится кабина самолета.

Он поднял кверху палец, и Пруэтт задрал голову.

— Вот-вот, правильно, — ласково сказал Лайонз. — Там, только там — настоящая школа.

Потом они поехали на аэродром, где Пруэтт оставил свою машину. Он уже было захлопнул дверцу, когда Лайонз поманил его.

— Сколько тебе еще осталось до явки на службу? — спросил он.

— Примерно шесть-семь недель, — ответил Пруэтт.

— Времени маловато, но можно попытаться кое-что

сделать до твоего возвращения к этим железным уродам, на которых вы там летаете.

Лайонз задумался; Пруэтт молча ждал, что он скажет. Наконец Лайонз посмотрел на него в упор.

— Приезжай-ка завтра утром, — сказал он. — Будь здесь в шесть... ровно.

Пруэтт не успел раскрыть рта, как машина Лайонза с ревом унеслась.

«Долгий же был сегодня день, — размышлял он по дороге домой. — «Киптток» Пруэтт. Да, Лайонз яснее ясного дал понять, что я еще совсем молокосос. Черт побери, умеет же летать этот старик!»

На другое утро он был на аэродроме в половине шестого. Еще до приезда Лайонза Пруэтт вывел «Стирман» из ангара. Он промыл отстойник и тщательно осмотрел самолет. Когда Лайонз подошел к ангару, Пруэтт низко поклонился и произнес нараспев:

— Приветствую тебя, о Учителы! Твой ученик ожидает тебя.

Лайонз улыбнулся ему.

— На лету хватаешь, Кипятток. По крайней мере ведешь себя как надо. — Он посмотрел на «Стирман». — Все проверено?

— Самолет готов.

— Хорошо. Зато я не готов. — Он кинул Пруэтту связку ключей. — Открой кабинет и приготовь кофе. С этого надо начинать, если хочешь стать настоящим летчиком.

И он исчез в ангаре.

Шесть недель Лайонз муштровал Пруэтта. Он не давал ему спуска ни в чем, не принимал никаких отговорок, орал и ругался при малейшем нарушении приказов. Он был беспощаден и умел своими стариковскими колостями доводить Пруэтта до белого каления. А когда

это случалось и Пруэтт начинал багроветь от ярости, он вытягивал шею и, заглядывая Пруэтту в глаза, говорил голосом, жестким, как наждачная бумага:

— Что с тобой, Кипяток? Обижаешься? Ну да, ты же великий летчик! Ты знаешь все на свете! Может, — фыркнув, добавлял он, — ты сам хочешь меня поучить? Попробуй, Кипяток, а?

И всякий раз Пруэтт вовремя умерял свой пыл и не доводил дело до перебранки. Он понимал, что это тоже элемент его закалки, как и все остальное. Лайонз подзуживал его при всяком удобном случае как на земле, так и в воздухе. Как-то после выполнения серии фигур он довел своего ученика до того, что тот чуть не задохнулся от ярости.

Лайонз тотчас передал ему управление самолетом.

— Ладно, Кипяток, раз уж ты сегодня такой зверь, посмотрим, как ты справишься...

Он с блеском и в невообразимом темпе выполнил несколько труднейших фигур и велел Пруэтту повторить их с абсолютной точностью. Пруэтт попытался, но потерпел неудачу — он весь горел от злости. Он сорвал гнев на самолете, и тот, конечно, шкандыбал, как грузовик по плохой дороге. Лайонз то и дело выражал свое отвращение — он хватал ручку и принимался с силой дергать ее взад и вперед, так что ручка Пруэтта бешено дубасила его по бедрам и коленям.

Наутро Пруэтт обнаружил, что ноги у него все в синяках и ссадинах. К удовольствию Лайонза, Пруэтт подошел к нему в кабинете и потребовал разговора начистоту. Он спросил своего наставника, намеренно ли тот изводит его, старается привести в ярость.

— С чего это ты взял? — подозрительно ласково спросил Лайонз.

— А с того, черт бы вас побрал, что вы всегда переда-

ете мне ручку после нашей стычки и требуете, чтобы я выполнял все эти фигуры, хотя чертовски хорошо знаете, что хуже момента...— он внезапно смолк.— Понял я в чем дело, — закончил он спокойно.

— Что ты понял?

Пруэтт выглядел нашкодившим мальчишкой.

— Да, жало у вас отточенное.

— У меня? — удивился Лайонз.

— Да, да, у вас. У вас, старый озорник! Теперь я понимаю, как вы надо мной издевались все это время. Да вы просто из кожи вон лезли, только бы взбесить меня!

— И, как ты заметил... — Лайонз вогнал жало поглубже, — мне это совсем неплохо удавалось. Что же ты еще сегодня усвоил, Кипяток?

— Вы и сами прекрасно знаете, что я усвоил.

— Верно, Кипяток. Ты даешь волю гневу и уже себя не помнишь. Ты становишься просто ослом, забываешь, что ты умелый летчик. А самолет ты вел так, будто пинал собаку, которая пустила тебе струю на новые брюки. Если ты допустишь такое в бою, быть тебе покойником, Кипяток, — сказал он медленно, не повышая голоса. — Успокойшься навеки.

Пруэтт плюхнулся на стул и махнул рукой.

— Ладно, Эд, — смущенно вздохнул он, — урок я усвоил.

— Так и порешим, *мистер* Пруэтт, что некий мистер Кипяток изволил навсегда покинуть эту территорию.

Лайонз протянул руку, и Пруэтт крепко пожал ее.

До отъезда Пруэтта оставалось три недели, и они не пропускали ни одного летного дня. Лайонз больше не подзуживал, они работали много и упорно. Пруэтт понимал, какой бесценный дар он получает от Лайонза. Тот учил Пруэтта лучшему из всего, чем владел сам. Немногим выпадала такая удача.

В отличие от многих летчиков Пруэтт не знал, что такое головокружение. Ему просто нравилось вертеться и кувыркаться, он любил все эти штопоры, бочки, развороты, пике. А Лайонз... Если он был груб и прежде, то теперь стал сущим зверем. Впрочем, Пруэтта теперь не обижали ни окрики, ни сквернословие. Лайонз выжимал из него все силы, и это уже само по себе было величайшим комплиментом, на который мог рассчитывать молодой летчик. Это могло означать только одно — Лайонз считал, что он способен бороться за совершенство, рваться к этой недосыгаемой, но вечно желанной вершине. Да, способен, — но еще не достиг...

Как летчик-истребитель ВВС, Пруэтт был превосходно подготовлен к слепым полетам. Он летал вслепую умело и уверенно, следя по приборам за внешним миром, скрытым облаками и туманом. Ему был присущ особый талант: он умел почти бессознательно отключать свое восприятие внешнего мира, ограничивая себя той вселенной, которая замыкалась колпаком кабины и давала о себе знать светящимися циферблатами и стрелками. Еще в училище инструкторы не скрывали своего удивления перед этим искусством.

Но восхищались инструкторы, а не Лайонз. До отъезда Пруэтта Лайонз успел преподать ему еще один жестокий урок, который впоследствии сослужил ему неоценимую службу. Учебные самолеты и истребители ВВС, на которых летал Пруэтт, были оснащены большим числом приборов; надо было только раз научиться пользоваться ими, а там уже дело обстояло относительно просто.

Лайонз надел на колпак передней кабины темный чехол. Пруэтт воззрился на пустую приборную доску. Лайонз закрыл авиагоризонт, курсовой гироскоп, все приборы приводной навигации. Он оставил Пруэтту только маг-

нитный компас, указатель воздушной скорости, альтиметр и старый примитивный уровень для определения виражей и разворотов. Короче, ни одного гироскопического прибора ему оставлено не было.

Когда Лайонз передал ему управление, альтиметр показывал высоту две тысячи четыреста метров. Пруэтт под темным колпаком выполнял команды, менял курс полета, набирал высоту и пикировал. Команды Лайонза требовали все более и более крутых разворотов, все более частых перемен курса. Потом команды посыпались одна за другой; Пруэтт не успевал выполнить одной, как уже раздавалась следующая.

Он начал злиться, но вовремя спохватился и взял себя в руки. Он уже усвоил, что Лайонз ничего не делает понапрасну. Прошло всего двадцать минут, и этот новый урок Лайонза, наконец, дошел до потрясенного Пруэтта.

В течение этих немногих минут он пытался выполнять стремительно чередовавшиеся команды Лайонза. Он не замечал, как летело время, на верхней губе и на лбу выступил пот. Ему было трудно, почти невыносимо трудно, было *жарко*; он не знал, что Лайонз включил вентилятор, гнавший нагретый воздух в ноги Пруэтту. Лайонз *хотел*, чтобы Пруэтту стало жарко!

Пот заливал глаза и застилал их туманом. Не снимая левой руки с сектора газа, Пруэтт на мгновение отпустил ручку, чтобы отереть пот.

— Не бросай ручки, молокосос!— ворвался в уши голос Лайонза.— Следи за приборами, идиот, пропадешь! НИКОГДА не выпускай ручки, болван! Веди самолет!

Ручка больно ударила по коленям. Пруэтт крикнул, но тотчас схватился за ручку.

Он не мог видеть, что Лайонз направил «Стирман» в скопление кучевых облаков. Самолет начало дико бол-

тать, а Лайонз продолжал сыпать командами. Магнитный компас был бесполезен, его трепало во все стороны на подвеске. Стрелка уровня моталась вправо и влево, когда самолет качало с крыла на крыло, а нос кидало из стороны в сторону; шарик бешено носился внутри своей изогнутой трубки при заносах и скольжениях на разворотах, а Прюэтт изо всех сил старался выполнить все команды Лайонза. И все время было жарко, так дьявольски жарко! Приборы не помогали, он потерял всякое представление, где верх, где низ, где правая, где левая сторона. Рев перегруженного мотора и свист расчалок от усиливающегося ветра даже не насторожили его.

Сознание опасности дошло до него слишком поздно; закружилась голова, и он впервые за все годы полетов познал мучительное ощущение тошноты. Органы равновесия отказали начисто, голова шла кругом, он буквально тонул в собственном поту. Шум двигателя и вой ветра слились в один ужасающий, пронзительный визг.

Он рванул на себя рычаг сектора газа, так как был уверен, что самолет падает. Не веря глазам, он смотрел на указатель воздушной скорости: стрелка уже ушла далеко за желтую предупредительную черту; она перешла и запретную красную черту, обозначающую максимально допустимый предел скорости. *А он и не заметил...*

Ручка больно стукнула по коленям, он отпустил ее. Лайонз приказал откинуть колпак. Прюэтт ошалел: «Стирман» вверх колесами, с воем пикировал к земле.

Дня два Прюэтт подавленно молчал. До конца недели Лайонз, хмурый и мрачный, заставлял его летать по приборам, по старому «классическому» комплекту — уровень, указатель скорости, альтиметр.

Но однажды Прюэтт, посадив «Стирман», вдруг осознал, что случилось нечто совсем необычное. В кабине он повернулся к Лайонзу.

— Эд, до меня только сейчас дошло...

Лайонз уплетал пончик.

— Что только сейчас дошло? — спросил он, продолжая жевать.

— Сегодня, великий летчик... сегодня, впервые с тех пор, как началась эта пытка, вы не орали на меня. Господи, сегодня в воздухе вы были просто приятным человеком! Вы не поносили моих предков, не называли меня идиотом и даже ни разу не выругались!

Лайонз отхлебнул кофе и сморщил лоб.

— Ну и что?

— Разве не к чему было придаться?

Лайонз швырнул пустой стаканчик в корзинку. Он неторопливо снял обертку с сигары, откусил кончик, сплюнул в корзину, зажег сигару и выпустил в Пруэтта облачко голубоватого дыма.

— Нет.

У Пруэтта рот растянулся до ушей.

— Вы хотите сказать?..

— Да-да, мальчик. Сегодня у тебя был выпускной экзамен. Со следующим полетом ты как-нибудь справишься в одиночку. Ты только что закончил летную школу, которая называется «получи по заднице от Лайонза».

В тот вечер они устроили шумное празднество. Но самое главное Лайонз приберег на утро. Когда Пруэтт появился на аэродроме, то с удивлением увидел второй «Стирман», стоявший рядом с самолетом, на котором он почти ежедневно летал в течение шести недель.

— Сегодня урока не будет, — пояснил Лайонз. — Сегодня состоится... ну, вроде бы выпускная церемония. Ты полетишь на «Надежном старичке»... — он показал на знакомый «Стирман», — а я на «Желтой смерти», на том самолете. И мы устроим воздушную дуэль. В обо-

их самолетах есть радио, так что можно будет, и поговорить.

На высоте тысячи восьмисот метров они разошлись, а затем с ревом ринулись в лобовую атаку. Вдруг в наушниках захрипел голос Лайонза:

— Ладно, отваливай вправо... *Живо!*

Оба «Стирмана», сделав глубокие виражи, разлетелись — это была своего рода увертюра к предстоящей схватке. Пруэтт понял, что ему предоставляется полная свобода действий, когда Лайонз махнул ему вслед рукой.

— Посмотрим, как ты справишься со стариком, Кипяток.

Услышав прозвище, которое не срывалось с уст Лайонза уже несколько недель, Пруэтт рассмеялся.

— Ладно, папочка, — крикнул он в микрофон, — держись за ручку покрепче...

Этот полет был поистине вершиной мастерства. Состязание двух настоящих мужчин — у каждого самолет, накрепко «привязанный» к спине; каждый инстинктивно чувствовал свою машину и малейшее ее движение в воздухе, мастерство каждого отточено до совершенства, насколько человек способен этого добиться. Но у одного из них было небольшое преимущество перед другим: Пруэтт усвоил все, чему его мог научить Лайонз, кроме одного — знания, понимания всем своим существом, и умом, и инстинктом, что это такое, когда вражеские пулеметы рвут твой самолет в клочья.

Они неистовствовали почти целый час. На улицах и дорогах люди останавливались, чтобы посмотреть, как два самолета в небе ткут на лету волшебные узоры. Они были похожи то на порхающих стрекоз, то на дерущихся псов. Под конец Лайонз приказал Пруэтту «сесть» ему на хвост. «Сумею ли я не оторваться от него?» — подумал

Пруэтт. Лайонз, конечно, испробует все свои трюки, а если надо, выдумает новые, чтобы избавиться от «погони».

Но ему это не удалось. Пруэтт мрачно вцепился в самолет Лайонза, совершенно не отдавая себе отчета в движениях своих рук и ног и ни разу не позволив другому самолету уйти от этого упорного преследования. Что бы ни делал Лайонз, ученик всякий раз успешно парировал его маневр. Что бы ни задумывал Лайонз, ученик разгадывал его замыслы. Казалось, обоими самолетами управляет один и тот же человек — столь равным было мастерство обоих летчиков.

Вдруг желтый «Стирман» затрясся. Пруэтт в ужасе уставился на биплан, который бешено завертелся, совершенно потеряв управление.

— Господи,— прошептал Пруэтт. Биплан беспомощно кувыркался. Пруэтт толкнул рычаг сектора газа вперед и пошел в пике за ним. Он и не замечал, что зовет Лайонза по имени, кричит ему что-то.

Как же он был ошеломлен, когда «Стирман» Лайонза вдруг рванулся вверх и описал над ним коварную и изящную петлю! Пруэтт оглянулся и увидел, что биплан, сверкая винтом, уже «сидит» в нескольких метрах от хвоста его самолета.

Радио Пруэтта ожило.

— А это, мой юный друг, был последний урок. В бою никогда, *никогда* не верь врагу. Противник всегда опасен, пока ты не увидишь, что либо его самолет развалился в воздухе или врезался в землю, либо летчик выпрыгнул из машины.

Лайонз помолчал.

— Летим домой, Дик.

И сразу же, как бы вспомнив:

— Надеюсь, тебе никогда не придется вспоминать... и использовать... то, что ты сейчас узнал.

Они полетели домой, крыло к крылу, словно привязанные друг к другу, и все четыре колеса одновременно прошуршали по траве.

Через много лет, когда Пруэтт приехал навестить своего учителя и друга, он долго смотрел на стену над столом Эда. В горле стоял комок.

На стене, в простой рамке, висело его письмо. О том, как в одном из полетов ему пригодился «последний урок».

Капсула «Меркурий-7» продолжала полет, беспорядочно кувыркаясь.

Расход энергии был сведен до минимума, капсула пребывала в своеобразном механическом анабиозе: электрический пульс был ослаблен до крайнего предела, необходимого для поддержания жизни ее пассажира. Холодно и безмолвно зияли в вакууме сопла реактивной системы. Космический корабль с единственным представителем человечества на борту продолжал в бесконечном падении огибать земной шар. Половина поверхности капсулы сверкала под безжалостными лучами Солнца, другая была в тени, подсвеченной слабым голубовато-зеленым сиянием — отраженным светом лежавшей внизу Земли.

Капсула была не одинока. Вокруг ее компактного корпуса роились тысячи мельчайших частиц льда и инея. Одни походили на земные снежинки, другие были скручены в причудливые завитки, третьи... их было несчетное множество, бесконечное разнообразие форм. И все они плыли огромным роем вокруг капсулы. Несомая волшебной паутиной переплетающихся сил, капсула «Меркурий» сама в то же время была центром крохотной Вселенной; вокруг капсулы с космонавтом медленно вращались по своим орбитам замерзшие частицы.

Из отверстия в обшивке капсулы в вакуум вырывался пар, но, едва покинув систему, отводящую за борт тепло, вырабатываемое человеческим телом, он мгновенно превращался в иней и лед. Замерзшие частички присоединялись к рою, движущемуся вокруг капсулы.

Человек ничего этого не видел, он не думал об этом процессе, он просто пользовался его практическими результатами. Капсула плыла, невообразимо медленно переворачиваясь и кувыркаясь, и мысли человека тоже плыли. Он смутно сознавал, что они устремляются в том направлении, которое неизбежно приведет их к его нынешнему положению. Это был окольный путь, но он не противился такому ходу мыслей. Он дал им волю. Он вспомнил первые шаги, которые положили начало его дороге сюда. Сюда, в эту точку времени и пространства, к той безотрадной реальности, которой он должен будет вскоре снова взглянуть в лицо...

* * *

Пруэтт получил назначение в одно из самых привлекательных для него учреждений Военно-воздушных сил — мощный исследовательский центр на авиационной базе Эдвардс в Калифорнии. Именно здесь находился Главный испытательный центр ВВС, ворота к новым горизонтам авиации и даже еще дальше — туда, где уже не было и авиации, где простирался внушавший благоговейный страх космос.

Пруэтт был немного — и приятно — удивлен, узнав, что в Калифорнийский центр направляется его бывший сослуживец Джим Дагерти, белобрысый веснушчатый летчик, которого трудно было представить себе без травинки, зажатой в зубах. Они неожиданно встретились на Си-47, транспортном самолете, совершавшем челночные полеты по маршруту Лос-Анжелос — Эдвардс, и обрадовались, что получили одинаковые назначения. В свое время их сдружила совместная боевая служба.

Дагерти был сыном фермера, и сам еще был фермером, когда начал летать с отгонного пастбища на обширные земли своего отца в Огайо. Отец Дагерти в первую

мировую войну был асом и остался им в душе навсегда. Он летал на «Ньюпорах» и «Спэдах» и плевал на все летные инструкции, а когда подрос его сынок Джим, он ничуть не больше подчинялся государственным правилам пользования частными самолетами. Отец купил полуразвалившийся дряхлый биплан «Флит», подлатал его и заправлял тем же дешевым бензином, что и свой трактор. Летали на нем, как бог на душу положит, никаких правил и знать не знали, но если парень не выполнял в полете указаний своего строгого «старика», то в тот же день получал отчаянную трепку.

— Уж больно тяжела была рука у моего отца,— рассказывал Дагерти, и лицо его расплывалось в улыбке.— Получишь от него несколько затрещин и будь спокоен, голубчик, станешь летать как ангел.

Пруетта тотчас потянуло к Дагерти, они стали неразлучными друзьями. Теперь благодаря равному мастерству и общим устремлениям их пути снова сошлись (наверно, им предстояло быть вместе и в будущем, о котором они не имели никакого представления). Они приехали в Эдвардс, рисуя себе самые фантастические перспективы, но оказались на положении учеников. Впрочем, Пруетт принял свое назначение с радостью и даже гордостью. Ведь пятнадцать человек, составлявших учебную группу Экспериментальной школы летчиков-испытателей, считались самыми опытными, самыми талантливыми, самыми знающими и самыми перспективными летчиками всей военной авиации США. Курс обучения был рассчитан на полгода, и эти шесть месяцев оказались наиболее изнурительными, тяжелыми месяцами его службы.

С самого начала он понял, что это один из решающих, поворотных моментов его жизни. Пруетт уже мог оглянуться на прожитые годы и поделить их на довольно чет-

кие периоды. Он не сразу осознал, что стать летчиком и даже летчиком-истребителем — еще не значит выделиться среди великого множества людей, занимающихся летным делом. Гордость его была уязвлена, но он с унынием признавал, что вокруг него до огорчения много опытейших военных летчиков. Однако те короткие недели, которые он провел с Лайонзом, и мудрые приемы, с помощью которых этот умный старик перекроил его и сделал из него нового Пруэтта, имели решающее значение для формирования того человека, каким он стал в дальнейшем.

И вот, во второй раз в жизни он осознал, что совершает новый решающий шаг, когда переступил порог Экспериментальной школы летчиков-испытателей. Он медленно шел между рядами плакатов с изображениями экспериментальных самолетов, преодолевших барьеры новых режимов полета. Скользя взглядом по рисункам, он понял, как бурно и стремительно рождается этот новый для него мир. Интенсивные эксперименты последнего десятилетия были в полном смысле слова титанической грохочущей волной; человечество оседлало ее гребень, стремясь прорваться на ней в новый, уходящий ввысь океан.

В конце вестибюля, высоко над полом, к сучковатым сосновым доскам была прочно прибита табличка. Много ли слов требуется, чтобы поведать о подвигах? На табличке стояли простые слова: «Через эти залы проходят лучшие летчики и экипажи».

Пруэтт знал, что скрывается за этой фразой. Она означала не только дань тем, кто преодолевал преграды на своем пути в небо, а иногда сокрушал их грубой силой. Эти слова были еще и памятником. В их правоте Пруэтт убедился еще раз, проходя по улочкам испытательного центра.

Военно-воздушная база Эдвардс... Он остановился на углу, и в его памяти всплыло имя, которое он впервые услышал пять лет назад — Глен У. Эдвардс. В то время Глен был капитаном и пилотировал невероятный самолет-крыло, крыло летучей мыши, одно чудовищное крыло и ничего больше.

Пруэтт помнил этого гиганта, громадное крыло без фюзеляжа, необъяснимо и загадочно скользившее по небу. В июне тысяча девятьсот сорок восьмого года, как часто случается при попытках освоить неизведанное, Глен Эдвардс взлетел на этом чудовище навстречу своей гибели. С тех пор испытательный центр носил имя молодого капитана.

Пруэтт медленно шел, читая названия улиц. И некоторые из них будили в памяти уже забытые имена: Вульф, Форбс, Попсон, Грегориус, Селлер, Пэйн, Бейли, Спаркс, Метуза, Мортлэнд, Латроп... и многие, многие другие.

Все они погибли здесь, на этой базе или неподалеку отсюда, за краем огромных бетонных взлетно-посадочных полос.

А вокруг городка — словно поверхность другой планеты. И, возвышаясь над всем, вдали маячил голый горб Соледад, Одинокой горы. Он господствовал над плато, простиравшимся на высоте восьмисот метров над уровнем моря, плато пустыни Мохаве, которое называли Сухим озером Роджерса. Это было самое большое в мире летное поле, идеально плоское, твердое как камень, выжженное солнцем, вонзавшим раскаленные лучи в гладкую землю.

Пруэтт окинул взглядом кряжи и безмолвные пики гор. Ему вскоре предстояло научиться мгновенно узнавать их с воздуха. Горы Теней, хребты Сан-Габриель и Сан-Бернардино... странный, обособленный мир посреди унылой, плоской, почти безжизненной пустыни. Потом он

убедился, что и здесь, на этой дикой земле, жизнь все же побеждала. Лянула к песку серо-зеленая полынь, тянулись вверх корявые, исковерканные стволы юкки. Это были великаны пустыни, десятиметровые гиганты, выжившие наперекор всему в суровой борьбе за существование.

Срываясь с гор, ветер с пронзительным воем хлестал пустыню и вздымал огромные тучи крутящейся пыли и песка. Кусты перекати-поля мчались впереди слепящего песчаного вала, подобно животным, в ужасе спасающимся от моря огня. Иногда шары перекати-поля цеплялись за предательские иглы искривленных кактусов, и тогда можно было наблюдать тщетные попытки гонимых ветром кустиков вырваться на свободу, пока их не поглощал ревущий вал песка.

А в небе проносились крылатые существа. Они отбрасывали тени на песок пустыни, мелькали над бетонной взлетной полосой и над строениями, возвышавшимися на краю летного поля. Их ревущие стальные глотки изрыгали длинные языки пламени. Эти существа с тонкими, словно лезвия, крыльями, резко скошенными назад, проносились в поднебесье стремительнее звука, обрушивая на землю гулкие, как взрывы, хлопки при переходе к сверхзвуковой скорости.

Однажды ночью, находясь на стоянке самолетов, Пруэтт наблюдал, как собирался с силами стальной великан, силуэт которого смутно виднелся в конце взлетной полосы. Сначала раздалось могучее шипенье, затем— Пруэтт знал, это пилот подал от себя рукоятку газа,— затаившийся гигант застонал. Все сильнее и сильнее становился этот стон, перерастая в невообразимый рев, а из длинной и глубокой утробы все ярче и неистовей рвалось пламя. И тут силуэт стремительно ринулся по бетонной полосе, набирая бешеную скорость. Земля содрогну-

лась от взрыва, а пламя взвыло, когда человек внутри великана включил форсаж. Рев промчавшегося мимо чудовища заставил Пруэтта содрогнуться. Длинный язык фиолетового пламени с тонкой слепящей сердцевинной хлестал по воздуху позади великана. И вдруг крылья зацепились за воздух, гигант сбросил цепи тяготения. Сноп фиолетового пламени, вырывавшийся из kloкочущего сопла, немыслимо резко изламывался, ударяясь о бетон полосы. Пламя исчезло в то мгновение, когда обретший свободу исполин издал последний оглушительный громовой крик. Звук хлестнул горячей волной по бетонной полосе, раскатился далеко по пустыне и затерялся в извилистых расщелинах и каньонах.

Изумление переполнило Пруэтта, когда он взглянул вверх. Пламя, которое заставило гиганта с ревом взмыть в ночное небо, теперь казалось тающей оранжевой точкой. Она уже не рвалась стремительно сквозь толщу воздуха, а плыла вверх. Шепчущий звук, сопровождавший ее движение, медленно оседал на землю с небосвода, распростершегося в холодной чистоте над ночной пустыней. И Пруэтту казалось, что оранжевый огонек навсегда покинул землю и плывет где-то среди звезд.

Но на подобное созерцание и размышления у Пруэтта оставалось очень мало времени. Он снова стал учеником. Шесть месяцев, отведенных ему и четырнадцати другим новичкам-испытателям, по напряженности равнялись двум годам интенсивных занятий. Школой командовал полковник, пять майоров были инструкторами. Все они уже давно имели дипломы авиационных инженеров и степень магистра, все были опытными летчиками-испытателями. От их внимания не ускользнуло, что новый слушатель Пруэтт тоже имеет ученую степень, но никто с ним об этом не заговаривал.

Первым начал с ними заниматься майор Пол А. Де-

грофф. По своей внешности он никак не походил на обладателя ученой степени. Это был невероятно широкий в плечах приземистый человек, неуклюжий как медведь. Свиристый шрам, идущий от правого уха до угла рта, мало украшал его наружность. Пруэтт узнал — не от Дегроффа, а от одного из летчиков, — что в последние дни войны он выбросился с парашютом над Японией, и когда он отчаянно пытался выпутаться из своего парашюта, к нему с пронзительным криком подбежал японский солдат, совсем еще подросток, вооруженный длинным тесаком. Крича от страха и ненависти, японец принялся рубить американца, но Дегрофф, из располосованного лица которого хлестала кровь, разрядил в японца свой пистолет и потерял сознание. Другие японцы посчитали его мертвым. Очнулся Дегрофф в лагере для военнопленных. Там его лечил американский врач.

Дегрофф выжил лишь потому, что через четыре дня война окончилась, и его спешно погрузили на самолет и отправили в госпиталь на остров Сайпан.

Обычно Пруэтт никогда не совал нос в прошлое людей, с которыми летал или работал. Но Дегрофф не умещался в рамки его обычных представлений о людях. Только человек небывалой силы и неукротимой воли мог вынести такое страшное испытание, перенести пять серьезных операций на лице, получить ученую степень, вернуться в строй и стать одним из лучших летчиков. Пруэтт решил поближе познакомиться с неуклюжим майором и был очень рад, когда узнал, что он и еще двое летчиков зачислены в группу, которую должен был вести сам Дегрофф.

Майор сел на край стола, неторопливо закурил и назвал себя. Не теряя времени, он приступил к делу.

— Джентльмены, в течение последующих шести месяцев вам предстоит пройти программу, которая рассчита-

на на два года интенсивных занятий повышенного типа. Нужно быть почти сверхчеловеком, чтобы справиться с этой задачей. Уверен, что вам об этом уже известно, иначе вы не находились бы здесь. Я просто хочу еще раз сосредоточить на этом ваше внимание. От вас требуют здесь глубоких познаний по теории полета, авиационной механике и аэродинамике, планиметрии, алгебре, дифференциальному исчислению, метеорологии, астрономии и по всем методам аэронавигации, о которых вы когда-либо слышали, а также и по новым, которые еще не получили названия. Вам придется охватить широкий круг дисциплин, начиная с самолетовождения и кончая космонавтикой; кроме того, вы подробно ознакомитесь с устройством и принципом действия поршневых, турбореактивных, прямоточных и ракетных двигателей. Вы научитесь разбираться в таких областях, как электроника, металлургия, небесная механика, — короче говоря, во всем, что имеет хотя бы отдаленное отношение к работе, которую мы выполняем здесь и в других испытательных центрах страны.

За одним из столов кто-то тяжело вздохнул. Дегрофф усмехнулся.

— Должен вас предупредить, что это только начало. Занятиям в аудитории отводится меньшая часть нашего учебного времени. Настоящая работа — *трудная работа!* — будет в кабине самолета.

Дегрофф встал и потушил сигарету.

— Надеюсь, джентльмены, вам понравится у нас. До первой лекции в вашем распоряжении, — он взглянул на часы, — остается ровно двенадцать минут. Эти двенадцать минут будут, пожалуй, единственной передышкой за все шесть месяцев вашей учебы. Так что насладитесь ими.

Пруэтт с головой ушел в работу. Он не сомневался, что сумеет выполнить, а может быть, и превзойти требо-

вания, предъявленные к нему по части теории и практики. Он занимался и летал с уверенностью человека, за спиной которого был опыт многих жестоких испытаний его способностей. И все же его поражали высокие требования, которые предъявлялись к слушателям. Он догадывался — и не без оснований, — что их подгоняли намеренно, и каждое новое занятие было экспериментом — насколько и какими методами можно выжать из человека максимум работоспособности.

За долгие годы Пруэтт выработал для себя правило: обобщай, но не догматизируй. Оно пригодилось и на этот раз. Программа подготовки была, несомненно, очень напряженной, но он знал, что его успехи будут прямо пропорциональны затрачиваемым усилиям. Пруэтт из скромности не рассчитывал на быстрые успехи в летной практике; и в самом деле — даже такому опытному летчику, как он, здесь было чему поучиться.

Дегрофф летал с Пруэттом на сверхзвуковом истребителе F-100F, мощном тупорылом самолете, который летчики не без злорадства окрестили «свинцовыми санями», потому что он жестоко мстил недостаточно опытным или чересчур уверенным в себе пилотам. Усевшись на заднем сиденье машины, Дегрофф держал на коленях инструкцию для летчика, такую толстую и тяжелую, что она наводила страх даже на опытнейших летчиков. Майор проявлял бесконечное терпение к своим ученикам, видимо, потому, что считал — только блестящие и выдающиеся летчики могут быть удостоены тех мучительных испытаний, которым он подвергал их самым изысканным образом.

Инструктор Пруэтта сразу же отказался от стандартной программы по высшему пилотажу. Одного полета было достаточно, чтобы Дегрофф понял, что его ученик — летчик высшего класса и превосходит учителя (в чем

Дегрофф признался сначала самому себе, а потом и Пруэтту) в искусстве высшего пилотажа.

Вечером, после первого полета, Дегроффу стало ясно, что его новый слушатель обладает огромными потенциальными возможностями. В разговоре с начальником школы он рекомендовал уделить самое серьезное внимание подготовке нового летчика. Правда, Пруэтт еще не удостоился чести быть допущенным в избранный круг летчиков-испытателей, ибо теоретические знания и мастерство в высшем пилотаже далеко не все, что нужно для настоящего летчика-испытателя.

Испытания самолетов требуют также бесконечного терпения, необычайной точности горизонтального полета, фиксации данных о температуре и давлении с соблюдением строжайших условий. Редко встречаются задачи сложнее, чем прямолинейный горизонтальный полет на большую дистанцию, когда на пути летчика стоят незримые скалы и рифы турбулентности.

Дегрофф немилосердно выжимал из Пруэтта все, на что тот был способен. Современный реактивный истребитель — это железный зверь с гидравлической мускулатурой. На сверхзвуковых скоростях человеку не под силу вручную сдвинуть элероны и рулевые плоскости — слишком велико сопротивление встречного потока воздуха и скачков уплотнения, свойственных такому полету. Поэтому в системе управления используются сложные усилители. Стоит летчику тронуть ручку управления — и электронная система улавливает это движение как заявку на дополнительную энергию. В работу немедленно включаются гидравлические мускулы. В результате силы пилота как бы удесятерятся, и он без труда может изменить положение элеронов и рулей.

Вместе с тем эта система создает и дополнительные трудности, особенно для летчика, потратившего годы на

то, чтобы научиться инстинктивно чувствовать и понимать свою машину. Такой летчик постигает язык внешних сил, возникающих под ударами воздушных волн о самолет. Он понимает, что означает легкое дрожание самолета, понимает, о чем ведет с ним «разговор» машина. Когда летчик пересаживается на машину с бустерным * управлением, он перестает чувствовать самолет всем своим существом. На смену ощущениям приходят механика и гидравлика.

Летчику приходится приспосабливаться к новой системе, и он может сделать это, только совершенствуя свои инстинкты. Такая перестройка неизбежна и легко достижима, хотя многим летчикам она не по душе.

Только не в том случае, когда инструктором является такой человек, как Дегрофф, а учеником — подающий большие надежды Прюзт. Однажды Дегрофф приказал механикам выкатить из ангара F-100F с особо усовершенствованной системой управления. Вместо обычной бустерной самолет был оснащен системой, чувствительность которой можно сравнить со смертоносной чувствительностью бутылки нитроглицерина, подпрыгивающей в кузове грузовика, который мчится по разбитой дороге. Это была дьявольская машина. Управление ее было настолько чутким, что легчайший нажим пальца вызывал мгновенную и подчас совершенно неожиданную реакцию самолета.

Дегрофф выполнял на модифицированном F-100F самые разнообразные фигуры высшего пилотажа, едва касаясь двумя пальцами ручки управления. Прюзт же не мог удержать самолет даже в прямолинейном горизонтальном полете. Истребитель бросало в сторону, едва

* Бустер — усилитель, механическое или электрическое устройство, являющееся источником дополнительного усилия.— *Прим. ред.*

летчик касался ручки управления. Сначала это только удивляло Прюзтта. Но когда он попытался выдерживать горизонтальный полет, а самолет продолжал переваливаться с крыла на крыло вопреки его стараниям, чувство удивления уступило место недоумению и злости. Он летел точно по курсу, но не мог удержать плоскости в горизонтальном положении. Самолет в его руках напоминал лодку, медленно переваливающуюся с борта на борт.

Он все больше злился, скорее на себя, чем на норовистую машину, и эта злость грозила свести на нет все его старания подчинить самолет своей воле. И вдруг в памяти вспыхнуло едкое прозвище «Кипяток». Прюзтт усмехнулся и разжал пальцы, вцепившиеся в ручку. Он подтянул правое колено вплотную к ручке и осторожно поставил на него локоть правой руки. Затем вытянул большой и указательный пальцы и не тронул, а только погладил строптивую ручку. Качка сразу же уменьшилась, а через несколько минут и вовсе прекратилась.

Дегрофф наблюдал за этими манипуляциями через два зеркала, установленных у переднего кресла. Он ожидал, что растерянность ученика будет все возрастать, и обрадовался, увидев, как быстро пилоту удалось подавить естественную реакцию. Однако своего одобрения он ничем не выдал.

— Капитан Прюзтт!

— Сэр?

— Капитан, вы изобрели чертовски остроумный способ управлять самолетом. Будьте любезны объяснить мне, что означают эти ваши судороги. Может быть, вы хотите осчастливить летчиков-испытателей новой блестящей идеей? Или вы намереваетесь заменить наши кустарные устаревшие приемы своими революционными методами?

— Нет, сэр.

— Что «нет»?

— Майор, если я не буду держать колено вот так, а пальцы вот так, я не смогу справиться с этой жестянкой, которая качается, как пьяный матрос.

— Не сможете?

— Нет, сэр.

— Что ж, капитан, по крайней мере вы в этом честно признались. А, собственно, что разладилось в этой таратайке?

— Пустяки, просто элероны и рули начинают вертеться еще до того, как я решу, что я хочу делать.

— Попробуйте-ка сделать быструю бочку влево, Пруэтт.

Истребитель стремительно опрокинулся влево, мелькнули неясные очертания крыльев. Пруэтт энергично двинул ручкой и педалями, чтобы остановить вращение машины точно в горизонтальном положении, но сверхчувствительный самолет не послушался его. Вместо этого он сильно качнулся и несколько раз перевалился с крыла на крыло, прежде чем Пруэтту удалось его утихомирить.

— Очень хорошо, Пруэтт, очень хорошо для новичка.

— Какого черта, сэр... что тут хорошего?

Дегрофф рассмеялся:

— Ваш предшественник при первой попытке выполнить быструю бочку сумел выровняться только после четырех переворотов. Беру управление на себя.

Пруэтт потер занемевшую руку; оказалось, что держать ручку управления, едва прикасаясь к ней, гораздо труднее, чем выполнять самые трудные фигуры высшего пилотажа. Сам того не подозревая, он произвел глубокое впечатление на Дегроффа. Инструктор не ожидал, что Пруэтт так быстро приспособится к сверхчувствительной системе управления.

Так началось претворение в жизнь интенсивной программы превращения Пруэтта в первоклассного летчика-испытателя, программы, открывавшей перед ним перспективы полетов на скоростях и высотах, недостижимых даже для наиболее совершенных машин испытательного центра. Почти каждое утро на рассвете его самолет устремлялся в холодное небо пустыни. Дегрофф понукал его, гонял, не давал спуска, а втайне радовался успехам своего ученика. Пруэтт с научной точностью отработал элементы пикирования, набора высоты и горок; он научился выполнять фигуры и элементы маневрирования строго по заданной программе. При этом все движения самолета должны были рассчитываться во времени с точностью до долей секунды, чтобы приборы, установленные на самолете, безошибочно измерили и записали нагрузки, действующие на машину. Он научился управлять триммерами так же искусно, как птица действует в полете своими перьями. Он часами анализировал свои полеты. Вместе с Дегроффом они просматривали на большом экране ленты замедленной киносъемки показаний пилотажных приборов во время полетов. Кадр за кадром кинокамера раскрывала мельчайшие ошибки в его работе, которая в любом другом месте была бы образцом величайшего летного мастерства. Но здесь, в летно-испытательном центре, эти ничтожные ошибки служили лишь стимулом к тому, чтобы летать, летать и летать — до тех пор, пока от них не останется и следа.

Пруэтт летал на истребителях и бомбардировщиках, тренировочных и транспортных самолетах, на связных «тихоходах» и на последних экспериментальных моделях. Он выжимал из них все, вплоть до максимальных режимов и таких критических отклонений от норм, которые еще несколько месяцев назад показались бы ему самому совершенно немыслимыми.

Пот лил с него градом, когда он шел к самолету в шлеме и в тяжелом герметизированном скафандре, под которым был пузырчатый противоперегрузочный костюм. Когда он закладывал крутой вираж или выполнял другой стремительный маневр, а вес тела, в обычных условиях не превышавший восьмидесяти килограммов, возрастал почти в десять раз, этот костюм раздувался и сдавливал ноги и живот.

Он научился летать по параболе невесомости на самолете F-100F, освоил плавный переход в пикирование с набором высоты в заданной точке, с поддержанием необходимой величины центробежной силы; научился набирать высоту под нужным углом, а затем подавать ручку от себя и задерживать ее так... а-ах... чтобы замирало сердце от зависания.

Когда он проделывал «американскую горку», как летчики прозвали параболу невесомости, его самолет, описав огромную кривую в небе, зависал почти на шестьдесят секунд в полной невесомости. В течение целой минуты тяготение и центробежная сила, действующие на истребитель, полностью уравнивали друг друга, и наступало загадочное царство невесомости — с пола кабины и из-под сиденья поднимались пылинки и сор, а система герметизации бешено изрыгала хлопья снега под закругленный плексигласовый колпак.

На заднем сиденье Дегрофф свободно плавал между креслом и колпаком, а когда у Пруэтта все получалось действительно удачно и парабола выходила отличная, инструктор награждал подопечного безбожно искренними словами известной песенки: «Приди, Жозефина, в мою невесомую машину».

Так прошло шесть месяцев. Пятнадцать слушателей словно переродились — их новые возможности и навыки

были предметом почтительной зависти всех тех летчиков, которые понимали, какие трудности пришлось преодолеть этим людям. Тринадцать выпускников получили назначения в испытательные центры, разбросанные по всей территории США. Назначение Пруэтта было для него высшей наградой. Он был посвящен в летчики-испытатели и оставлен на авиабазе Эдвардс.

Грустно ему было расставаться с Джимом Дагерти, но рыжий летчик оказался чуть ли не гением в технике бомбометания по любым труднодоступным целям. Дагерти получил назначение в центр разработки вооружения на авиабазе Эглин, раскинувшейся вдоль берега Флоридского залива, где ему предстояло вести адскую войну — расходовать сотни тонн боеприпасов, совершенствуя новое вооружение и способы его применения.

— Авиация — дело такое, что нам встречи не миновать, Дик, — сказал Дагерти, когда друзья расставались после окончания школы. — Не знаю, может, ты так до конца и останешься сверхзвуковым пиратом, но... в общем, черт возьми, мы еще встретимся.

Он прощально махнул рукой Пруэтту и влез в кабину своего истребителя. Через несколько минут самолет Джима превратился в точку, а затем исчез.

В ангаре «С» на мысе Кеннеди лихорадочно работала небольшая группа инженеров фирмы «Макдоннелл» и НАСА. Свет прожекторов омывал их лица и тела, отражаясь яркими отблесками от металлических инструментов. Время поджимало, а нужно было разобрать толсто-стенный стальной корпус и сложную систему трубопроводов огромной камеры для имитации условий космического пространства. Внутри камеры, где покоилась капсула, тоже трудились люди, в таком же лихорадочном ритме, в таком же единоборстве с неумолимым бегом времени. На первый взгляд капсула походила на ту, что в этот момент летела по орбите вокруг планеты. Но только на первый взгляд — и для неопытного глаза. Правда, новая капсула, так сказать, произошла от «Меркурия», но это уже была иная машина. Она была гораздо шире, выше, внутри ее колоколообразного корпуса было намного просторнее.

Времени оставалось так мало! Как успеть извлечь капсулу из камеры и подготовить к экстренному, решающему полету? Такого еще никогда не делали, все шансы были против, даже самые радужные оптимисты среди персонала ангара «С» бурчали, что полет сорвется.

Техники и инженеры зашвырнули подальше инструкции, предписывавшие медленный и размеренный ритуал исчерпывающей и тщательной проверки. Чтобы вырвать хоть один шанс на успех, чтобы человеку, который стремительно летит высоко в небе, человеку, который вот-вот промелькнет почти над их головами, осталась хоть какая-то надежда на спасение, они должны сделать невозмож-

ное. Они должны устранить в корабле все дефекты, переправить его на другую сторону мыса Кеннеди на Девятнадцатую пусковую установку, а затем — затем совершить еще более невозможное.

Корабль назывался «Джемини» — «Близнецы», по созвездию Близнецов (Кастор и Поллукс). Он мог — хотя в это почти не верилось — он мог дать возможность Ричарду Дж. Прюэтту прожить намного дольше того срока, какой тот сам определил для себя.

Шансы все же были... никто не мог этого отрицать. Все, что они пытались для этого сделать, пожалуй, легче будет понять из разговора, который последовал за пронзительным телефонным звонком в ангаре «С».

— Говорит Кейт с пункта управления «Меркурия». Как вы там, не вытащили еще эту штуку из камеры?

— Мы высвободим ее с минуты на минуту.

— Какого черта ваши люди так копаются?

С нарочитым спокойствием:

— Ты прекрасно знаешь, чего мы копаемся. Никто еще ее не вытаскивал таким способом. У нас нет ни инструкций, ни опыта. Ради Христа, старик, дай нам время на это!

— У нас нет времени, ни одной лишней секунды! Сколько еще надо?

— Если ты перестанешь трезвонить и не будешь нам мешать, мы закончим быстрее. Отвяжись и не капай нам на мозги. Мы сами позвоним, когда будет что сказать...

Трубка хлопнулась на рычаг.

Через десять минут огромная капсула уже раскачивалась на тросах крана, извлекавшего ее из камеры.

Через двадцать секунд на пункте управления задрезжал телефон. Звонили из ангара «С»...

Положив трубку, Джордж Кейт внимательно посмотрел на большие часы, висевшие на стене. Через пятна-

дцать минут «Меркурий-7» войдет в зону связи, ему придется говорить с Пруэттом...

Он думал, как сообщить ему новости.

Октябрь тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. В этом месяце перестал существовать проект 7969. Все работы по подготовке космических полетов человека были изъяты из ведения ВВС и переданы «штатским» — Национальному управлению по авионавигации и освоению космического пространства (НАСА). Разбились мечты Пруэтта и многих других летчиков—всех, кто участвовал в подготовке запуска на орбиту корабля с человеком на борту. Запуск намечался на начало тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Все произошло так внезапно, словно кто-то вдруг выдернул у них из-под ног ковровую дорожку. Их глубокого раздражения и обиды никак не смягчили сообщения для прессы, публикуемые НАСА.

Эти сообщения были преисполнены энтузиазма, надежд и даже восторга. Впрочем, все эти чувства были вполне оправданы — ведь речь шла о первой попытке послать человека в космос, о программе «Меркурий».

Роберт Д. Митчелл, бывший директор бывшего проекта 7969, читал сообщения в газетах, читал и не верил своим глазам. Морщась от восторженных и пышных выражений, он проштудировал информацию о тупоносой капсуле, о ракете-носителе «Атлас», о плане полета капсулы. Его охватило отчаяние. Схватив трубку ближайшего телефона, он обрушился с бранью на опешившего оператора.

На следующее утро Пруэтт нашел на столе письмо от Митчелла. Он прочел его несколько раз, прежде чем до него дошло, в чем дело. Митчелл решил выйти из игры.

«...Я принял решение окончательно, — писал ему Митчелл. — Читать в газетах весь этот напыщенный бред насчет «новой» программы «Меркурий», которая представляет собой не что иное, как наш старый проект 7969, только чуть принаряженный, выше моих сил. Мне не так уж долго до отставки, я могу получить неплохое жалование, если захочу, но терпеть эту чепуху я больше не способен физически. Я выхожу из игры, выхожу навсегда. Ты, кажется, знаешь авиационную компанию в Форт-Уорте, которая охотилась за мной последние несколько месяцев. Ну так вот, я пришел к президенту этого заведения в два часа ночи. Вытащил старика из кровати и спросил его в лоб, нужен ли я им еще и готовы ли они принять *мои* условия. Он подтвердил прежнее предложение, а я попросил изложить его на бумаге и подготовить контракт. Проектировать самолеты, пускай даже тех типов, что они хотят, конечно, не та работенка, какой мы занимались последние два года. Не тот блеск. Я, честно говоря, крепко надеялся, что ты будешь первым американцем, а может, и вообще первым человеком, который выйдет на орбиту. Ты ведь не знал, что мы все как один решили — тебе лететь!

Но теперь ВВС ушли со сцены, Дик, и нас еще долго туда не пустят. Эти штатские из нового управления хотят сманить к себе почти всех знаменитостей. Уж они-то будут ходить в любимчиках у конгресса! Почитай сообщения — там все ясно как день.

Так что я вышел из игры. Буду возиться с крылатыми шутками.

А ты не бросай. Не знаю, какие планы у НАСА насчет космонавтов и где они думают их искать. Но могу с уверенностью сказать, что это будут летчики-испытатели, причем именно военные летчики-испытатели, люди с таким же опытом, как у тебя. Ты — в первом ряду, дру-

жище. Таких мастеров, как ты, мало. У тебя есть все шансы быть первым кандидатом на первый полет. Что ж, так держать, а если будешь когда-нибудь проезжать мимо Форт-Уорта, остановись у завода и загляни на чашку кофе к старому штафирке...»

Через два месяца, когда Пруэтт уже снова был на авиабазе Эдвардс, он получил еще одно письмо. Его руки дрожали, когда он читал его. Это было приглашение нового управления — НАСА — принять участие в конкурсе кандидатов в космонавты по программе «Меркурий». Он немедленно телеграфировал о своем согласии.

И... ничего не вышло.

Ему даже не дали возможности попытаться. Предварительная правительственная проверка летчиков-испытателей показала, что свыше ста человек удовлетворяли требованиям, установленным НАСА для отбора космонавтов. Пруэтт ознакомился с требованиями и убедился, что подходит. Космонавт должен иметь степень бакалавра или равноценную техническую квалификацию; Пруэтт имел степень магистра, четырежды окончил курсы технического усовершенствования для летчиков ВВС, да к тому же у него был диплом об окончании школы летчиков-испытателей, что приравнивалось еще к двум годам обучения. Остальные условия были для Пруэтта пустяковыми. Оказалось, что он налетал, особенно на реактивных самолетах, больше, чем любой из отобранной группы кандидатов.

Начальство из НАСА вызвало шестьдесят девять летчиков из числа отобранных по документам в Вашингтон для предварительных встреч и бесед. Шестьдесят человек немедленно дали согласие. Половина из них была отсеяна сразу; к окончательному отбору было допущено тридцать два человека, и в конечном счете первыми космонавтами страны НАСА утвердило семь человек.

Пруэтт прочел сообщение об окончании набора и не поверил глазам — его даже не вызвали в Вашингтон на беседу! Впрочем, вскоре он узнал, что не вызывали и других летчиков, которые не меньше его хотели стать космонавтами. Личные данные первой группы обследованных были столь высоки, что НАСА просто не потребовалось искать других кандидатов.

Сочувственная телеграмма от Боба Митчелла не утешила Пруэтта. Было бы не так обидно, если бы он попробовал и провалился, отстав от этой счастливой семерки, уже отчисленной с действительной службы и откомандированной в распоряжение НАСА. Каждый из семи — Шепард, Гриссом, Купер, Ширра, Гленн, Слейтон и Карпентер — был действительно выдающимся летчиком. Но Пруэтт и еще сотня летчиков были не менее способными! Увы, легче от этого не становилось. Он строго проверил себя. Больше шести тысяч часов в воздухе, из них четыре тысячи на реактивных самолетах. Сколько самолетов испытано, сколько полетов по параболе невесомости... И еще — годы, годы учебы и совершенствования. Физическое состояние — отличное. А насчет высшего пилотажа — он как будто прославился на всю авиацию своим мастерством...

Пруэтт проклинал все на свете, срывал свою ярость и досаду на друзьях, но вовремя опомнился и попросил месяц отпуска, чтобы успокоить нервы. Вместе с товарищем по несчастью, у которого тоже рухнула заветная мечта о полете в космос, они взяли напрокат самолет на месяц и отправились на мексиканский курорт Гуаймас. Две недели они ловили рыбу, нежились на солнце и благосклонно принимали щедрое внимание отдыхавших здесь женщин, что отнюдь не повредило их душевному состоянию.

Свой отдых они завершили поездкой на охоту в горы.

Из Гуаймаса они вылетели на север, в Джексон-Хоул в штате Вайоминг. Полет был замечательный, возвращение в уютную кабину маленького «личного» самолета после оглушающего визга реактивных двигателей как нельзя лучше подбодрило Пруэтта. Они прилетели в Джексон-Хоул, проскочив в сверкающий солнцем разрыв в грозовых тучах, и пошли на снижение к посадочной полосе в долине, то ныряя в облака, то пронизывая ослепительные радуги. Десять дней погони за лосями и горными баранами вернули Пруэтту спокойствие.

Конечно, выбирать ему не приходилось, его жизнь уже протекала в одном, раз и навсегда выбранном русле. Перед ним был только один путь — вверх. И всякий раз, когда он отправлялся в полет, когда неся на реактивном истребителе на высоте тридцати с лишним километров над землей, когда наблюдал за огненным столбом, вырывающимся из сопел огромной ракеты, или за бомбардировщиком В-52, который с громом пронзал струящийся воздух калифорнийской пустыни, унося на себе высотный самолет Х-15, — он знал, что ничего другого ему в жизни не надо.

Пруэтт продолжал заниматься испытаниями и с головой ушел в освоение новых режимов полета. Это уже был не чисто авиационный и еще не чисто космический полет, а странное сочетание того и другого. Он скрупулезно следил за ходом работ над программой «Меркурий». Назначение в комиссию по приемке сверхвысотного самолета Х-15 сблизило его с инженерами и официальными представителями НАСА. Черный ракетоплан Х-15 был фактически общим детищем ВВС и НАСА, и несмотря на довольно кислые взаимоотношения в других делах, работы шли гладко и согласованно.

Из проекта Х-15 вырос новый проект, известный под шифром «Дайна-Сор». Специалисты надеялись, что эта

прочная крылатая машина сможет доставить человека на орбиту в тысяча девятьсот шестьдесят шестом или шестьдесят седьмом году. Пруэтту первому предложили участвовать в проекте «Дайна-Сор», но он отказался, чем вызвал всеобщее удивление. Эта лошадка была ему не по вкусу. Работы по «Дайна-Сор» то разворачивались, то свортывались, в зависимости от политических удач ВВС в Вашингтоне да еще от милости или немилости Пентагона, капризы которого трудно было предугадать. Пруэтт подозревал, что «Дайна-Сор» никогда не взлетит. Его ничуть не удивило, что в конце концов проект был закрыт.

С «Меркурием» дело обстояло иначе — тут была ясная конечная цель: проверить и испытать многочисленные системы, обеспечивающие космический полет человека. Все было просто и ясно. Зато после «Меркурия»... уже поговаривали о новом замысле под шифром «Аполлон» с прицелом на Луну. Впрочем, независимо от размаха этих программ, никто не сомневался, что НАСА или ВВС — неважно, врозь или вместе, скоро будут приперты к стене. Пруэтт внимательно изучил совершенно секретные доклады о развитии космонавтики в России. Еще раньше, когда он работал с Бобом Митчеллом над проектом 7969, известия о запуске первого русского спутника осенью тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года, а через месяц — тяжелого «Спутника-II» с собакой на борту ошеломили их, как разорвавшаяся бомба. Это был не только тяжелый удар, но и сигнал — надо поторапливаться!.. И сейчас Пруэтт даже присвистнул от удивления, когда прочел о громадных размерах и потрясающей силе тяги русских ракет-носителей. Он понял, что русские намерены и тут обставить Америку и первыми послать человека в космос.

Когда Шепард и Гриссом совершили свои суборби-

тальные полеты на ракетах «Редстоун» и набрали всего секунд по триста пребывания в невесомости, Пруэтт только смеялся. Газеты были полны всякого бреда и твердили, что способность человека переносить невесомость доказана. Сам Пруэтт за все свои полеты по параболе набрал в общей сложности свыше четырех часов невесомости. Но и это уже ничего не значило. Человек, по имени Юрий Гагарин, стремительно облетевший вокруг планеты, зачеркнул опыт и его полетов, и полетов Шепарда и Гриссома. Теперь они казались просто школьными упражнениями. И правда, полеты первых двух космонавтов на ракетах «Редстоун» были, грубо говоря, элементарны, хотя официальная пресса их бешено превозносила как «проложивших огненную тропу в небо». Но это было все равно, что аплодировать Линдбергу по поводу испытательного полета вокруг Лонг-Айленда, в то время как какой-нибудь его соперник перелетел, скажем, в Париж, а оттуда без посадки в Токио.

Полет русского космонавта Германа Титова вновь застал всех врасплох, хотя информация о Советском Союзе, как в виде сообщений разведки, так и в виде всяческих противоречивых слухов — продукции «фабрики сплетен», была довольно обильной. Вместе с группой летчиков, собравшихся на командном пункте авиабазы Эдвардс, Пруэтт слушал доклады станций слежения, которые транслировал штаб командования ПВО Северной Америки в Колорадо-Спрингс. Американская сеть слежения засекла корабль «Восток-2» и сопровождала его на всем протяжении полета. Относительно размеров, рабочих характеристик и огромного — почти пять тонн! — веса русского корабля не оставалось ни малейших сомнений.

Они настроились на передатчики «Востока-2». Все американские станции, разбросанные по планете, прини-

мали передачи Титова, когда он выходил на связь с советскими судами, самолетами и наземными пунктами слежения. Неожиданно молодой космонавт там, наверху, повернул ручку громкости до отказа, и, когда прерываемый помехами голос заполнил комнату, Пруэтт восхищенно закричал: «Послушайте этого чертенка! Он еще поет там, в этой дьявольской машине!»

Титов действительно пел, не без уныния признали летчики. Значит, ему было о чем петь.

Семнадцать витков Германа Титова, его описания рассветов и закатов в космосе, больших городов, какими они ему виделись с высоты почти трехсот километров, — вся эта эпопея совершенно пленила и захватила Пруэтта. «Но если я так взволнован, — думал он, — то что же должны переживать сейчас те ребята, на Мысе? А Гленн... черт побери, он, верно, просто на стенку лезет!»

«Меркурий-Атлас-6» то приближался к предстартовому отсчету, то снова удалялся от него, но ни разу еще дело не доходило до *полной* уверенности, что он будет стартовать. Перед рабочей группой «Меркурия» старт маячил где-то близко, но оставался, увы, недостижимым. Объективы телевизионных камер выглядывали из-за спин инженеров и космонавтов, которым приходилось буквально продираться через лес микрофонов и проводов. А в воздухе висел ровный, беспорядочный гул, заунывно рокочущий, словно отдаленный гром. Это стучали пишущие машинки целой армии нетерпеливых, изнывающих в ожидании журналистов.

Прелюдия к первому американскому космическому полету покажется кошмаром будущим историкам и психиатрам, размышлял Пруэтт. Легионы журналистов, нахлынувшие на мыс Канаверал, создавали такое впечатление, будто готовящийся полет Гленна начисто сметет

все преграды и откроет новую эру маневренных космических полетов человека. А на деле готовилась всего лишь попытка повторить малую долю того, что уже сделал достоянием истории Титов. Однако Пруэтт отлично понимал, что это отнюдь не умаляло важности полета «Меркурия». И еще — он никак не мог отделаться от мысли, что сам когда-то был кандидатом на этот самый первый полет... Что ни говори, а сейчас первый американец готовился покинуть Землю и ринуться в пустоту со скоростью восьми километров в секунду.

Тянулись недели. На страницах мировой печати русские открыто посмеивались над нелепостями, которые творились на побережье Флориды. Устав от подачек для прессы, в которых ничего не было, кроме сводок погоды и сообщений об очередных отсрочках запуска, редакторы отделов внутренней информации подхлестывали своих репортеров и требовали *новостей*. В ожидании, пока Гленн, наконец, втиснется в свою капсулу, чтобы отправиться в настоящий полет, газеты скрашивали изнурительную череду отсрочек «аппетитной» историей убийства официантки. Брошенный муж якобы прикончил ее семью пулями в живот и голову. Все с трепетом следили за розысками убийцы, за шумной, дикой по своей разорительности погоней с участием сотен полицейских, военных вертолетов и стай воющих собак... Пруэтт с отвращением качал головой, созерцая этот крикливый, расцвеченный неоновыми рекламными фонами, столь неуместный для ожидаемого Великого Моменты.

Наконец утром двадцатого февраля тысяча девятьсот шестьдесят второго года это событие произошло.

Назло всем критикам ракета «Атлас» с грохочущим воем обрела свободу, возвестив своим могучим голосом об огромной силе, забросившей капсулу с человеком на борт в небо, в ледяную, зовущую бездну пустоты, и каж-

дый метр этого пути был прекрасен! Гленн выполнил свою задачу великолепно, просто потрясающе. Пруэтт понимал это. Нужно быть настоящим мужчиной, чтобы действовать твердо, умело, хладнокровно там, где уже побывали другие... Но быть первым, впервые сполна испытать на себе тысячи опасностей и возможностей неудачи и проявить подлинное мастерство — для этого надо быть действительно сказочным летчиком. Надо же было суметь сохранить выдержку и деловитое спокойствие в полете, когда этот трижды проклятый переключатель зажег лампочку в пятьдесят первом секторе панели управления полетом на мысе Канаверал, подав ложный сигнал, что отвалился теплозащитный экран капсулы... Пруэтт следил по радио за ходом полета, а потом снова прослушал все в магнитофонной записи, ознакомился с техническими отчетами — и мысленно снял шапку перед летчиком морской пехоты Джоном Гленном.

Через три месяца эстафету принял Скотт Карпентер, проделав еще три витка вокруг Земли в космической бездне. И снова Пруэтт вел подробные записи обо всех трудностях, встретившихся в полете, о действиях космонавта, о возможностях неполадок и даже катастрофы. Он не придавал большого значения неточному приводнению при возвращении космонавта на Землю; Карпентер был не единственным летчиком, промахнувшимся при посадке в заданную точку с первого захода.

Страна все еще смаковала подробности сенсационного «исчезновения» и успешного спасения Карпентера, а Пруэтт уже вылетел в Вашингтон. Уже несколько месяцев шли разговоры о новой программе космических полетов «Джемини» и о капсуле с экипажем в два человека. Проект «Аполлон» все еще оттеснял другие работы на задний план, но в то же время тормозился и сам непосильным объемом работ, нерешенными проблемами и

необходимостью разработки совершенно нового оборудования.

Для того чтобы посадить двух человек на поверхность Луны, руководители НАСА решили прибегнуть к рандеву* в космосе. Подобное решение неожиданно придало новое значение программе «Джемини». Прежде чем запустить корабли типа «Аполлон» для встречи в космосе, требовалось доказать, что такая встреча вообще осуществима. С этой целью надо было запустить корабль с людьми для встречи с другим кораблем, медленного сближения и стыковки двух кораблей.

Специалисты из НАСА твердили о двухнедельных полетах капсулы «Джемини» и в восторженных выражениях расписывали встречу и стыковку в космосе, орбитальные полеты на высоте восьмисот-девятисот километров над Землей. Шли разговоры и о «втором поколении» космонавтов, и у Пруэтта снова щемило внутри, он страшился, что его снова оттеснят в сторону. Но на сей раз он решил взять дело в свои руки, слетал в Вашингтон и разыскал там своего приятеля. Он не просил его об особых одолжениях. Ему нужно было одно: «Черт побери, я хочу твердо знать, что, когда начнется набор добровольцев, мое имя будет где-нибудь в начале списка, понял?»

Когда Пруэтт вернулся на авиабазу Эдвардс и уже заруливал на стоянку, он заметил, что его ждет командир. В ответ на приветствие Пруэтт помахал рукой.

— В чем дело, Чарли? — спросил он, соскочив с крыла истребителя. Пока он стаскивал с себя высотный костюм и снаряжение, полковник молчал. Они зашагали к командному пункту.

— Дик, ты действительно очень хочешь пробиться в космонавты?

* Здесь рандеву — встреча и соединение кораблей на орбите. — Прим. ред.

Это было очень похоже на Чарли Говарда — сказать о важном между прочим, вроде бы невзначай.

Пруэтт остановился и взглянул на полковника.

— А ты очень хочешь, чтобы сердце у тебя билось, Чарли?

Командир засмеялся:

— Я заранее знал, что ты так ответишь.

— Чертовщина какая-то, ты никогда не спросишь, если не знаешь наперед, что тебе ответят, — шутливо проворчал Пруэтт. — А теперь, босс, не морочь мне голову, ведь ты не пришел бы сюда, если бы не было каких-нибудь новостей.

— Начнем с главного, майор, — ответил полковник, снова зашагав к командному пункту.

Пруэтт застыл как вкопанный:

— *Майор?!*

— Да-да! Твои золотые листики вот здесь, — Говард похлопал себя по карману рубашки. — Сообщили два дня назад, когда ты там, в Вашингтоне, обрабатывал бюрократов. — Он ткнул пальцем в грудь Пруэтту: — И не забудь — с тебя сигары всей нашей братии, майор!

— А что еще ты держишь про запас, босс?

— Ничего особенного, — небрежно сказал Говард. — Я просто хотел, чтобы ты попусту не распаковывал свои пожитки.

Пруэтт молчал.

— Когда ты был уже на пути из Вашингтона, майор, на твое имя пришла телеграмма. Разумеется, я ее вскрыл. Главным образом поэтому я и поспешил тебе на встречу.

Взглянув на физиономию Пруэтта, он расхохотался.

— Ладно, ладно, скажу сейчас. НАСА только что объявило конкурс добровольцев на «Джемини» и...

— И я в списке!

Полковник неторопливо кивнул. И тут же начал ловить воздух широко открытым ртом — от избытка чувств Пруэтт со всего маху хлопнул его по спине.

— Чарли, старый негодник! — заорал Пруэтт вне себя от счастья. — И ты столько времени дурил мне голову! — Он повернулся на каблуках и побежал, крича через плечо: — Спасибо! Встретимся позже, босс!

— Куда тебя несет? —

— Некогда, босс. Нужно укладываться.

— Болван, да у тебя же все уложено! Забыл, что ли? Пруэтт затормозил на каблуках и медленно вернулся.

— А ведь верно, — смущенно сказал он. — У меня все уложено.

— Пошли, — рявкнул командир. — Выпьем. Я угощаю. Может, это тебя немного успокоит и... Постой-ка, капитан Дагерти твой приятель?

Пруэтт кивнул.

— А в чем дело?

— Он тоже в этом списке.

— Джим Дагерти?

— Именно.

— Ну, знаешь!.. Дела, кажется, пошли на лад!

Пруэтт обнял полковника за плечо.

— Пошли, Чарли, выпьем. Это я угощаю.

Они шли через стоянку, разделяя счастье, которое выпало на долю одного из них.

Конкурсные экзамены у кандидатов в космонавты были в самом разгаре, когда пришло известие о полете «Востока-3». Из первых же сообщений стало ясно, что на сей раз русские затеяли что-то необычайное. Инженеры НАСА в основном сходились на предположении, что

новый космонавт Николаев пробудет в космосе не менее семи суток.

На следующее утро намерения русских прояснились окончательно. Все поняли, что снова недооценили их неуклонного движения к поставленной цели — к созданию орбитальных станций, управляемых людьми, и к полетам на Луну. Корабль «Восток-4», пилотируемый Павлом Поповичем, с ревом взмыл со стартового комплекса Байконур и вышел на орбиту точно в той же плоскости, что и Николаев. Нелегко было кандидатам в космонавты сосредоточиться на своих испытаниях, когда пришло сообщение, что корабли сблизились на расстояние нескольких километров, а затем начали расходиться.

Потрясающий успех русских просто ошеломил Пруэтта и Дагерти. Они успели пройти все испытания и сдать экзамены еще до триумфального возвращения на Землю обоих русских космонавтов.

Что касается зачисления Пруэтта, сомнений не было, но другу его пришлось попотеть — уж очень сильны были соперники. Но в конце концов приняли и Дагерти, и когда друзья узнали, что снова будут вместе, они на радостях пустились в пляс. НАСА отобрало девять летчиков-испытателей, в том числе Пруэтта и Дагерти; тем самым группа космонавтов увеличилась до шестнадцати человек.

Пруэтт и Дагерти стояли у шлагбаума на мысе Канаверал, когда начался предстартовый отсчет для системы «Меркурий-Атлас-8», которая должна была забросить Уолтера Ширру в космос, в третий орбитальный полет по программе «Меркурий». Им выдалась редкая возможность, неся службу наблюдателей, осмотреть буквально

каждый уголок космодрома и всю сложнейшую систему сооружений, обеспечивавших полеты по программе «Меркурий». Они поднимались на лифтах на все этажи огромной стартовой башни на Четырнадцатой пусковой площадке. Пруэтт ласково гладил ровную обшивку ракеты «Атлас», дивясь вместе с Дагерти необычайно тонкому металлу обшивки — настолько тонкому, что без внутреннего противодавления корпус ракеты рухнул бы под тяжестью собственного веса, как аэростат, из которого выпущен воздух.

В два часа ночи, за несколько часов до старта Ширры, Пруэтт и Дагерти пришли в ангар «С». Немного позднее они присутствовали при последнем предстартовом медицинском осмотре Ширры.

К четырем часам утра Пруэтт и Дагерти были уже на пункте управления полетом. Здесь руководитель программы Джордж Кейт совещался со своими подчиненными перед тем, как принять последнее решение: запускать или не запускать. Помощники разложили перед ним все расчетные данные запланированного полета и доложили ему метеокарты и прогнозы на предстартовый период, на время полета и возвращения космонавта. Кейт просмотрел доклады о готовности глобальной сети слежения, о состоянии космонавта, о расположении средств поиска и спасения.

А в Годдардском центре огромные вычислительные машины переваривали все поступающие в них данные, пережевывали своими электронными челюстями «биты» информации и выдавали ответы, которые, к счастью, радовали руководителя полета. На основе тщательных проверок, докладов, прогнозов и собственного анализа всех факторов Кейт дал «зеленый свет».

Теперь уже сомнений не было — «Меркурий» будет запущен.

Пруэтт и Дагерти еще успели бегло осмотреть приземистый железобетонный блокгауз с куполообразным перекрытием, в котором слаженно работали более ста квалифицированных специалистов. Дирижировал ими руководитель испытаний. Он как бы спаивал таланты и мастерство людей и возможности электронных слуг человека в единое слитное и гармоничное усилие, направлявшее ход событий этого знаменательного утра все ближе к последнему возгласу предстартового отсчета: «Нуль!»

Пруэтт и Дагерти смотрели, слушали, учились. В «Т—225 минут»* в блокгаузе стоял гул голосов специалистов группы управления запуском, проверявших систему «Азуза» — сложную сеть станций слежения, оснащенных электронным оборудованием. Во время полета эти станции будут передавать на электронно-вычислительные машины текущие сводки о положении и состоянии ракеты «Атлас» в любой момент полета. Одна за другой станции докладывали о готовности, антенны их были «наведены на пташку» и «готовы к слежению». Еще в одной из тысячи граф контрольного листа предстартовых операций была поставлена отметка о выполнении.

Пруэтт и Дагерти вышли из блокгауза. Сквозь редкие облачка на предрассветном небе Флориды ярко сверкали звезды. В 4.20 на мысе Канаверал закипела жизнь. На Четырнадцатой площадке пусковая команда включала мощные прожекторы.

Двенадцатиэтажная красно-белая стартовая башня устремлялась в небо своей верхушкой. Массивная в основании и постепенно сужающаяся кверху, башня напоминала ярко раскрашенную жирную букву «А». Бело-голу-

Т — назначенное время пуска ракеты, «Т—225» — 3 часа 45 минут до пуска. — *Прим. ред.*

бой свет заливал ее и слепящими лучами ощупывал ракету, заключенную в середине. Свет озарял всю площадку, бетонный экран, десятки методично работавших людей. Лучи прожекторов пересекались и убегали яркими дорожками все выше и выше в ночное небо, исчезая где-то далеко-далеко.

Новички озирались вокруг, потрясенные величественным зрелищем.

— Знаешь, Дик, — тихо сказал Дагерти, — я всегда пытался представить себе этот момент. Я фантазировал, как умел. Но никогда, никогда не мог подумать, что это будет так прекрасно. Это... это просто сказочно!

Пруэтт только взглянул на друга и кивнул. Слова были излишни.

В 6.30, когда они стояли у шлагбаума, всего в шести-семи метрах от Четырнадцатой площадки, на небе уже не было ни единого облачка. Голоса, выкрикивавшие команды через мощные репродукторы, доносились до них невнятным металлическим рокотом. Послышался надрывной стон — это откатывали пусковую башню от стартовой площадки. Машина почти в пятьсот тонн весом медленно и тяжело отползла в сторону и застыла в ожидании, четко вырисовываясь на фоне рассветного неба. Над ними раздался нарастающий гул моторов. Они задрали головы. Это огромные вертолеты корпуса морской пехоты вылетали на исходные позиции, рубя утренний воздух пятилопастными роторами. Они несли на себе спасательные команды, готовые в любой момент, если случится авария до вывода на орбиту и катапультированная капсула быстро опустится на землю или на воду, ринуться на выручку к ней в море, в болота — куда угодно. Глухой голос репродукторов приказал людям очистить башню. Прерывисто сигналя, к шлагбауму с грохотом подъехали пожарные и аварийные машины и санитарные

кареты. Подкатил грязно-белый грузовик. Откинули борта, и вся толпа у шлагбаума — фоторепортеры, пожарники, техники аварийных команд — сгрудилась теперь вокруг грузовика, чтобы купить кофе и пышные жирные пончики.

Но вот раздался слабый, пронзительно-высокий звук. Оба космонавта повернулись к площадке. Стартовая команда начала заливку жидкого кислорода через систему трубопроводов. Нагретые трубы остывали, протестуяще визжа, словно агонизируя от свирепого прикосновения жидкого кислорода, температура которого достигала почти двухсот градусов ниже нуля. К стону терзаемых труб примешалось шипение белого пара — это клапаны в обшивке ракеты «Атлас» стравливали избыточное давление в баке с окислителем.

Космонавты посмотрели вдоль дороги, которая вела к пусковой установке. Ракета высилась одинокая, совсем нагая — только бак с жидким кислородом окутывало покрывало из инея. Оглядевшись по сторонам, они сразу заметили, где стоит поблизости тяжелый грузовик. Под него придется нырять, если взорвутся баки и яркое пламя хлестнет наружу. Близо, слишком близо стояли они от ракеты — если вдруг «Атлас» почему-либо взорвется сам или его придется подорвать, их накроет ударная волна и град искореженных обломков.

Они снова взглянули на гиганта, покоившегося на металлическом кольце. Белый пар, рвавшийся из клапанов, внезапно исчез — заправка жидким кислородом закончилась. Пруэтт мысленно повторил перечень операций предстартовой подготовки. Клапаны баков закрылись; теперь давление в них начнет быстро нарастать до уровня, необходимого для запуска двигателей.

Пруэтт физически ощутил напряженную тишину, опустившуюся на космодром. Тонкие черные шланги змеями

сползли с капсулы — это отделились питавшие ее «пуповины».

Верньерные и главные двигатели включились почти одновременно. Из-под огромной ракеты, словно из недр вулкана, вырвалось золотое пламя, по обеим сторонам огненными осами сверкнули струи верньерных двигателей. Поток огня низвергался навстречу восходящему потоку воды, пламя с ужасающим ревом разбивалось об охлаждающую влагу, порождая кипящие облака пара.

Пруэтт представил себя на месте человека, лежащего сейчас на спине в откиннутом кресле, мягко облегающем его тело, и не заметил, что затаил дыхание и не перевел духа даже тогда, когда кристаллы и блестящие глыбки льда начали отваливаться от обшивки «Атласа» и падать вниз. Они все еще падали, когда массивные стальные скобы, крепившие ракету, откинулись и освободили гиганта.

Пруэтт был так близко, что видел все. Он с трепетом смотрел, как появился под ракетой слепящий огненный шар со струящимися мерцающими контурами, как он начал удлиняться, вытягиваясь вниз подобно отрывающейся капле и своей массой как бы толкая со страшной силой тело ракеты. Пламя яростно скользнуло вниз и жадно захлестнуло пусковую площадку. Но это длилось всего лишь какую-то долю секунды. Гигант ощутил свободу и могучим усилием вырвался из цепких лап тяготения планеты. Пламя вытянулось иззубренным копьем, за золотым огнем потянулся туманный след раскаленных газов, соприкасавшихся теперь уже только с воздухом...

Над Мысом прогремел гром; он прокатился над Пруэттом, оглушив своим раскатистым грохотом и ревом, который ушам было больно, но сладостно слышать. Это был ликующий, торжествующий возглас колосса, вырвавшегося на волю, вкусившего свободу и устремившегося к безднам, для завоевания которых он был сотворен. К без-

днам космического вакуума, простиравшимся за пределами верхних границ мира, в котором живут люди.

Пруэтт, не отрываясь, следил, как тускнеет золото пламени, приобретая оранжевый оттенок, как на его кромке появляется красная кайма. Огромная ракета все больше наклонялась, все больше и больше отходила от вертикали, повинаясь программе полета. Он вдруг услышал голос, словно доносившийся откуда-то издалека. Это вопил Дагерти, погоняя «Атлас»:

— Лети! Ну же, дорогой, красавец ты мой, сукин сын, лети!

«Атлас» ворвался в нижние слои стратосферы, пронизывая ледяной воздух плотным белым инверсионным следом, который казался сверкающей белой лентой, стрелой, уносящейся от Земли.

Но вот и эта полоска в небе пропала. Пруэтт до предела напряг зрение, чтобы не упустить из виду маленькую, все уменьшающуюся точку. Вдруг на месте точки вспыхнуло крошечное облачко: это отделилась первая ступень, «Атлас» сбросил раскаленную «юбку» ускорителя. Тоненькое двойное колечко продолжало лететь вверх, пока совсем не растаял и этот последний неясный след ракеты.

Когда через несколько минут сообщили, что Ширра уже вышел на орбиту, на щеках Дагерти еще блестели слезы. Похоже, он ничуть не стыдился, что Пруэтт заметил, как он их утирает, право, он ничуть не стыдился...

Во время последнего полета по программе «Меркурий» Пруэтт был оператором станции связи на Занзибаре. Пятнадцатого мая тысяча девятьсот шестьдесят третьего года Гордон Купер был вознесен на орбиту ракетой

«Атлас», настолько близкой к совершенству по своим показателям, насколько может быть совершенна машина. Он наматывал виток за витком с таким невозмутимым спокойствием, что поразил всех, кроме самых близких друзей. Достаточно сказать, что во время полета Купер несколько раз спал. Врачи, следившие за телеметрической информацией о состоянии Купера, были ошеломлены, обнаружив, что во время предстартового отсчета он безмятежно дремал. Вскоре после вывода капсулы на орбиту он снова заснул, чем привел в уныние всех медиков, многие годы предупреждавших об ужасных опасностях, которыми чреват космический полет для человека.

Гордон выполнил свою задачу так умело, с таким самообладанием, что превзошел полет Ширры, ставший, можно сказать, учебным пособием. Сам Ширра, шесть раз облетевший Землю до Купера, заметил, скривив губы, что Купер вышвырнул учебник и написал его заново.

А финал полета по традиции, установленной Гленном, ознаменовался еще одной захватывающей сенсацией. Когда в капсуле загорелся сигнал о перегрузке в $0,05\text{ g}$, возвещавший, конечно ошибочно, что капсула тормозится атмосферой, у Купера не оставалось другого выхода, как выключить автоматику и приготовиться к опасному возвращению в атмосферу с помощью ручного управления.

Остальное уже вошло в историю. Ученым, трубившим о превосходстве «черных ящиков» над человеком, пришлось забиться в угол и помалкивать, когда Гордон Купер с математической точностью нацелил свой космический корабль в посадочный коридор и вел его куда точнее, чем это делали во всех предыдущих полетах электронные устройства. «Черные ящики» еще раз подвели человека и поставили под угрозу полет. И если бы человек, Гордон Купер, не доказал свою способность преодолеть неполадку, не проявил изумительных качеств, он вполне

мог бы закончить свой полет в огромном огненном шаре, извергавшем раскаленные обломки.

Блестяще выполнив возвращение в атмосферу, космонавт был с триумфом встречен в Вашингтоне и Нью-Йорке. Его бурно приветствовала вся страна.

Но отголоски приветствий быстро смолкли, а красивые слова не радовали.

Полет Гордона Купера подвел черту. Именно его необычайный успех, изрек руководитель НАСА, сделал ненужными дальнейшие полеты по программе «Меркурий».

Первая группа космонавтов отчаянно протестовала. Они выступали яростно — и, всем на удивление, публично! — против прекращения полетов. Успех программы «Меркурий» был очевиден, он превзошел самые смелые ожидания. И теперь, когда после двадцатидвухвиткового полета Купера появилась реальная возможность удлинить пребывание на орбите до трех суток, космонавты решили не сдаваться, подняли страшный шум и дошли до самого президента.

Но пользы от этого было мало. Не добились успеха и руководители программы. Один из них, Кристофер Крафт, прямо заявил, что более продолжительное космическое путешествие «принесло бы огромную пользу». Выступая перед журналистами, Крафт сказал, что, по его мнению, следующий запуск — «Меркурий-Атлас-10» — должен быть организован с расчетом «не прекращать полета до тех пор, пока он будет безопасен».

В течение нескольких недель никто не сомневался, что полет капсулы «Меркурий-Атлас-10» состоится. Специалисты НАСА затратили около шестисот тысяч долларов на изучение этой проблемы и проведение обширных испытаний по определению возможности выполнения задачи. Увеличив вес капсулы на сто тридцать пять килограммов, в основном за счет дополнительных источников питания,

они могли продлить срок безопасного пребывания в космосе более чем до ста часов. Эти дополнительные батареи можно укрепить титановыми скобами на внешней стороне теплоизоляционного экрана. Кроме того, космонавту понадобится дополнительный запас пищи, воды и гидроокиси лития для поглощения углекислого газа, но это уже детали. Возможность такого полета никто не оспаривал. Он мог продолжаться свыше двух суток, и при этом в капсуле оставался бы двухдневный аварийный запас.

В хор голосов, требовавших запуска «Меркурия-Атласа-10» на трое суток, влились и голоса врачей. Они утверждали, что полет просто необходим. По их мнению, за трое суток пребывания космонавта на орбите они получат важнейшие данные о принятии пищи и пищеварении, об удалении отходов организма, о потреблении энергии, о влиянии продолжительной невесомости и десятках других факторов. Даже физики и те поддерживали полет, поскольку научные эксперименты, проведенные Купером в предыдущем полете, дали информацию, какую никогда еще не удавалось получить с помощью беспилотных космических аппаратов.

Но ответ из Вашингтона оставался неизменным: «Нет, полетов по программе «Меркурий» больше не будет».

Научные работники, связанные с этой программой, были не просто огорчены, они начали злиться. В то время, когда Купер совершил свои двадцать два оборота, русские добились необычайно внушительного, даже устрашающего достижения. Гигантский спутник «Космос-18», с ревом взлетевший в небо с космодрома Байконур, был выведен на орбиту в той же плоскости, что и корабли серии «Восток», и пробыл на орбите девять суток. Через месяц взлетел в космос подполковник Валерий Быковский

на корабле «Восток-5». Двое суток он кружил вокруг Земли. А на третьи сутки, на тридцать первом витке, вскоре после того, как корабль промчался над оконечностью Южной Америки, космонавт проснулся и обнаружил, что он уже не одинок в космосе.

Русские оповестили весь мир о подробностях биографии нового космонавта — *женщины!* Валентина Терешкова, двадцати шести лет от роду, опытная парашютистка, имевшая на своем счету более ста двадцати прыжков! И пока американские космонавты, омраченные перспективой перерыва в орбитальных полетах на целых полтора года, извергали проклятия по поводу прекращения полетов, русский парень и русская девушка плыли в космосе в пяти километрах друг от друга, пели по радио дуэтом и любовались солнечными лучами, отражавшимися от округлых корпусов их огромных космических кораблей!

Быковский пробыл в космосе почти пять суток, пролетев свыше трех миллионов километров. Американские космонавты проглотили горчайшую пилюлю, когда узнали, наконец, что Терешкова вернулась в атмосферу, катапультировалась из корабля и приземлилась на парашюте северо-восточнее Караганды.

Миниатюрная девушка совершила сорок восемь оборотов вокруг Земли, пролетев почти два миллиона километров. Она пробыла на орбите семьдесят один час — дольше, чем Гленн, Карпентер, Ширра и Купер, *вместе взятые!*

«Больше полетов по программе «Меркурий» не будет»... Чиновники из НАСА упрямо стояли на своем.

Эл Шепард не пытался скрыть, как ему хотелось добиться еще одного полета — ведь очередь-то была его! Шепард вместе с остальными космонавтами и руководителями программы «Меркурий» снова и снова добивался пересмотра решений, убедительно аргументируя свою точ-

ку зрения. В самом деле, работы по программе «Джемини» то и дело тормозились: не хватало ассигнований, сказывались и обычные задержки в разработке аппаратуры. По плану полет двухместной капсулы должен был состояться в конце тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, а то и позже, то есть через полтора года! А для запуска капсулы «Меркурий» стоят в полной готовности несколько ракет-носителей «Атлас». Полностью были готовы к полету и три капсулы, уже переоборудованные для суточного пребывания в космосе. Установить оборудование и внести изменения, необходимые для трехсуточного полета капсулы «Меркурий-Атлас-10», не составляло большого труда.

Все эти просьбы породили яростные дискуссии. Но руководство НАСА оставалось непреклонным: никаких полетов по программе «Меркурий».

И все же борьба не прекращалась. Специалисты по авиационной медицине были встревожены неожиданным снижением кровяного давления у Ширры. Правда, оно ничем не угрожало и быстро прошло, но нечто похожее отмечалось и у Купера. Очень важно было бы узнать, как обстоит дело у русских космонавтов — Николаева, Поповича, Быковского, Терешковой. Увы, американцы этого не знали, а русские помалкивали.

Кроме того, за месяцы, прошедшие с последнего полета Купера, медики выявили новые, сравнительно мелкие, но потенциально важные проблемы. Врачи не могли прийти к каким-либо определенным выводам — не хватало опыта. Их опасения могло развеять или усилить только более продолжительное пребывание человека в космосе. Дело дошло до того, что один обеспокоенный всем происходившим научный работник даже направился в Вашингтон и заявил представителям НАСА, что у них нет выбора. Одних только медицинских проблем достаточно, что-

бы запуск «Меркурия-Атласа-10» вновь получил право на осуществление. Ведь если какие-либо серьезные проблемы возникнут уже в ходе работ по программе «Джемини», запуск капсул «Джемини» может надолго задержаться, и конечному плану высадки «Аполлона» на Луну грозят мучительные проволочки.

Стоит ли доводить до этого — ведь конгресс может поднять такую шумиху, что вся затея с «Аполлоном», которая к тому времени проглотит уже не один миллиард долларов, полетит в мусорную корзину.

Выслушав эти доводы, руководство НАСА призадумалось всерьез — может, действительно следует воскресить программу «Меркурий»?

Тем временем нажим продолжался — несильный, но настойчивый. В самом деле, ждать запусков «Джемини», оставив без ответа эти, возможно, решающе важные вопросы, было попросту безрассудно. Это означало бы, что пилотируемые полеты «второго поколения» будут скованы теми ничтожными познаниями в области космической биологии, которые получены в ходе четырех непродолжительных полетов по программе «Меркурий». А ведь программа «Джемини» должна стремительно прорваться в новые, неизведанные области, как это с величайшим мастерством делают русские.

В конце тысяча девятьсот шестьдесят третьего года русские запустили первый беспилотный аппарат типа «Полет». Новый маневрирующий аппарат явился угрожающим предвестником будущего. После вывода на орбиту по команде с Земли он увеличил высоту полета более чем на восемьсот километров, затем изменил плоскость орбиты и продолжал полет под другим углом к экватору. Запуски спутников типа «Космос» и «Полет», следовавшие один за другим, наглядно продемонстрировали колоссальные возможности Советского Союза.

До первого полета капсулы «Джемини» оставалось еще десять месяцев, а русские корабли уже парили в космосе.

Стены залов заседаний конгресса сотрясались от уничтожающей критики в адрес американской программы космических полетов.

В штабе НАСА, Мэриленд-Авеню, 400, в Вашингтоне по ночам горел свет. *Что-то* должно было произойти — и скоро.

— И пусть никто не занимает телефонную линию! Кто бы там ни просил — не соединять. Чтобы линия была свободна, когда мне понадобится! Ясно?

— Так точно, товарищ генерал. Понял.

— Хорошо! Да, новых сообщений из московского вычислительного центра нет?

— Пока нет, товарищ генерал. Ожидаем с минуты на минуту. Они говорят, что... виноват, товарищ генерал... академик Огородников хочет говорить с вами.

— Что же вы?.. Давайте его сейчас же!

— Генерал Карпенко?

— Я у телефона. Какие новости?

— Все, как мы предполагали. Мы угадали с самого начала. Американский космонавт попал в серьезную переделку.

— Тормозные двигатели?

— Да, товарищ Карпенко. Тормозные ракеты капсулы должны были включиться точно над северо-восточным побережьем Новой Гвинеи. В этот момент космонавт завершал сорок седьмой виток...

— Это все я знаю.

— Потерпите, генерал. Мы хотим убедиться в том, что сведения, которые мы вам сообщаем, совершенно точны.

— Простите, Николай Трифонович. Прошу вас, продолжайте.

— Мы не прекращали изучения параметров орбиты. Американская капсула пробудет в космосе, считая с момента выхода на орбиту у Бермудских островов, приблизительно шесть суток и восемь часов. Затем на нее начнет

воздействовать сопротивление верхних слоев атмосферы, и она замедлит движение.

— Шесть суток и восемь часов... Вы сказали — приблизительно. Нельзя ли поточнее?

— Невозможно. Есть факторы, нам неизвестные — кое-что мы еще не знаем. Но они не столь существенны. Наши расчеты довольно точны, генерал. Атмосфера, как вы знаете, никогда не находится в покое — она то вздымается, то опускается, как диафрагма. До некоторой степени это зависит от солнечной активности. Но в худшем случае мы ошибаемся не более чем на один-два витка.

— А сколько еще продержится космонавт?

— Об этом мы ничего определенного сказать не можем, генерал. Большую часть сведений об искусственной среде в капсуле мы почерпнули из сообщений американцев. Правда, космонавт может уменьшить давление в кабине, а то и вовсе перекрыть подачу кислорода туда и оставить под давлением только скафандр. Однако очень сильно снижать давление нельзя — упадет насыщение артериальной крови кислородом. Впрочем, кое-какие выводы мы все же сделали.

— И?..

— По нашим расчетам, кислород у него кончится примерно за шесть-двенадцать часов до начала возвращения капсулы в атмосферу.

— Значит, никакой надежды на спасение космонавта нет?

— Никакой, генерал. Во всяком случае, судя по тому, что нам известно.

— Гм... Скажите, Николай Трифонович, с данного момента, с этой самой минуты — через сколько часов этот американец... Прюзт... останется без кислорода?

— Приблизительно через сорок два часа. А в чем дело, генерал? Разве это имеет значение?

— Еще какое! Огромное! Благодарю вас, Николай Трифонович, вы отлично поработали. Спасибо, спасибо!

Генерал Карпенко, доктор технических наук, специалист по артиллерии, заслуженный летчик, член-корреспондент Академии наук, круто повернулся и поспешно направился в радиоузел. Часовой у двери вытянулся; генерал прошел прямо к оператору у коммутатора.

— Вызовите мне Байконур, Ваничева! Быстро!

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Двадцать шесть секунд спустя:

— Ваничев?

— Да, товарищ генерал.

— Слушайте внимательно. Академия подтвердила наши предположения. Дальше — кислорода у космонавта остается всего на сорок два часа. Хватит нам времени выполнить наш план?

— Одну минуту, товарищ генерал...

Прошло еще пятьдесят две секунды:

— Товарищ генерал, времени хватит. Со вчерашнего вашего звонка люди работают без отдыха. Система управления и слежения уже перестроена на новый план полета, и мы работаем без задержек. Успеем, товарищ генерал, успеем.

— Превосходно! Но помните, никто, кроме вас и вашего помощника... как его фамилия?.. Меркулова, никто не должен знать об изменении в плане. Ясно?

— Да, товарищ генерал. Я вас понял.

— Хорошо. Когда предполагаете произвести запуск?

— Управимся за восемнадцать часов, товарищ генерал.

— Действуйте, Ваничев. Я вылетаю немедленно. Буду у вас часа через четыре. До свиданья.

Генерал Карпенко потер руки и задумчиво-наморщил лоб. Все идет по плану.

Он обернулся к телефонисту.

— Вызовите аэродром. Скажите, пусть запускают двигатели и готовят машину к немедленному вылету.

— Слушаюсь, товарищ генерал...

Генерал Карпенко не услышал ответа. Он уже бежал по длинному коридору к своей «Чайке», которая должна была домчать его до реактивного самолета, а тот в свою очередь — до Байконура, где-то вчерашнего дня сотни людей работали всю ночь напролет.

Его звали Роберт С. Гендерсон, в области пилотируемых космических полетов он был далеко не последним человеком. Гендерсон, руководитель Центра пилотируемых полетов в Хьюстоне, встретил вошедшего в его кабинет Пруэтта улыбкой.

— Садитесь, Дик,— сказал он.— Остальные сейчас придут.

Остальные? Пруэтт вообще не знал, кто еще будет и зачем его самого вызвали к Гендерсону. И лишь дрогнувшие брови выдали его недоумение, когда в кабинет вошел Роджер Маккларэн, руководитель программы «Джемини». С Маккларэном вошли несколько его помощников; с ними Пруэтт был уже немного знаком, и они, рассаживаясь за большим столом, добродушно приветствовали его.

Вошел и горячо пожал Пруэтту руку Джордж Кейт, возглавлявший Центр управления полетами по программе «Меркурий» на мысе Канаверал. Появился Энди Блейк из рабочей группы «Меркурия». За ним гуськом проследовали к столу несколько инженеров.

Гендерсон кивнул секретарше, та встала и закрыла дверь.

— Все в сборе, — начал Гендерсон. — Приступим к делу.

Он в упор взглянул на Пруэтта. Космонавт хранил бесстрастное выражение лица.

— Дик, вы знаете, зачем мы вас вызвали сюда?

— Нет, сэр, не знаю.

Гендерсон, вертя в руках карандаш, чуть склонился.

— Мы решили приступить к подготовке запуска «МА-10».

Больше он ничего не сказал. Но этого было достаточно. Пруэтт почувствовал, как все его мышцы напряглись. В голову мгновенно полезли всякие догадки, но он не позволил себе даже помыслить о возможности... Но как трудно было удержаться... Огромным усилием воли он подавил разыгравшееся воображение. На лице его не дрогнул ни один мускул.

— Вы знаете всю предысторию, поэтому я не стану ничего объяснять, — продолжал Гендерсон. — Суть дела в том, что мы должны осуществить еще один полет капсулы «Меркурий». «Джемини», конечно, остается в плане, ну, скажем, в немного перекроенном плане. Мы все же собираемся запустить ее этой зимой, но попозже.

Он откинулся на спинку стула и вздохнул.

— У нас чертовски мало времени для проверки глобальной сети слежения. Ведь мы ее уже почти перестроили на программу «Джемини». Но нас заверили, что ко времени запуска «МА-10» сеть будет готова.

— Когда это будет? — спросил Пруэтт.

Гендерсон кивнул Джорджу Кейту, и тот включился в разговор.

— Дик, мы готовим запуск на двадцать первое июля, — сказал он. — У нас не так много времени, как нам хотелось бы, но тут уж ничего не поделаешь. В сущности, это будет медицинский эксперимент. Нам придется отве-

тить на некоторые вопросы, которые давно беспокоят медиков. Лично я не сомневаюсь, что во многом их страхом ничем не обоснованы.

Кейт мрачно нахмурился.

— Но пока мы не знаем ответов на эти вопросы. Во всяком случае, не можем ответить на них с уверенностью. А русские своих карт не открывают. В начале тысяча девятьсот шестьдесят второго года советские физиологи Газенко и Яздовский — вы, вероятно, знакомы с их отчетами, опубликованными Академией наук, — дали нам немало информации о состоянии Титова. Они даже выдвинули собственную теорию, впоследствии подтвердившуюся, о том, что нарушение вестибулярного аппарата, которое испытал Титов, было чисто субъективным и в будущих полетах не повторится. После полетов Николаева и Поповича русские оказались более сдержанными. Появились сообщения только о ненормальном снижении содержания кальция в костях. А когда в космос слетали Быковский и Терешкова, они вообще надежно прикрыли дверку. Что же касается медицинских отчетов о полете парных экипажей этой весной, то здесь уже дверь попросту заперли, да еще и ключ забросили. Нам не удалось вывести ничего.

Он окинул унылым взглядом Гендерсона и всех сидящих за столом.

— Мне не нравится... мне решительно не нравится сидеть и ждать, пока русские расскажут нам что-нибудь о физиологических реакциях космонавтов на длительные орбитальные полеты. Насколько мне известно, это никому не нравится. Мы попросту должны организовать собственный полет продолжительностью в трое суток...

Пруэтт так побагровел, что, казалось, он вот-вот взорвется.

— В чем дело? — спросил Кейт.

— Кто полетит?

— Я боюсь, мы вас совсем замучили ожиданием,— вмешался Гендерсон.— Полетите вы.

Пруэтт скорчил такую гримасу, что все заулыбались. Он слабо махнул рукой.

— Я только... ладно, продолжайте, Джордж. Выкладывайте все подробности, а я пока немного переварю эту новость...

— Я буду краток, Дик,— продолжал Кейт.— Задача— сорок восемь витков. Торможение — над юго-западной частью Тихого океана, приводнение — к северу от Гавайских островов. Это нам даст... трое суток плюс еще почти три витка... всего семьдесят шесть часов, если мы доведем полет до конца.

В разговор вмешался Энди Блейк.

— За последние две недели мы тщательно изучили капсулы и выбрали капсулу № 15. Будем уточнять, что надо переделать для полета. Большую часть переделок, которые мы произвели в капсуле № 20, куперовской, мы оставим. Уберем только перископ, резервный прибор для записи телеметрической информации, ну и еще кое-какие мелочи. У вас, видимо, будет одна батарея на полторы тысячи ватт и восемь главных батарей, включая резервные, по три тысячи ватт каждая. Эти дополнительные батареи мы установим на тормозном отсеке. Защитим их термонизоляцией — чтобы не нарушился тепловой баланс после вывода на орбиту...

Пруэтт слушал внимательно, как бы вбирая все, что говорилось. Но где-то в глубине сознания, все же не до конца поглощенного этим очень важным для него разговором, маячила крошечная фигурка радостно кувыркающегося и растянувшего рот до ушей человечка, в котором он узнал себя. Пруэтт едва сдержал улыбку...

— ...Для полета Купера нам потребовалось перекиси

водорода всего на четыре килограмма больше,— продолжал Энди Блейк,— чем для девятичасового полета Ширры. Полет «по-обезьянью», пассажиром, да еще с отключением питания многих систем на значительные сроки существенно сократит потребность в энергии и реактивном горючем. Кроме того, теперь мы пришли к определенному мнению относительно мощности двигателей системы ориентации. Разумеется, мы остановимся на маломощных...

Они были так поглощены обсуждением основных вопросов подготовки, что не замечали, как летело время. Технических деталей было столько, что из них слагались пухлые контрольные ведомости и инструкции. Но инженеры разясняли лишь главное; исчерпывающее изучение Пруэтту предстояло провести по личному плану, разработанному на подготовительный период. Очень важную роль в планировании полета играли врачи. На сей раз они все внимание сосредоточили не на нуждах и потребностях космонавта, как в предыдущих полетах, а на программе экспериментов. Пруэтт узнал, что ему придется испытать столько медико-биологических систем для корабля «Джемини», сколько их сможет вместить его капсула.

— Фактически,— шутил один из специалистов,— тебе придется стать нашим подопытным кроликом. Мы тут кое-что придумали насчет возможности отправления естественных надобностей в скафандре и системы отвода. Подробности изучишь позже, но не забудь запланировать свидание с нами примерно через неделю — снимем с тебя мерку для скафандра. К тому времени мы почти закончим все доделки. А к моменту полета у нас уже будет и опыт применения этой системы.

Пруэтт вскинул брови:

— Чертовски интересно, Сэм! Неужели вы нашли добровольцев?

— Ну, не то чтобы нашли, — уклончиво ответил инженер и рассмеялся, — но у нас есть несколько таких нудных работенок, что прожить три-четыре дня подряд в твоём скафандре покажется испытателям куда приятнее...

Прошло еще два часа, совещание подходило к концу. Были составлены графики работ для различных групп. Пруэтт убедился, что ему предстоит всего за два месяца проделать работу, на которую требуется по крайней мере три. Но ведь всегда можно часть работы сделать побыстрее, а кроме того, и дублер немало поможет...

Пруэтт вспомнил, что ему еще не сказали, кто у него дублер. Пока он здесь, нужно выяснить это и кое-что еще. Именно сейчас, не позже. Если не выяснить сейчас, мелкие царапинки могут разрастись в тяжкие язвы.

Совещание закончилось; все основные вопросы были решены. Пруэтт повернулся к Гендерсону.

— Боб, как по-вашему, могу я с вами потолковать несколько минут?.. Не в порядке продолжения совещания, но дело важное...

Гендерсон взглянул на часы.

— Разумеется, Дик, охотно.

Пруэтт встал.

— Если вы не возражаете, мне бы хотелось, чтобы Джордж Кейт и Энди Блейк остались с нами.

Гендерсон кивнул в знак согласия; Кейт и Блейк остались на своих местах, когда остальные сотрудники НАСА вышли. Дверь кабинета закрылась.

Пруэтт сразу же взял быка за рога.

— Кто будет дублером?

Гендерсон ответил на вопрос вопросом:

— А кто, по-вашему, должен быть дублером?

Этого Пруэтт не ожидал — даже не надеялся на такой поворот разговора. Он выпалил:

— Дагерти... Джим Дагерти. Лучшая кандидатура.

— Почему?

— Мы работали вместе. Самый подходящий человек. Мы так подружились, что, можно сказать, почти угадываем мысли один у другого. Лучшего помощника, чтобы одолеть всю работу за два месяца, и не найти. Конечно, другие по способностям ничуть не хуже, но мы с ним как-то очень притерлись друг к другу — так бывает, только когда долго поработаешь бок о бок с человеком.

Кейт и Блейк посмотрели на Гендерсона.

— Хороший выбор, — сказал Кейт. — И мороки будет меньше.

Гендерсон взглянул на Блейка.

— Энди?

— Я согласен. Дагерти подходит по всем статьям.

— Ладно, Дик, — дружелюбно сказал Гендерсон, — будет Дагерти вашим дублером.

— Спасибо. Это мне очень поможет, — сказал Прюэтт.

Гендерсон стал собирать бумаги со стола и совать их в портфель.

— Есть еще одно дело, — сказал Прюэтт.

Все трое молчали.

— Послушайте, могу я говорить, ну что ли, по душам? — спросил Прюэтт. — Чтобы все осталось между нами и за стены этой комнаты ничего не вышло?

Гендерсон строго посмотрел на него:

— Выкладывайте.

Прюэтт сделал глубокий вдох и выпалил:

— Вот что, Боб, вы оказали мне огромную честь. Разумеется, я знаю, что вы и другие подбираете только тех, кто в данный момент лучше всего подготовлен к выполнению задания. Но и вы, и я, и вот Джордж с Энди... да и все, кто в курсе наших дел... все мы знаем, что кандидатом на следующий полет намечен Эл Шепард. Вы бы из-

бавили меня от... от ненужных размышлений, если бы разогнали весь этот туман вокруг назначения меня вместо Шепарда.

Гендерсон откусил кончик сигары и выплюнул его в мусорную корзинку. Откинувшись на спинку стула, он не спеша закурил сигару и ткнул горящим концом в сторону Прюэтта.

— А где это сказано, что Эл Шепард намечен для очередного полета по программе «Меркурий»? — спокойно спросил он.

— Но, Боб, ведь это же знают все.

— Ах, вот как? Ну так я вам сейчас кое-что скажу, Дик, и я хочу, чтобы вы хорошенько меня поняли. Во время полета Гордона Купера кандидатов на этот полет не намечали, да и вообще тогда «МА-10» еще не собирались запускать. Скажу вам напрямик. Мы могли бы выбрать Шепарда, или Карпентера, или любого другого из первой группы космонавтов. Но мы не сделали выбора, потому что в этом не было необходимости. Я отлично знаю, какую чепуху несли газеты и журналы насчет нашего будто бы «окончательного решения». Все эти гадалки и болтуны из телевидения и газет просто сами не знают, что говорят. А те, кто знает, оказались достаточно сообразительными, чтобы понять, что мы не станем поручать выполнение задания какому-нибудь определенному человеку, пока не подойдет срок. Теперь...

— Да перестаньте, Боб! Не станете же вы отрицать, что Эл Шепард — самый толковый из нас. Да никто из нас Шепарду и в подметки не годится. И если...

— Майор Прюэтт, — перебил его совершенно ледяным тоном Гендерсон. — Я не намерен заниматься гаданием на кофейной гуще или выбирать космонавтов по жребию. Что бы вы там ни переживали в связи с этим делом, — он свирепо посмотрел на Прюэтта, — вы все же

не в состоянии — я позволю себе усомниться в вашей компетенции именно в этой области — судить о самом себе или любом другом космонавте. Должен вас заверить, что я гораздо лучше вас осведомлен о выдающихся способностях командера* Шепарда; мне известны также — вам это, видимо, следует внушить — многочисленные факторы, которые определяют выбор космонавта для орбитального полета. Вам эти факторы неведомы, что вполне понятно, поскольку они лежат за пределами вашей компетенции. Ну-с, теперь вам все ясно, майор Пруэтт?

Космонавт плюхнулся на стул.

— Выходит, я сел в лужу, — пробормотал он.

Гендерсон заметно — и мгновенно — оттаял.

— Нет, сказал он. — Более того, должен заметить, что ваши слова и причины, побудившие вас затеять этот разговор, весьма меня порадовали.

В притворном страхе Пруэтт закатил глаза.

— Вы меня не поняли, начальник.

Гендерсон рассмеялся.

— Дик, вы просили, чтобы этот разговор остался между нами, чтобы мы предали его забвению, покинув эти стены. Я ценю это и не забыл вашей просьбы. Мне нравится и то, что вы стремитесь воздать должное своему товарищу. Я совершенно согласен с вашей оценкой достоинств Шепарда. Но он уже назначен на первый полет по программе «Джемини»; вторым пилотом с ним полетит Джерри Мастерс. Гриссом сейчас занят испытаниями оборудования для экспериментов со стыковкой кораблей «Джемини», и мы не хотим отвлекать его от этой работы. А что представляют собой Гленн, Карпентер, Ширра и Купер, мы и так хорошо знаем. Нам ведь нужно как можно больше различных индивидуальных характеристик,

* Офицерский чин в ВМС США. — *Прим. ред.*

чтобы прийти к определенным выводам по части физиологии. Вот так-то. А вам поручили выполнение этого задания прежде всего потому, что вы для него подходите лучше всех.

Гендерсон снова взглянул на часы.

— Теперь выметайтесь из моего кабинета и дайте мне уйти домой. Уже больше восьми, черт побери, и жена мне закатит девять истерик подряд, а дом битком набит дамами, и все они будут сочувственно кудяхтать.

Тут он даже как будто подмигнул.

— Ах, да, Дик, чуть было не забыл. Примите поздравления...

Пруэтт ехал домой и все еще не верил... Он чувствовал, что лопнет, если не поделится с кем-нибудь всем, что было на совещании у Гендерсона. Энди Блейк сказал, что официально об этом объявят не раньше чем через две недели. Но, черт возьми, неофициально-то можно сказать и раньше!

Он круто развернул машину и погнал ее к клубу. Прямо под знаком: «Стоянка машин категорически запрещена» он со скрежетом остановил машину, поставил ее на ручной тормоз и, прыгая через три ступеньки, взлетел по лестнице.

Несколько минут спустя он, пошатываясь, спустился вниз с ящиком шампанского на плече и коробкой дорогих сигар в руке. Сбросив ящик на переднее сиденье и сунув сигары следом за шампанским, он вернулся в клуб. Через несколько секунд он уже набирал номер квартирного телефона Джима Дагерти, безуспешно пытаясь подавить волнение.

К телефону подошла Памела. Все еще стараясь скрыть свое ликование, Пруэтт чужим сердитым голосом и самым официальным тоном потребовал к телефону капитана Дагерти. Джим тотчас взял трубку; Пруэтт чуть было

не захихикал, когда услышал казенные «служебные» интонации в голосе своего друга. Но больше он был не в состоянии притворяться; он постарался втолковать Джиму, что случилось нечто очень серьезное и невероятно важное и что они с Памелой должны ждать его дома. Возбужденно хохоча, он швырнул трубку на рычаг.

Все десять минут, пока Пруэтт ехал до дома Дагерти, с лица его не сходила радостная улыбка. Джим и Памела, встревоженные, уже ждали его на пороге. Он издали увидел их фигуры в светлом проеме двери.

На гравийной подъездной дорожке Пруэтта резко занесло. Передним левым колесом он разворотил цветочную клумбу Памелы Дагерти и вполголоса выругался. Супруги Дагерти уставились на него, но он, захлопнув дверцу, пошел не к ним, а на другую сторону машины.

— Господи, Джим,—закричал он,—да не стой же, как пень! Помоги мне перетащить все это.

Когда Дагерти подошел, Пруэтт выволок и сунул в руки изумленного друга тяжелый ящик с шампанским. Схватив коробку с сигарами, он ринулся мимо Дагерти, чуть не сбив его с ног. Джим едва сохранил равновесие. Памела все стояла, изумленно раскрыв рот, и Пруэтт, подхватив ее за талию, поднял вверх и закружил, а потом поцеловал так крепко, что у нее звенело в ухе целую неделю.

Дагерти раздраженно треснул ящиком об пол гостиной.

— Ты что, спятил, Дик?

Пруэтт расхохотался и заорал во всю глотку:

— Я лечу! Если я тебе скажу, ты лопнешь! Я лечу, понял ты, безобразная конопатая мартышка, и ты мне будешь помогать!

Лицо Дагерти выражало полное недоумение.

— Летишь? Куда летишь, идиот?

Пруэтт поперхнулся и закашлялся. Он весь побагровел и ловил ртом воздух. Джим Дагерти принялся колотить его по спине. Памела смотрела на них озабоченно, но вместе с тем в ее взгляде читалось, что за многие годы замужества за летчиком-истребителем она научилась не слишком удивляться чему бы то ни было.

Наконец, Пруэтт отдышался.

— Я... у меня есть для вас небольшой секрет,— прохрипел он.

Они впились в него глазами, боясь, что он снова закашляется. Пруэтт схватил Дагерти за грудь и притянул к себе.

— Джеймс, дорогой рыжий дружок, сегодня у меня было долгое совещание с начальником. Это было очень интересное совещание. Я даже сказать тебе не могу, какое интересное... Они собираются запустить еще одну капсулу «Меркурий».

Дагерти смотрел на него во все глаза.

— Ты, что же, бесишься так только потому, что запустят еще одного «Меркурия»? Черт побери, Дик, а мы-то подумали, что...

Он осекся, увидев, что лицо Пруэтта расплывается в улыбке.

— Ты? — прошептал Дагерти.

Пруэтт кивнул и махнул Памеле рукой, чтобы та принесла бутылку шампанского.

— А ты знаешь, морковная твоя башка, кто будет дублером?

Дагерти медленно покачал головой и вдруг расплылся в такой же широкой улыбке, как и Пруэтт. Он вопросительно ткнул себя пальцем в грудь. Пруэтт еще более ожесточенно закивал.

— Ну, скажи, пожалуйста! — изумленно выдохнул Дагерти. — Вот это да!

— Пэм! Тащи скорей шампанское! — заорал Пруэтт.

Но ее уже и след простыл. Минут через пять она вернулась с Питом Расселом, Гарри Скэнлоном и их женами. Они остановились в дверях и уставились на Пруэтта и Дагерти: те держали в каждой руке по открытой бутылке шампанского, пили и яростно размахивали бутылками, расплескивая вино по кушеткам гостиной.

Памела застонала. Ее муж и Дик Пруэтт весело хохотали и здоровались с друзьями-космонавтами.

Их соседи — все до единого сотрудники Центра пилотируемых полетов — не могли понять, что происходит в доме Дагерти.

Они знали только одно — оттуда всю ночь доносился такой шум, что спать было невозможно.

Человек, сидевший за столом, сдвинутым к краю возвышения в большом конференц-зале, непрерывно колотил по столу председательским молотком. Микрофоны подпрыгивали, бумаги незаметно сползали к краю и падали на пол. Человек побелел от гнева, щека его заметно дергалась, точно нерв под электрическим током.

На него были направлены юпитеры, от света больно резало глаза, которые он и без того шурил от невыносимой головной боли. В ярком свете отчетливо проступали густые клубы табачного дыма, а в промежутках между клубами дыма и под ними — море лиц и жестикулирующих рук, какое-то кошмарное сборище корчащихся и истово ревуших чудищ. Ручка молотка вдруг переломилась, и Десмонд Дж. Барнз, усталый, отчаявшийся, злой, забыл на мгновение, что в зале находятся пять сотен репортеров, забыл о своем положении руководителя отдела информации, проводящего пресс-конференцию в связи с заключительной стадией орбитального полета по программе «Меркурий», забыл даже о включенных микрофонах, стоявших на столе, забыл обо всем и, свирепо швырнув в сторону бесполезную ручку молотка, заорал: «Черт бы вас всех побрал!»

От этого взрыва ярости задрезбуждали все динамики в конференц-зале, а звукооператоры, которые в тот момент на свою беду сидели в наушниках, вскрикнули от боли. Злобный выкрик и весь облик Барнза, обычно такого уравновешенного и невозмутимого, сделали то, чего он никак не мог добиться до этого. Пятьсот репортеров, наконец, справились со своим нетерпением; рев сотен голо-

сов стал постепенно стихать, словно гудок локомотива, заворачивающего за гору.

Барнз сделал несколько глубоких, неровных вдохов и попытался взять себя в руки. Гнев не прошел, но Барнз усилием воли обуздал его, и, когда начальник отдела информации взял в руки микрофон, голос его уже звучал холодно и четко.

— Спокойно, спокойно! Если повторится что-либо подобное тому, что здесь только что произошло... — Он медленно выдохнул воздух. — Ни я, ни мои помощники терпеть никаких оскорблений больше не станем. И конференция на этом закончится.

Зал снова взревел.

— Прекратите! Разве можно что-нибудь понять, когда вопросы задают сразу сто человек? А тем более отвечать! Не могли бы вы объединиться и поручить кому-нибудь говорить от имени всех? Иначе мы далеко не уйдем!

Гул снова усилился, но на этот раз репортеры договаривались между собой, а не обращались к сидевшим за столом работникам информационного отдела НАСА, которые с радостью воспользовались короткой передышкой. Том Стинсон, помощник Барнза, прикрыв рукой телефонную трубку, наклонился к Барнзу и сказал ему на ухо:

— Я говорю с центром управления «Меркурия». Они ничем не могут помочь, Дес.

Щека Барнза снова задержалась.

— Что еще они говорят? — прохрипел он.

— Они не могут сообщить ничего нового. Говорят, чтобы мы придерживались первоначальной версии. Дескать, мы не можем обеспечить приводнение Пруэтта, как это планировалось ранее, потому что в районе посадки море бурное. Тот же вздор, никаких изменений. Мол, с кораблем и космонавтом все в полном порядке, просто мы воспользовались плохой погодой и стараемся набрать-

ся побольше опыта, тем более что полет проходит отлично. Еще они говорят, что...

— Хватит, — раздраженно перебил его Барнз. Он прозел дрожащей рукой по взмокшим от пота волосам. — Все та же чепуха. Господи, Том, мы не можем больше продолжать этот фарс. Кое-кто из сидящих в зале отлично знает, что мы лжем. Они поддерживали нашу игру некоторое время, но...

Зал внезапно смолк. В центральном проходе стояли три человека. Барнз прищурился, чтобы разглядеть их, и похолодел. Ничего хорошего ждать не приходилось. Боже, это же Грег Сондерс, сотрудник телеграфного агентства, опаснейший человек и страшная язва. Слева от него стоял Джек Киршбаум из телевидения, справа — Сид Прайс. Барнз знал, что Прайс — корреспондент одной из крупных нью-йоркских газет, но сейчас не мог вспомнить, какой — то ли «Таймс», то ли «Трибюн». Впрочем, это не имело значения.

Сондерс начал говорить медленно, отчетливо, тщательно подбирая выражения, и с первых же слов у Барнза перехватило дыхание. Гнев снова был готов прорваться, но отступил, беспомощный, перед рассчитанной точностью слов Сондерса, методически рассекавших и разоблачавших обман.

— ...и хотя мы относимся с пониманием к вашим оскорбленным чувствам, мистер Барнз, с не меньшим пониманием мы относимся и к собственным журналистским нуждам, не говоря уже о неизмеримо большем сочувствии к миллионам людей, которые хотят услышать, не скажем ли мы что-нибудь о том, что же происходит в космическом корабле и что в действительности случилось с майором Пруэттом.

Голос хлестал Барнза все сильнее и сильнее, он знал, что надвигается на него, ему казалось, что крыша просе-

дает и готова обрушиться на них, но он был не в силах ничего предотвратить...

— ...мы не ожидали, что окажемся в таком положении. Мистер Барнз, я теперь говорю от имени всех нас...

Голос Сондерса стал презрительно насмешливым.

— ...я хочу дать вам понять, что мы опубликуем сообщение точно в том виде, в каком я его сейчас изложу вам.

«Вот оно, — подумал Барнз и обхватил край стола так крепко, что побелели костяшки пальцев. — Сейчас из обоих стволов...»

— Мистер Барнз, вы лжец.

В зале воцарилась мертвая тишина.

— Мы уже знаем, что сообщение НАСА о продлении полета Прюзетта сверх сорока восьми витков было просто дымовой завесой. Погода в районе приводнения прекрасная. Никакого шторма нет. Далее, мы согласились с вашим требованием, чтобы эта пресс-конференция носила секретный характер. Нам это не понравилось и не нравится до сих пор; от этого дурно пахнет. Но мы согласились и намерены сдержать свое слово. Если же вы не скажете нам правды — сейчас же, немедленно, — мы разоблачим вашу версию, как злостную ложь, как надувательство, как бессовестный обман, направленный на то, чтобы скрыть правду о серьезной опасности, возможно грозящей Прюзетту. А теперь отвечайте: скажете вы нам правду или нет?

Барнз лихорадочно соображал, как быть. Слава богу, что Сондерс не обошелся с ним более круто. Официальной версии больше придерживаться нет смысла. Все они превосходно знают, что он лжет, но лично к нему претензий никто не имеет. Будь они на его месте, они бы, к сожалению, вели себя точно так же. Пожалуй, будет лучше сказать им кое-что, пока центр управления «Меркурия»

не установит точно, что именно случилось с капсулой. Он помотал головой, пытаясь собраться с мыслями. К черту приказы; придется сказать...

— Ладно, Сондерс. Но прежде чем начать, я хочу кое о чем предупредить вас, всех до единого. Все, что я скажу, по-прежнему не для широкой публики.

Он вскинул руку, чтобы прекратить крик, поднявшийся в зале после его предупреждения.

— Черт побери, я говорю так потому, что вынужден. Все, что я скажу, не должно получить огласки, пока не поступит подтверждения некоторых фактов. Однако если в течение следующего часа ничего не случится, я буду считать, что запрет снят, и вы вольны обнародовать все, что узнаете. Даете слово, что оправдаете мое доверие?

Сондерс, Киршбаум и Прайс оглядели зал. Из рядов донеслось сердитое бормотание, но громких возражений не было. Барнз знал, что если трое стоявших примут его предложение, остальные пойдут за ними. На этот раз заговорил Киршбаум:

— Ладно, Барнз. Мы согласны ждать... но не больше часа.

Барнз заговорил медленно, умышленно растягивая паузы между словами, чтобы усилить ошеломляющий эффект своего сообщения.

— Завершая сорок восьмой виток, майор Пруэтт начал готовиться к торможению. До этого момента телеметрическая информация была в норме. И тут...

Барнз замолчал.

— Ближе к делу, черт побери! — крикнул кто-то из зала.

Барнз смотрел в зал невидящим взглядом.

— Тормозные ракеты отказали.

Он никогда еще не слышал такого громового хора го-

лосов. Тут только он понял, как поразило это известие людей, сидевших перед ним.

— Мы... мы пытаемся точно установить, каково положение. Б-больше я пока ничего не знаю.

Ноги у него подкосились, и он с облегчением упал в свое кресло. Еще минут десять в зале стоял невообразимый рев, потом все снова затихли.

Сондерс, белый как мел, обернулся к Барнзу и собрался что-то сказать, но не успел — в зал ворвался человек.

— Они передают! — задыхаясь, выкрикнул он. — Передают по телевидению из Нью-Йорка! Напрямую, не в записи! У них будто бы монопольное право передач из Кокоа-Бич. Сообщают, что у Прузтта не сработали ракеты! И называют его «пленником космоса»!

Послышались злобные крики и брань; у дверей и запасных выходов началась давка — разъяренные репортеры ринулись к телефонам. Накаленные до предела, они толпой вывалились из конференц-зала гостиницы «Кейп Колони Инн» на шоссе, ведущее в Кокоа-Бич. Как подло их обошли с величайшей, небывалой сенсацией, обставили, обскакали... Но кто?..

В зале, где только что было пятьсот человек, осталось не более трех десятков. Репортеры двух крупных телевизионных компаний взяли за микрофоны, чтобы передать срочное сообщение.

Барнз сидел и беспомощно смотрел на все, что творилось в зале. Он увидел, как Джек Киршбаум подошел к репортеру телевидения, составившему себе «имя» на научно-популярных передачах. Внезапно Джек протянул руку и сорвал с репортера наушники, зацепив при этом ухо и до крови ободрав его.

Прислушавшись к голосу в наушниках, Киршбаум в недоумении повернулся к Сондерсу и Прайсу.

— Прямая передача! Боже праведный, да ведь он все передавал отсюда, все, что происходило!

Он бросил наушники, круто, стремительно повернулся и с размаху ударил телевизионного репортера кулаком по лицу. Бывший авиадесантник вложил в удар все сто с лишком килограммов своего веса.

Но это уже ничего не меняло. Вся страна уже знала, и повсюду творилось что-то невообразимое.

*

Пруэтт жил теперь в мире, в котором было по семь рабочих дней в каждой неделе, а всякий день был до отказа заполнен столькими делами, что их просто было невозможно переделать. Препятствия одно за другим вставали перед ним, и надо было напрягать все силы, чтобы преодолевать их; за очередным препятствием он мог немного помедлить, то есть вернуться к нормальному, каждодневному, совершенно бешеному темпу. Джим Дагерти не отставал от него и был как бы его вторым «я» — он взваливал на себя как можно больше работы, занимаясь бесчисленными мелочами, требовавшими хладнокровия и внимательности, и давая этим возможность Пруэтту сосредоточиться на тех задачах, которые были непосредственно связаны с предстоящим полетом.

Пруэтт изучил капсулу № 15 намного лучше, чем любой самолет, на котором летал. Кроме космического корабля, в жизни для него почти больше ничего не существовало; Пруэтт поставил перед собой задачу познать, не только разумом, но и инстинктом, буквально каждый квадратный сантиметр капсулы, каждую крошечную деталь ее оборудования, каждый элемент работы всех ее главных и второстепенных систем.

Получив в условиях жестокой конкуренции право на постройку космического корабля, предназначенного для орбитальных полетов американцев, инженеры компании «Макдоннелл» с самого начал оказались в затруднительном положении. Их ограничивали возможности ракеты-носителя «Атлас»; им были поставлены жесткие пределы и по весу, и по размерам капсулы. Получался грубовато-смешной парадокс — человеку, забрасываемому ракетой в бесконечное пространство космоса, отводилось пространство, столь ограниченное...

Инженеры работали настойчиво и упорно, стремясь обеспечить космонавту максимальные удобства при минимуме имевшихся у них возможностей. Пруэтт понимал, что тут уж ничего не поделаешь. В сущности, в его круглой капсуле было не больше места, чем в телефонной будке, а ни один человек в здравом уме не захотел бы просидеть трое суток в телефонной будке.

Впрочем, в действительности человеческому телу в капсуле было гораздо удобнее, чем это казалось на первый взгляд. Космонавт вовсе не лежит на спине, как считает большинство непосвященных. Он находится в полуполулежащем положении, спина немного приподнята, а колени чуть возвышаются над головой. Каучуковая и пластиковая обивка контурного кресла точно отформована по телу космонавта и необычайно комфортабельна.

Пруэтт с нетерпением ожидал первых мгновений невесомости. Когда, в порядке тренировки, он лежал по нескольку часов в контурном кресле капсулы или тренажера, это бывало очень утомительным. При нормальном тяготении в полуполулежащем положении кровь отливала от ног к туловищу, и даже пустячное неудобство вызывало сильнейшие боли.

Но в космосе... Собственно говоря, даже русский корабль «Восток» не так уж велик с точки зрения земных

масштабов. Все дело в том, что в состоянии невесомости самый незначительный дополнительный объем дает колоссальные преимущества. Этого достаточно, чтобы русские космонавты могли, например, расстегнуть привязные ремни и распрямить тело. Не так важно, что они могли стоять, — в условиях невесомости нельзя «стоять». Там, где нет верха и низа, это понятие теряет смысл. Но Николаев первый станцевал «космический танец». Плавая в воздухе, совершенно невесомый, он ухватился обеими руками за выступы в кабине, тщательно уравновесил тело и начал вертеться. Он вращался и вращался с восхитительной легкостью, без малейшего дополнительного усилия, и прекратить вращение ему удавалось, лишь ухватившись за что-нибудь.

Так что даже капсула «Меркурий», этот крохотный кон, в который завернулся человек, чтобы дерзнуть взлететь в космос, утрачивает при невесомости все свои неудобства и становится не только терпимой, но даже комфортабельной.

Правда, влезать в капсулу было чистым наказанием. Иначе не скажешь. И Пруэтт ворчал всякий раз, когда, извиваясь, протискивался с посторонней помощью в узенький люк. Он влезал в капсулу и вылезал из нее не меньше сотни раз, отрабатывая процедуру покидания капсулы в аварийных ситуациях. Он вылезал через люк и через узкий проход в горловине капсулы, где размещались парашюты. Это был тот случай, когда восемьдесят килограммов тренированных упругих мышц и широкие плечи мало радовали его.

Пруэтта никогда не покидало чувство изумления, когда он думал о своем космическом корабле. На орбите эта машина вместе с ним будет весить примерно тысячу пятьсот килограммов. Черт побери, это почти на пятьсот килограммов меньше, чем весит его автомобиль! И все

же эта крохотная коробочка полетит вокруг земного шара со скоростью двадцать девять тысяч километров в час; она способна выдержать колебания температуры в несколько тысяч градусов. И ей будет нипочем любое давление — от практически полного вакуума до нагрузок, которые превращают в кашу все, кроме самого прочного металла.

Вживаясь в сложное хозяйство своего космического «домика», Пруэтт понимал, что единственно возможная форма взаимоотношений космонавта с его кораблем — это симбиоз человека и машины. В сущности, человеческий организм должен буквально вплестись в электронные и механические системы капсулы и гибко взаимодействовать с ними.

Он будет жить, как младенец во чреве; только человек, видевший капсулу, с которой слой за слоем снята обшивка, может оценить потрясающую сложность и переплетенность всех «волокон» космического корабля. Тело Пруэтта будет окружено десятью тысячами метров проводов и кабелей. Часть из них будет даже подключена к нему. В ограниченном пространстве капсулы десять километров «венозных и артериальных сосудов» будут обеспечивать подачу электроэнергии, тепла и жидкостей, охлаждать, защищать от радиации... Да, это самый настоящий симбиоз.

Как и его предшественникам-космонавтам, Пруэтту предстояло убедиться, что тренировки и длительная подготовка потребуют больше физических усилий, чем выполнение любой задачи во время реального космического полета.

Тренажеры и специальные устройства представляли собой хитроумно придуманные «барьеры», преодоление которых требовало величайшего напряжения. Это был путь добровольного мученичества и испытаний возмож-

ностей человека, но он всегда вел вперед, к конечной цели — максимальной готовности к огненному броску в неизведанное, который потребует предельной отдачи сил. Инженеры НАСА создали несколько тренажеров, по их мнению, воспроизводивших многие ситуации, с которыми человеку придется столкнуться на борту космического корабля во время орбитального полета. Одной из любимых «игрушек» у них был безопорный стенд «Альфа»

Опыт показал, что они ошибались. «Полет» на безопорном стенде не был похож на управление реальным кораблем и реальными двигателями в условиях невесомости. На тренажере было работать труднее, значительно труднее. Первое знакомство с «Альфой» застало Пруэтта врасплох.

Он забрался в контурное кресло, и техник надежно закрепил привязные ремни. Просторное помещение, где находился стенд, погрузилось в темноту. Пруэтт вспомнил, что балансирует на огромном стальном шаре, опирающемся всего только на подушку из сжатого воздуха, вспомнил — и забыл. Он услышал глухой шипящий рев воздуха и, не задумываясь, пошевелился, чтобы усесться поудобнее.

Это была тяжкая ошибка: Вселенная мгновенно и резко завертелась вокруг него. Кресло круто наклонилось и стало вращаться. А ведь он всего лишь подвинулся в кресле на какой-то сантиметр!.. Он инстинктивно попытался подчинить себе свое тело, восстановить равновесие, но необычайно чувствительная «Альфа» реагировала на малейшую неточность — его только сильнее стало крутить, причем как-то по-новому, что еще больше сбивало с толку.

—

* От английского сокращения «ALFA» — Air Lubricated Free Attitude Simulator (свободно ориентирующий в пространстве тренажер на воздушной подушке). — *Прим. ред.*

Он выругался; мгновенно помрачнев, он представил себе, как будут смеяться над ним другие космонавты, и снова ругнул себя. Надвигался первый приступ тошноты, и тут Пруэтт немедленно воспользовался собственным самым эффективным средством, не раз выручавшим его в подобных случаях. Этот прием стал для него совершенно органичным элементом процесса мышления. Он заставил себя слиться с машиной, заставил свои ощущения и инстинкты вписаться в систему «человек — машина».

Перед его глазами была большая линза. Глядя сквозь нее, он сосредоточил свое внимание на карте, необычной карте, охватывающей пространство в три тысячи километров от горизонта до горизонта и движущейся перед ним со скоростью около восьми километров в секунду, — Земля летела под ним точно так, как будет лететь под капсулой на орбите. И когда его внимание переключилось на карту, он обнаружил, что уже не слышит шума сжатого воздуха, а ведь когда начиналась тренировка, ужасный рев просто оглушал его. Теперь же он его не замечал, как не замечал раньше шума работающих двигателей самолета. Он уже добился полной сосредоточенности на своей главной задаче.

Его рука сжимала рычаг, находившийся сбоку от кресла. Этот рычаг управлял пуском сжатого воздуха через небольшие реактивные сопла, равные по мощности соплам, установленным на настоящей капсуле. Он мог поднять или опустить нос «капсулы», переводя рычаг вперед или назад — совершенно так же, как на самолете. Переводя рычаг вправо и влево, можно было управлять креном, опять же как на самолете.

А вот с разворотами дело обстояло по-иному. На самолете, играя рулем поворотов, можно было мотать нос как угодно из стороны в сторону. Но ни на стенде, ни на космическом корабле не было руля поворотов, да не бы-

ло и воздушных потоков и аэродинамических сил вообще. Чтобы повернуть нос капсулы вправо или влево, нужно было манипулировать все тем же рычагом управления.

Вся хитрость состояла в том, чтобы при помощи рычага давать короткие импульсы тяги. Это уж было совсем не похоже на самолет. Там можно было добиваться исключительно плавной слитности движений — с этим же чудовищем приходилось вести себя осторожнее. Никакой непрерывности и слитности — только ряд точных, строго ограниченных движений. Это напоминало выполнение на истребителе переворота через крыло «по восьми точкам» — крен на определенный угол и фиксация в этом положении, затем более глубокий крен и опять фиксация. Пруэтт понял, что именно так надо управлять и «Альфой», иначе она реагировала крайне недружелюбно и пыталась окончательно выйти из повиновения.

Не подумав, Пруэтт поднял левую руку и почесал нос — и тотчас же пожалел об этом, потому что «космический корабль» угрожающе закачался из стороны в сторону, а затем накренился и начал валиться на бок. Инстинктивно он попытался исправить положение движением тела, но тут же убедился, что все надежды на мгновенную ответную реакцию тщетны. Ему снова показалось, что весь мир, раскачиваясь, куда-то уносится от него...

Пруэтту пришлось заново приспособливать свои ощущения и рефлексы. Уже давно он утверждал, что у человека не пять, а шесть чувств, и шестое — равновесие. Сейчас он снова сумел добиться этого необычайного слияния своих ощущений с поведением машины и скоро — поразительно скоро! — начал «чувствовать» «Альфу», как будто машина была частью его самого. Он достиг какого-то необычайного перевоплощения — мысленно он все время был в космосе, в невесомости.

«Получается!» — радостно кричал он про себя. Действительно — получалось хорошо. Он добился устойчивости «Альфы» быстрее, чем кто-либо до него. Он приводил ее в равновесие, снова раскачивал, начинал вращение, останавливал ее на половине оборота, а затем раскручивал в обратную сторону.

Пруэтт «играл» на рычаге управления, как на флейте, легко прикасаясь к нему пальцами, и «Альфа» повиновалась ему.

Техник, стоявший за главным пультом управления, тихонько свистнув, отключил подачу воздуха и спустился поговорить с Пруэттом.

— Здорово. Очень хорошо, сэр,—оценил он.— Вы первый, кому удалось потягаться с Шепардом. А он в этом деле настоящий волшебник. Схватывает все быстрее любого. И вы тоже. Даже не разберешь — совсем как Эл Шепард.

Он взглянул на Пруэтта; на его лице промелькнула усмешка.

— Майор, а может, вам... того... хочется попробовать аварийное маневрирование?

«Что-то он хитрит»,— подумал Пруэтт и внимательно взглянул на техника.

— Ну-ка, расскажи поподробнее, дружище, что это за штука? — спросил он.

— Э, да я совсем забыл, что вы здесь в первый раз. Так вот, вы сумели, скажем, стабилизировать стенд, ясно? А мы тут начинаем подбрасывать вам всякие неприятности. Отключим некоторые сопла или начнем менять их мощность. Так сказать, малость напутаем вам, а потом посмотрим, как быстро вы из этого выкарабкаетесь. Конечно, если вы слишком устали, вымотались...

Техник не успел договорить. Пруэтт только посмотрел на него. Он знал, что в комнате управления все внима-

тельно следят за разговором, и понял, что его в какой-то мере испытывают. Программу-то он выполнил. Он вполне отвечал предъявляемым требованиям, но теперь испытатели предлагали ему собственную программу трудностей.

Он мог бы кончить на сегодня. У него и без того получилось лучше, чем у других космонавтов. Но тогда он разочарует этих людей, они будут качать головами, глядя ему вслед...

Он откинулся на спинку кресла и расслабился.

— Ну, что ж, крутанем ее еще разок.

Лицо техника озарила улыбка.

— Молодец, майор. Я готов был спорить, что вы именно так и скажете.

Все маски были сброшены, начался открытый «турнир» между Пруэттом и операторами стенда. Они стараются его сокрушить сумасшедшими выкрутасами, но он из кожи вон вылезет, а возьмет верх над ними.

Они обрушили на него все, что можно выжать из «Альфы» по инструкции... Через пятнадцать минут режсжатого воздуха сменило приглушенное шипение, затем наступила тишина. Пруэтт вытирал пот с лица, а техники в это время отстегивали ремни. Ему помогли спуститься на пол, и он устало прислонился к тренажеру.

— Ну, кто победил? — спросил Пруэтт.

Кто-то легонько хлопнул его по спине.

— Ничья. — Техник помедлил. — Знаете, майор Пруэтт, вы первый человек, которого мы не сумели заставить чертыхаться и просить о помощи.

Его глаза светились искренним восхищением.

— Майор, у вас все пойдет отлично, ручаюсь, отлично!

Пруэтт уходил из испытательной камеры, чувствуя, что вырос на целую голову.

...Несчетное число часов и дней провел он в тренажере для отработки различных элементов полетного задания — точном макете капсулы, где были воспроизведены почти все приборы и средства управления, которые имеются в настоящей капсуле. Тренажер тоже был «нагружен» различными неполадками и авариями. Он управлялся дьявольским счетно-решающим устройством и оператором — тоже «мастером» на всякие штучки. Тренажер то имитировал пожар, то выход из строя одного из двигателей ориентации, то изменение давления, то нарушение электрической цепи и другие аварийные ситуации, с которыми космонавт мог столкнуться на любом этапе полета.

«Д-да, если сладить с этим тренажером,— подумал Пруэтт,— можно спокойно отправляться на Марс в лодчонке с подвесным мотором».

Он внимательно изучал индикаторы положения в пространстве, установленные на тренажере. Они показывали кувыркание, вращение и другие движения и маневры капсулы, «вышедшей из повиновения». Эти три прибора полностью воспроизводили положение находящейся на орбите капсулы относительно внешнего мира. Их нужно было изучить так глубоко и детально, чтобы реагировать на их сигналы рефлекторно, почти инстинктивно.

А суммарное движение относительно всех трех осей одновременно воспроизводилось на четвертом приборе — квадратном индикаторе, расположенном в центре приборной доски. Космонавт должен был научиться выравнивать стрелки приборов так, чтобы на четвертом приборе образовалось совершенно четкое перекрестие. Любое отклонение от такого положения означало, что ориентация капсулы нарушена. Это было особенно важно, например, когда космонавт хотел точно ориентировать капсулу «параллельно» поверхности Земли.

Как только Пруэтт освоил управление реактивными двигателями системы ориентации капсулы в пространстве, он убедился, что управлять капсулой гораздо легче, чем истребителем.

Тренажер был настолько точной копией капсулы, что космонавт получил возможность буквально «пожить» в той машине, в которой ему предстояло унести в космический вакуум. Всего в полуметре перед его лицом и грудью находилась приборная доска, на которой теснилось около полутора сотен шкал, переключателей, рукояток, кнопок и других средств управления; множество цветных лампочек мерцало или вспыхивало, причем каждый цвет имел особое значение.

В свое время Пруэтт опасался, что страшная теснота в кабине космического корабля может вызвать у него приступ клаустрофобии *, но теперь, к своей великой радости, понял, что ошибался. Оказалось, что представление о «нормальном», обычном, весьма относительно. Все было делом привычки.

Пруэтт вспоминал, что все писатели в книгах, которые ему доводилось читать, взирали на космос с содроганием, рисовали картины беспощадной, жестокой пустыни, чуждого, безжалостного пространства, вечно враждебного, даже смертоносного в своем крайнем несходстве с привычным миром людей.

И тем не менее... еще в самом начале работ над программой «Меркурий», задолго до того, как первый человек дерзнул вознестись в бархатную черноту неба, Скотт Карпентер выступил против такого представления о космосе. Он высказал совершенно противоположную точку зрения. Он предсказал, что как только человек добьется равновесия сил, обеспечивающего орбитальный полет, он обнаружит в космосе мир и спокойствие.

* Боязнь ограниченного пространства.— *Прим. ред.*

Поразмыслив над этим предсказанием, Пруэтт сопоставил все, что ему было известно об орбитальном полете, с полетом в атмосфере сквозь бури, турбулентные потоки и многие другие небесные барьеры. Здесь приходилось буквально «воевать» со штурвалом и педалями, чтобы преодолеть тепловые потоки и встречные течения и ослабить их воздействие. Здесь встречались оледенение, туман, дымка, прижимавшие самолет к земле, и тогда посадка превращалась в лотерею — либо ты садишься, либо врезаешься в неподатливый бетон и от тебя остается мокрое место. А там, в космосе, если уж ты сумел скользнуть по кривой игле траектории вверх и отделиться от ракеты-носителя, больше тебе нечего беспокоиться ни о выравнивании кия, ни о тяге. Можно не волноваться насчет перевода дросселя на крейсерский режим или неполадок в форсажной камере и компрессоре; раз уж ты вышел на орбиту, можешь забыть о закрылках, шасси и воздушных тормозах. И на гору там не налетишь. А все эти поршневые штучки... шаг винта, регулировка горючей смеси, оледенение карбюратора и прочие подлости, помноженные на число двигателей,—их тоже нет в космосе.

И нет облачности, которая почти так же опасна, как горы. Пруэтт очень хорошо помнил, как он однажды рискнул залететь в грозовое облако и тотчас же пожалел об этом. Его могучий истребитель казался беспомощной скорлупкой, обреченной на гибель; гроза все глубже заглатывала его, и наконец ее гигантские скрежещущие зубы сомкнулись на хрупкой стали самолета. Пруэтт ударился головой о колпак кабины и получил серьезное ранение. Гроза была и гением мглы, и внезапным свирепым сверканием молний, и невидимыми, сокрушительными ударами ветра. Она принялась медленно и методично пережевывать его огромный стреловидный самолет; порывы ветра вцеплялись в металлическую обшивку, рвали ее в

клочья и выплевывали их с пренебрежительной легкостью из грозового облака, словно яблочные кожурки. Чтобы спастись, он катапультировался и вылетел вверх и вперед из разваливающегося на части самолета. Ветер сорвал с него кислородную маску. Он обхватил голову руками, стараясь защитить лицо от хлещущих ударов града. Свернувшись клубком, содрогаясь от ужасающих ударов грома, следовавших за сверкавшими молниями, он камнем летел вниз целых три километра. Когда, наконец, его тряхнул резкий рывок раскрывшегося парашюта, он возликовал. На протяжении всего спуска до земли он глубоко и благодарно вдыхал прохладный воздух и поглядывал на огромную, уходящую ввысь грозовую тучу, уже удалившуюся на несколько километров и то и дело ошестинивавшуюся ослепительными иглами молний. Далеко внизу на мгновение возникла багровая вспышка — это разбилось о землю все, что осталось от его гордого могучего истребителя.

Как это сказал Карпентер? Пруэтт вспомнил: уж если человек взлетит на орбиту, он обнаружит в космосе «очень дружелюбную обстановку». Он сказал это напрямик, вопреки всем мрачным прогнозам. И его с готовностью поддержали американские и советские космонавты, уже побывавшие в космосе.

Мог ли Пруэтт предполагать, каким обманчивым, каким страшным окажется бездонный космос для него? Мог ли он понять тогда, что, даже борясь против самых жестоких стихий атмосферы, он обладал одной возможностью, которая для человека важнее всех других, — он мог бороться — бороться с грозой, ветром, со своей машиной, наконец. Бороться за жизнь! А здесь ему оставалось только одно — ждать неминуемой смерти...

Два журналиста медленно шли по главной улице Кокоа-Бич. Солнце гнетуще катило воздух, тротуары, тела людей. Но они этого не замечали — они увлеклись беседой, и мысли их были далеко от залитой солнцем улицы. Они думали и говорили о человеке по имени Пруэтт, которому оставалось жить все меньше часов, все меньше минут...

Они шли по солнцепеку, поглядывая на женщин в шортах и лифчиках, бегущих за покупками, на большие сверкающие автомобили, пронесившиеся мимо... и все это казалось им нереальным — стоило только задуматься поглубже, вознестись над жаркой душной атмосферой и представить себе, каково приходится ему «там, наверху».

Один из журналистов остановился. Его спутник остановился тоже, удивленный внезапной переменой выражения его лица.

— Джон, ты ведь был здесь, когда полетел Эл Шепард?

Журналист кивнул и ждал, что еще скажет его друг.

— Я вот сейчас шел и думал, — сказал тот и снова зашагал. — Я думал... что самым сильным впечатлением от этого полета было не то, что произошло на Мысе. Самое интересное было здесь, именно здесь, в этом городе. Вот на этих улицах.

— Я что-то не совсем тебя понимаю...

— Тед Маккой тогда не поехал с нами на Мыс. Он писал репортаж отсюда, из Кокоа-Бич. Понимаешь — отклик простых людей. Он говорил с местными жителями, интересовался их реакцией, спрашивал, что они думают

о человеке, взлетающем в космос. О первом американце. Понял?

— Да. А какое...

— Погоди минуту,— перебил он, отирая пот со лба.— Тед рассказывал нам, что никогда не видел ничего подобного. Все приемники и телевизоры были включены. Когда обратный отсчет близился к моменту взлета, все замерло. Все пешеходы остановились, все замолкли. Даже машины остановились, люди в них ждали, когда отсчет дойдет до нуля, и, чтобы не упустить момента, смотрели на север. Отсюда они могли увидеть взлет ракеты «Редстоун» над горизонтом — через каких-нибудь несколько секунд после старта. Тед рассказывал, что видел мужчин, женщин, детей: они стояли и смотрели вверх, на ракету. И тут же, тут же молились за малого, который был в той ракете. Тед говорил, что некоторые падали на колени и молились. Прямо здесь, на тротуаре, на улице. Им было все равно, они думали только об одном человеке и молились за него. Он...

Журналисты обменялись взглядами, молча повернули за угол и зашагали по направлению к белому шпилью церкви.

В церковь нельзя было войти. Жители флоридского городка заполнили все скамьи и проходы, а тот, кто не попал в церковь, опускался на колени на траву или на песок у лестницы. Некоторые уходили, другие приходили.

Оба журналиста молча присоединились к молящимся...

* * *

«Мастиф» * — это гигантское отродье ярмарочного аттракциона; он может вертеть человека вокруг трех осей

* MASTIF — Multi-Axis Spin Test Inertia Facility (англ.) — инерционная тренировочная установка многоосевого вращения.— *Прим. ред.*

одновременно, кувыркая, швыряя, крутя его так свирепо и так беспорядочно, что Дик Прюэтт не мог себе представить ничего подобного и с первого знакомства получил все основания питать к этой машине крайнюю неприязнь. Правда, стенд «Альфа» на воздушной подушке тоже был для Прюэтта нов и необычен, и все же Дик быстро укротил его.

Но этот чудовищный «Мастиф», установленный в исследовательском центре Льюиса, был зверем совсем иного рода. Он дремал в огромной камере, и едва Прюэтт взглянул на него, ему сразу же пришло в голову, что эту машину могли создать только какие-нибудь свихнувшиеся и обиженные судьбой отщепенцы касты механиков, да и то в припадке белой горячки. Основу «Мастифа» составляли три гигантских колеса, помещенных одно внутри другого. Внешняя оболочка — шестиметровая решетчатая сфера — была укреплена на карданных подвесах и свободно кувыркалась самым беспардонным образом. Внутри нее размещалась еще одна рама, тоже на карданах, но она уже вращалась вокруг вертикальной оси — ни дать ни взять мусульманский дервиш в ритуальной пляске. И наконец самая внутренняя, третья клетка напоминала недостроенную капсулу. Можно было подумать, что строителям внезапно стало противно смотреть на собственное детище, и они ушли, бросив работу недоделанной. Эта клетка тоже вертелась — вокруг третьей оси — точно футбольный мяч от резаного удара.

Когда Прюэтт услышал жалобный вой чудовища, он понял, что опасался не напрасно. Электромоторы, приводившие ротор в движение, издавали стонущий, скрежещущий звук. Прюэтт сидел внутри, окруженный паутиной пересекающихся огромных металлических обручей. Он очень быстро понял, почему техники привязали его так, что он едва мог шевелиться. Стоило только ротору начать

свой причудливый танец, как он почувствовал давление лямок, которыми был прочно привязан к контурному креслу.

Джим пришел поглазеть на эту «поездку» и, смеясь, объяснил Пруэтту, что он, Дагерти, хочет быть поблизости, когда желудок Пруэтта начнет неистово выбрасывать все, что не успел переварить.

— Ну, дружище, на этой чертовой карусели тебе придется расстаться со всем, что ты ел на первое, второе и на третье, — шутил Дагерти. — А мне будет что рассказать внукам. Как сам Великий Пруэтт извергал содержимое своего желудка по всем трем осям координат, а потом два дня оттирал «Мастиф» тряпкой...

— Заткнись, — огрызнулся Пруэтт. Дагерти только ухмыльнулся в ответ.

В камере Пруэтта и Дагерти ждал Джо Вителло, гражданский летчик-испытатель из НАСА, для которого «Мастиф» со всеми его фокусами стал вторым домом. Хотя Вителло и не входил в группу космонавтов, он на этом огромном чудовище разве что фокстроты не мог играть. Этот коренастый итальянец был для новичков самым авторитетным советчиком. А когда Вителло сам садился в кресло машины, он управлял силами, воздействовавшими на него, с мастерством канатоходца, выполняющего свой номер под ураганным ветром и одновременно раскуривающего трубку.

Перед отъездом в Льюис Пруэтт и Дагерти узнали, что второму поколению космонавтов уже не суждено целиком вкушать все «прелести» ротора. Опыт первых четырех орбитальных полетов со всей очевидностью доказал, что мучения, претерпеваемые в роторе, бессмысленны — они просто не имеют ничего общего с условиями реального полета. Так что Пруэтт был удостоен чести последним изведать все сверхъестественные

возможности этой машины. Впрочем, он почему-то не очень этому радовался.

Когда ротор нес его круг за кругом, выписывая бесконечную спираль, он не испытывал особо неприятных ощущений. Это чем-то напоминало ряд последовательных горизонтальных бочек на истребителе, хотя Прюзт в душе признался себе, что ему ни разу не приходилось выдерживать пятьдесят бочек в минуту. Но тут все-таки было известное утешение — на самолете он мог потерять управление и разбиться, а уж ротор-то никогда не разобьется, он просто будет продолжать безжалостно выворачивать внутренности седока наизнанку.

Своим головокружительным вращением ротор развечал уже не одного летчика, добровольно залезшего в это чудовище. Они пытались вопить: «Остановите, выпустите!», но, кроме сдавленного гортанного хрипа, не могли издать ни звука — желчь у них поднималась по пищеводу и обволакивала все в горле. Но Прюзт любил «штопорить». Влюбленный в высший пилотаж, он сотни раз падал в штопоре, опустив нос, задрав хвост самолета и вертясь, виток за витком, навстречу несущейся на него земле. Ему просто нравилось это состояние, и даже когда поверхность земли сливалась в сплошную мелькающую рябь от скорости вращения, он умудрялся спокойно отсчитывать оборот за оборотом. Он мог выйти из штопора, выровнять самолет и тут же войти в штопор в обратном направлении. Товарищи Прюзта говорили, что у него не желудок, в котором есть нервные окончания, а плавильная печь, набитая чугунами чушками.

Закончив отдельные упражнения на роторе — по спиральному движению и по вращению, Прюзт не мог сдерживать улыбки.

— Эй, Вителло! — позвал он испытателя, когда ротор со стоном остановился. — Я думал, твой медведь просто

жует космонавтов и выплевывает их потом мелкими брызгами!

— А вам, что, понравилось, майор?

— Именно. Думаю, моя мамочка не отказалась бы прокатиться на этой машине, если бы мы смогли дотащить ее до деревенской ярмарки.

— Ах, даже так?

— Ладно, косматая ты обезьяна, давай последнее упражнение. Пора кончать.

— Конечно, конечно, майор.— Вителло взялся за ручку управления.— Между прочим, я рад, что тебе у нас понравилось.

Его улыбка могла бы насторожить Пруэтта, но тот, к сожалению, не оценил ее. Первым «сигнал опасности» подал желудок. Космонавту стало нехорошо, но не от тошноты, а от непривычного мучительного кувыркания через голову. Кувырки все ускорялись, тело Пруэтта моталось в этом нелепом, резком вращении — полный переворот через голову за две секунды, тридцать кувырков в минуту. Этого было более чем достаточно, чтобы вывести любого человека из равновесия и вызвать полную потерю координации движений, чувства направления и все симптомы жестокого головокружения.

— Т-ты, н-н-негодяй! — проскрипел Пруэтт сквозь стиснутые зубы.— Ты, в-волосатый п-па... о-ох!.. павиан, почему не предупредил меня?

В наушниках затрещал голос Вителло:

— Отдохни, ученичок, позабавься, потом расскажешь мамочке, какое удовольствие ее ожидает. Ха-ха!

Казалось, ротор, как живой, с каким-то дьявольским наслаждением продолжал вертеть и вертеть Пруэтта. Тот даже застонал. Ему казалось, что все части его тела, испугавшись этой противоестественной трепки, стремятся оторваться и улететь куда-то — каждая сама

по себе. Он буквально чувствовал, как бешено бѣтались внутри его тела все жидкости. А откуда-то издадека в наушниках звучал голос Вителло, который весело напевал что-то вроде частушки о космонавтах, отправляющихся в свой первый полет в стиральной машине.

Пруэтт с облегчением вздохнул, когда ротор с жалобным стоном остановился. Он лежал, обмякший, как тюфяк, когда Вителло из рубки управления прошел к нему по узкому мостику, облокотился на кресло и улыбнулся.

— Эй, Джо,— пробормотал Пруэтт, давясь от тошноты.

— Да?

— Я только что — кхэ! — получил телеграмму. От мамочки.

— Да ну?

— Ага. Она просила — о-о-ох! — передать тебе привет и еще просила хорошенько присмотреть за ее — кхэ! — ребеночком.

Вителло захохотал.

— О'кей, о'кей, Дик,— сказал он, перестав смеяться.— Оставайся в кресле и отдохни малость. Следующее упражнение у нас называется «водопад», и я хочу быть уверенным, что ты готов встретить силы, которые обрушатся на тебя. Запомни, они способны на любые подлости, это серьезно. Если будешь настороже, я уверен, ты с ними сладишь.

— Мне сейчас зеленеть или подождать?

— Подожди, подожди, успеешь. Пока заткнись и слушай. Мы дадим тебе все три движения одновременно. Это будет вращение в самом полном смысле этого слова. И я вовсе не хочу, чтобы ты чересчур геройствовал.

Пруэтт взглянул на Вителло.

— Да, да, я не шучу,— подтвердил Вителло.— Мо-

жешь опасно повредить вестибулярный аппарат, когда тебя начнет вертеть во всех трех направлениях со скоростью тридцать оборотов в минуту. У тебя может быть самая незаметная легкая простуда, но если она затронула уши — тогда держись! Твой котелок начнет мутиться, как в штопоре. Если это случится, дай мне знать. Вякни в микрофон: «Помогите!» или что-нибудь в этом роде, и мы попридержим скакуна. Да, еще запомни — приборы на доске у тебя начнут двоиться и расплываться. Это «вестибулярный нистагм» — как его называют медики. Получается от воздействия сразу нескольких ускорений — мозг не справляется с путаницей ощущений. Это не опасно, скоро пройдет, но ты не спускай глаз с приборов, иначе органы равновесия могут сильно пострадать.

Пруэтт икнул; Вителло пристально посмотрел на него и спросил:

— Слушай, малый, ты уверен, что хочешь получить эту встряску именно сегодня?

Пруэтт рыгнул и небрежно махнул рукой: «Запускай!» Вителло так и сделал.

Ум и чувства Пруэтта были напряжены, как у волка, приготовившегося к прыжку на добычу. И все же, когда его начало стремительно кружить, он обнаружил, что испытывает совершенно невероятные ощущения. Казалось, он сидит на огромном вращающемся стуле и его вертит какой-то безумец устрашающей силы; в то же время он кувыркался через голову и крутился в поперечном направлении.

Ему стало дурно. Это поразило его. На минуту он дал себе волю, расслабился, поддался тройному движению «Мастифа», и машина мгновенно взяла над ним верх. Прежде всего запротестовал желудок, сжавшись в беззвучном, дрожащем спазме. Желчь поползла вверх по горлу; его затошнило, захотелось освободиться от всего,

что бурлило внутри. Во рту стало солоно — это холодный пот покрыл все лицо и сбегал к губам.

Ротор теперь бешено кувыркался, и Пруэтт понимал, что он должен остановить эту сумасшедшую карусель, иначе Дагерти и в самом деле будет рассказывать всем, как его друг два дня тряпкой оттирал... В его распоряжении был лишь один уже знакомый ему рычаг управления, который можно было подавать на себя или от себя в стороны или поворачивать. А левая рука инстинктивно схватила воображаемый рычаг дросселя, с которым некогда он сжился, как с частицей самого себя. Уже потом Пруэтт обнаружил, что ногти его глубоко впились в ладонь и на коже выступила кровь. Он довольно скоро полностью овладел искусством гасить все движения ротора. Одновременно он научился сдерживать левую руку вопреки обычным рефлексам. Как и все другое, это оказалось лишь делом привычки. Но кроме того, он коротко подстриг ногти.

А пока все происходило, как предупреждал Вителло, — приборная доска стала расплываться перед его глазами. Ему казалось, будто он высунулся из окна автомобиля, мчащегося на полной скорости, и пытается пересчитать столбы, которые мелькают перед ним. Да, мозг попросту не справлялся с поступающей информацией.

Наконец, повинуясь искусным манипуляциям ручкой системы стабилизации, мир, расплывшийся в туманное пятно, снова разделился на составные части, и все начало становиться на свои места. Пруэтт полностью овладел собой.

После того как Пруэтт унял этого скрежещущего зверя, он ожидал внезапного возобновления нистагма. Вителло предупреждал его, что отрицательное ускорение при торможении ротора может вызвать такие же осложнения. Но он, благоразумно следуя совету Вителло, дей-

ствовал осторожно и стабилизировал ротор неторопливо, этап за этапом. Рябь перед глазами постепенно пропадала, как волна, отбегающая от морского берега. Теперь ротор надежно выдерживал нужное положение, а кисть руки Пруэтта, с ювелирной точностью управлявшая системой стабилизации, двигалась, словно существо, не зависимое от его тела и мозга.

Он улыбнулся своему успеху и испытал еще большую радость, когда в наушниках неожиданно раздался голос Вителло:

— Так держать, ковбой, и ты объездишь эту лошадку!

На последующих тренировках Пруэтт забирался в кабину ротора, облаченный в полную космическую амуницию — скафандр весом в одиннадцать килограммов, перчатки, башмаки, шлем и все прочее. Его приучали управлять ротором в одежде, которая будет на нем во время космического полета.

— Главное — поближе к реальности, — отвечал Вителло на жалобы Пруэтта.

* * *

Ускорение росло непрерывно и неумолимо — так набирает скорость гигантский паровоз, катящийся под гору. Пруэтта все глубже и глубже вдавливало в кресло. Точно чья-то могучая лапища стискивала его тело. Счетчик показывал восемь, десять, одиннадцать g, а перегрузки продолжали расти. Пруэтту казалось, что его вот-вот раздавит, превратит в бесформенное месиво эта страшная сила. Он не мог поднять головы, не мог шевельнуть рукой. Очень мучил эффект «туннельного зрения» — невероятно сузился угол зрения. Где-то слышался гром ускорителя; звук этот бил по телу Пруэтта, причинял ему острую боль, но он не закрывал глаз и держал руку на рычаге управления. Он напрягал тело, натягивал мышцы как струны и, преодолевая физические

страдания, бормотал сквозь серую пелену: «Давай, давай, еще ползет вверх... о'кей! о'кей!» — и стрелка бежала по цифрам — четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать — в шестнадцать раз больше земного притяжения! Откуда-то появилось черное облако, с пронзительным ревом оно кружилось все быстрее, быстрее... А стрелка уже показывала семнадцать... недостижимые восемнадцать... и вот уже на него навалились девятнадцать земных тяжестей! И тут облако объяло его, и все потонуло в страшном шуме...

— Готов — потерял сознание. Выключай, живо!

Шипение воздуха стало замедляться и стихать; огромная центрифуга резко сбавила обороты и со скрежетом остановилась. Из двери высоко над полом камеры торопливо выпрыгнул врач, подбежал к большой гондоле, напминавшей по форме морскую раковину, распахнул люк и встревоженно заглянул внутрь. Пруэтт уже начал приходить в себя, лицо его и одежда были влажны от пота. Глаза, безжизненно стеклянные, вновь обрели ясность взгляда, и Пруэтт осмысленно посмотрел на доктора Джеймса Майклза, наблюдавшего за здоровьем космонавтов. Майклз опустил на колени, просунул в люк и полотенцем отер пот с лица Пруэтта. Затем, скрестив ноги, уселся на металлическую ферму.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

Пруэтт выдавил из себя бледную улыбку:

— Будто на мне посидел динозавр, — ответил он слабым голосом.

— Ничего удивительного. Вы перемахнули за девятнадцать g.

Пруэтт свистнул:

— Неужели столько? Здорово!

Майклз кивнул:

— Ладно, Дик. Пока вам лучше помолчать. Оставай-

тес на месте — мы еще продолжаем записывать показания датчиков на вашем теле. Нужны полные данные о переходе через максимум и о времени возвращения к норме.

Пруэтт кивнул и благодарно закрыл глаза. Это было труднее всего. Больше девятнадцати g ... Он был поражен, что ему удалось так долго не терять сознания.

Каждому летчику приходилось попадать в тиски перегрузок. Реактивные истребители, обтекаемые и стремительные, очень быстро набирают скорость, и когда пилот вводит свою машину в крутой вираж, у него возникает ощущение, будто в кабину ворвались десятка полтора человек и все они усердно топчут его ногами. Но летчики-виртуозы вроде Пруэтта привыкают к этому, опыт научил их сопротивляться перегрузкам. Они инстинктивно напрягают все тело, потому что чем сильнее напряжены нервы и мышцы, тем выше кровяное давление, и человеку легче перенести воздействие силы, во много раз превосходящей его собственный вес.

Пруэтт легко переносил перегрузки на самолете. Там он мог их регулировать. Он мог увеличить, а затем ослабить перегрузку привычными движениями ручки. Центрифуга же была непреклонна, ее не перехитришь. Огромная карусель с креслом, к которому привязывают мученика, и точной копией приборной доски и средств управления капсулы... Ему не очень досаждали перегрузки — полулежа в кресле гондолы их вполне можно было перенести. Он яростно ненавидел центрифугу за другое — за пренеприятнейшие побочные эффекты ускорения.

Однажды при перегрузке свыше одиннадцати g он допустил ошибку — повернул голову, чтобы взглянуть на стенку гондолы. Доктор Майклз предупреждал, чтобы он не делал этого. Но Пруэтт уже несколько раз покатался на центрифуге, попробовал перегрузку в четырнадцать g

и не был склонен прислушиваться к предостережениям, — ему хотелось самому испытать, в чем тут дело.

Итак, он не без труда повернул голову в сторону. Мгновенно, будто чья-то огромная рука опрокинула гондолу на бок и остервенело понесла ее в каком-то перекошенном движении. Собрав все силы, Пруэтт с огромным трудом, напрягая мышцы шеи до резкой боли, повернул голову в нормальное положение и снова стал смотреть прямо перед собой.

Закончив тренировку, он не произнес ни слова жалобы, но доктор Майклз и другие медики прекрасно знали, что произошло. С датчиков на теле Пруэтта вся физиологическая информация поступала на приборы в кабине управления, и Майклз только понимающе улыбнулся, когда увидел, как несколько стрелок одновременно подпрыгнули.

Когда гондола остановилась, Пруэтт был мертвенно бледен. Он еще не понимал, что сильно повредил механизм среднего уха. Доктор Майклз и его помощник взяли его под руки, привели в кабину управления и усадили на стул. Доктор как-то странно взглянул на него и сказал:

— Дик, нагнитесь и завяжите шнурки на ботинках.

Пруэтт машинально нагнулся и... упал лицом вниз. Он уверял, что споткнулся, и лицо его выражало полнейшее смущение, когда ему помогали встать на ноги и выйти из испытательной камеры.

Два часа спустя, в кабинете Майклза мир для Пруэтта, наконец, пришел в норму. Огорченный космонавт благодарил доктора за внимание и заботу.

— Бросьте, все это пустяки, Дик, — ответил Майклз. — Знаете, если говорить начистоту, то...

Пруэтт приготовился к худшему.

— ...то же самое случилось со мной.

Пруэтт взглянул на него с удивлением.

— Только у меня «гироскопы» возвращались к норме почти три недели. Правда, у меня нет опыта, привычки к перегрузкам, как у вас, летчиков.

Он помотал головой, словно отгоняя неприятные воспоминания.

— Видели бы вы меня, Дик. Я не решался нагнуться, чтобы поднять карандаш, потому что боялся растянуть-ся на полу и ободрать физиономию. Мои дети страшно веселились, а собака решила, что я с ней играю, но мне почему-то не нравилось, ложась в кровать, тут же пере-валиваться через нее кувырком на другую сторону, не говоря уже о прочих неудобствах.

Он похлопал рукой по медицинской книжке Пруэтта.

— Вы избавились от этого куда быстрее других космонавтов. Два часа — это очень небольшой срок для восстановления нормального состояния среднего уха после такой травмы.

Пруэтт облегченно вздохнул и усмехнулся:

— Знаете, док, о чем я сейчас подумал? У меня пик был девятнадцать?

Майклз кивнул.

— Черт возьми, но тогда взлет на орбиту будет просто пустяковиной по сравнению с этой штукой... — он ткнул пальцем в сторону центрифуги. — Это, можно сказать, просто ритуал посвящения в мужчины. Все равно что летать на учебном самолете в четыре раза быстрее звука, чтобы потом пересечь на истребитель, который летает вдвое медленнее.

* *

Недели слились в бесконечную мелькающую череду тренировок, испытаний, полетов. Час за часом проходил в тренажере для отработки элементов полетного задания и в капсуле, установленной в огромной термобарокамере.

Здесь Пруэтту, облаченному в скафандр, приходилось испытывать на себе все колебания давления и температуры, которые ожидали его в реальном космическом полете. Инженеры то и дело ставили его во всякие непредвиденные аварийные ситуации, начиная с потери управления ориентацией и кончая разгерметизацией капсулы. Когда начинали безмолвно кричать огни пожарного сигнала, он немедленно нажимал на рычаг разгерметизации, начисто стравливал давление из кабины и в дальнейшем полагался лишь на скафандр. Кабина капсулы, заполненная чистым кислородом, да и все оборудование ее, буквально насыщенное кислородом, были, можно сказать, потенциальной бомбой. Здесь единственный способ борьбы с пожаром — удаление пищи для огня, спуск из кабины всего кислорода.

В двухместном истребителе F-106 Пруэтт и Дагерти носились из одного конца страны в другой. Они побывали в огромном центре фирмы «Рокетдайн», расположенном в усеянных валунами горах севернее Лос-Анжелоса. Там они наблюдали с близкого расстояния за испытаниями двигателей ракеты «Атлас». Космонавты стояли на пологом склоне глубокой котловины, и когда огромные двигатели на стендах для статических испытаний уничтожающе яростно взвыли и обрушили на них громовую лавину звуков и коварные уколы ультразвуковых волн, они раскрыли рты и стали кричать. Громкий крик помогал уравнивать давление и ослаблять физические ощущения, но даже так впечатление оставалось ошеломляющим.

В Сан-Диего они прошли по всем поточным линиям, на которых обретали форму ракеты-носители «Атлас», в Сент-Луисе поработали с инженерами, создавшими и усовершенствовавшими капсулу, в которой должен был отправиться в космос Пруэтт; многим из этих людей пред-

стояло работать вместе с ним на космодроме на мысе Кеннеди.

Упражнения и тренировки на «Мастифе», центрифуге и «Альфе» закончились. Но оставались еще другие дела — надо было пройти испытание в барокамере и опробовать скафандр. Времени для подготовки полета оставалось мало, поэтому программа тренировок Пруэтта по сохранению жизни в неблагоприятных условиях была пересмотрена. Ему удалось сократить эти тренировки на целую неделю благодаря подготовке, полученной в ВВС, но все-таки пришлось пройти ускоренный повторный курс на базе во Флориде и на другой базе в пустыне Невада.

Штурманская подготовка как будто не особенно нужна пилоту космического корабля, который выводится на строго определенную орбиту, зависящую от мощности ракеты-носителя и действия сил притяжения, — все равно космонавт не может менять курса своего корабля. Правда, он может изменить ориентацию капсулы, но на орбитальную механику полета это никак не влияет. И все же космонавт обязан уметь в любой момент определить положение капсулы, особенно при нарушениях связи, в условиях мощного облачного покрова, скрывающего земную поверхность, и в ряде других случаев.

Отличное знание звезд и созвездий, умение ориентироваться в схеме звездного неба, приготовленной специально для полета, дает космонавту возможность в любое время дня и ночи находить небесные маяки и с их помощью определять свое положение над Землей. Пруэтт и Дагерти побывали в Морхедском планетарии на Чейпел-Хилл в Северной Каролине, где изучали основные созвездия Зодиака. Специально для них был переоборудован корпус тренажера Линка для учебной работы с приборами. В нем прорезали окно и устроили особое изго-

ловье, чтобы имитировать вид из иллюминатора космического корабля в полете. Космонавты учились узнавать созвездия и основные небесные тела в таких положениях, в каких они будут наблюдать их в различных точках полета. Оборудование планетария позволяло воспроизводить ход полета не только относительно небесного свода, но с визированием через звезды на земную поверхность, горизонт и положение Луны.

Пруэтту предстояло подготовиться к десяткам научных экспериментов и выкроить для этого время в своем жестком расписании. Ему нужно было уяснить себе цель опытов и научиться работать с приборами, которыми придется пользоваться.

Ведь его полет должен был проложить мост от настоящего к ближайшему будущему, когда с родной планеты отправится корабль «Аполлон» с тремя космонавтами на борту.

Наконец, у Пруэтта остался последний этап подготовки к полету перед отъездом на мыс Кеннеди, где ему предстояло провести две недели до старта. В связи с тем что в ходе трехдневного полета были запланированы многочисленные медицинские наблюдения, которые, в сущности, и явились основанием для полета, доктор Майклз и его сотрудники подвергли Пруэтта такому детальному медицинскому обследованию и испытаниям, что они показались изнурительнее центрифуги. Одно дело терпеть перегрузки при ускорении и торможении или крутиться в роторе — там можно было хоть как-то бороться с внешними силами. А медицинское обследование... Он только горестно тряс головой, когда его водили, словно племенного быка, из одной лаборатории в другую. Аналогия была тем более полной, что у него взяли на исследование даже сперму.

— А это еще зачем? — изумленно спросил он.

— И не раз еще будем брать после полета, дружок, — объяснил доктор Майклз. — Надо же проверить, не грозит ли бесплодием длительное воздействие космической радиации.

Рентгенотехники сделали ряд снимков, чтобы определить, нет ли у него пузырьков воздуха между спинным мозгом и копчиком.

— Такие воздушные полости довольно часто встречаются у людей, — объяснял Майклз, — и обычно мы не обращаем на них внимания. Но вы несколько суток будете дышать чистым кислородом под давлением намного ниже нормального — примерно как на высоте восьми километров, и тут-то пузырьки наверняка расширятся. Боль может стать такой мучительной, что придется даже прервать полет и преждевременно вернуться на Землю. И уж, конечно, будет не очень красиво — уверен, что вы со мной согласитесь, — пускать на ветер десятков миллионов долларов, истраченных на подготовку полета, из-за того, что у вас разболелся копчик.

Пруэтт несказанно обрадовался, когда доктор Майклз объявил, наконец, что все медицинские испытания и обследования закончены, и пригласил его к себе домой отобедать.

Пруэтт уснул за столом, чем крайне огорчил хозяина и удивил его детей.

Он остался у Майклзов на ночь; доктор начисто отменил все его возражения и, чертыхаясь, заявил, что он попросту приказывает Пруэтту лечь в постель — и немедленно.

На следующий день доктор Майклз отпустил его домой на субботу и воскресенье.

— Я хочу, чтобы вы полностью отключились от всех тренировок и вообще от всего, что связано с полетом, — объяснил он. — Здесь, в Хьюстоне, у вас уже все закончено?

Пруэтт кивнул.

— Ну, и хорошо. Если мне не изменяет память, — продолжал доктор, — теперь вам нужно явиться на Мыс и закончить там оставшиеся тренировки в тренажере. Так вот, за субботу и воскресенье там ничего не случится, а два дня дома без всяких жестких расписаний будут для вас просто целебными. Кроме того, это, несомненно, последняя возможность повидать семью перед полетом.

В тот же вечер Пруэтт вылетел из Хьюстона на истребителе F-106 и взял курс на авиабазу Саффолк в восточной части Лонг-Айленда. Оттуда до его дома в Хантингтоне можно было быстро добраться на машине.

Предстоящая короткая поездка домой вызывала у него противоречивые чувства. Ему хотелось повидаться с родителями, но там была еще и Энн, а именно теперь, когда до полета в космос оставались считанные дни, ему совсем не хотелось беречь больное место. Он предпочитал не думать об Энн вовсе, потому что он... он, исполненный мрачной решимости, вычеркивал ее из памяти до сих пор только усилием воли.

А тут знать, что она будет совсем рядом, всего в нескольких минутах ходьбы... Он тщетно гнал прочь воспоминания, желание переполнило его, целиком завладело его мыслями.

«Господи, стоит только подумать о ней снова, и я начинаю сходить с ума. Я вижу каждую черточку ее лица, до сих пор помню запах ее волос, ощущаю ее сказочное тело, и, господи, как я хочу ее! Глупо ехать сейчас домой, мне не избавиться от этого наваждения. Как же я смогу прожить эти два дня совсем рядом с Энн и не?..»

— Военный самолет шесть девять три, говорит посадочный радар, вступаю с вами в связь. Держите курс четыре ноль четыре, начинайте снижение с десяти тысяч двухсот метров... Доложите прохождение девяти и шести тысяч...

Голос оператора радара вернул его к действительности, и, мысленно поблагодарив его, Пруэтт снова сосредоточил все внимание на пилотировании своего мощного истребителя. Он сбавил газ и, как призрак, нырнул вниз из стратосферы, вызывая оператора, когда его тяжелый

самолет прошел высоту девять тысяч, а затем шесть тысяч метров.

На высоте пяти тысяч метров он снова включил радиостанцию и вызвал радар. Оператор пункта наведения на авиабазе Саффолк увидел его на своем экране, а через несколько минут колеса его машины уже скрежетали по бетону. Он рванул ручку и выбросил позади самолета белое облако тормозного парашюта.

Выруливая вдоль района стоянки, Пруэтт смотрел сквозь боковое стекло кабины. Он увидел, что его встречает отец: высокий, статный, с копной седых волос, воплощение величавой гордости, стоял он и ждал сына.

Домой они ехали медленно. Пруэтт развалился справа, наслаждаясь передышкой от гонки через всю страну на самолете и от замысловатых электронных тренажеров. Как хорошо просто побездельничать несколько дней...

— Мы очень рады, что тебе удалось заглянуть домой, Ричард.

Он улыбнулся отцу.

— Я не надеялся, что удастся вырваться даже на такой срок. Работали день и ночь. Времени было очень мало, пришлось пошевеливаться.

— Сколько ты с нами пробудешь?

Пруэтт закурил сигарету и жадно затянулся.

— Не знаю. Может, улечу в ночь на воскресенье. Если повезет — в понедельник утром. Мне, наверно, позволит Джим; он уже на мысе Кеннеди и приступил к делу. Работы еще невпроворот...

Нахмурившись, отец перебил его:

— Они там не очень торопятся? Я хочу сказать... ну, в спешке может получиться...

Он не закончил фразы. Пруэтт рассмеялся.

— Ничего подобного, папа. Там все проверяется по контрольным листам — до последнего винтика. Ничего не упустим.

Отец недоуменно посмотрел на него.

— Нет, правда, отец. Я знаю, это звучит немного громко, на манер сообщений НАСА: «Мы не произведем запуска, пока все не будет готово». Но так оно и есть. Я не взлечу и на сантиметр над землей, пока не будет абсолютной уверенности, что все сделано как положено. А кроме того — вспомни прежние полеты.

Пруэтт медленно выпустил клуб дыма и следил, как он завивается и плывет по воздуху.

— Не беспокойся. Пока все шло гладко.

Он разглядывал проплывающий пейзаж.

— Да, совсем забыл спросить... Как мама?

Теперь уже засмеялся отец.

— Сам догадайся.

Пруэтт улыбнулся.

— Все еще огорчается?

— Это мягко сказано. Ты бы видел ее, Ричард. Она составила список гостей и держит его в секрете... Видишь ли, мне не хочется этого говорить, но мне кажется, что твоя мать возгордилась до того, что одних она принимает, а других уже нет.— Он недоуменно покачал головой.— Благодаря тебе она теперь в нашем городе важная персона.

Пруэтта даже передернуло.

— И все потому, что ее маленьким мальчиком собираются выстрелить из пушки.— Он сел попрямее.— Но ты все-таки сумел отвести угрозу?

— О да, ты в безопасности. Не то что большого, даже маленького приема не будет. Правда, твоя мать вела себя так, будто ей нанесли смертельный удар, когда я сказал, что ты категорически возражаешь против какой бы то ни было шумихи. Ты расстроил все ее планы блистать в обществе.— Он вздохнул.— И слава богу.

Перед въездом на лонг-айлендскую автостраду отец притормозил.

— Не хочешь поехать этим путем? Мы скорее попадем домой.

Пруэтт покачал головой.

— Нет, лучше будем медленно ехать по боковым дорогам. Люблю смотреть на деревья.

Несколько минут они ехали молча.

— Ричард!

«Вот оно. Это уже ясно по тому, как он произнес мое имя. Видно, разговора не избежать; может, уж лучше дать ему высказаться и покончить с этим...»

Он взглянул на отца, но не откликнулся. Старик глубоко вздохнул, а затем вдруг заговорил о том, чего они никогда не затрагивали в своих разговорах.

— Ты переписывался с Энн? — тихо спросил он.

— Нет, — без обиняков ответил Пруэтт.

Отец ждал, как бы молча умоляя сына поддержать разговор, взять на себя инициативу. Пруэтт выкинул сигарету в окно и сразу же закурил другую. И не произнес ни слова.

— Мать Энн... миссис Фаулер была у нас на прошлой неделе и...

Он уныло оборвал фразу.

«Бога ради, если уж ты решил сказать... говори!»

— Сынок, могу я быть с тобой откровенным... сунуть нос туда, куда меня не просят? Это между нами, — добавил он торопливо, — только здесь, в машине. Только с глазу на глаз. — Он угрюмо смотрел вперед. — Если не хочешь, я буду молчать.

«Мама, должно быть, пилила его по целым неделям. Черт побери, у старика это все наболело еще больше, чем у меня».

— Нет, папа. Выкладывай. По-моему, так будет лучше.

Неловкость, которую испытывал сидевший рядом седовласый человек, была почти осязаемой.

— Я... мне не хочется вмешиваться, Ричард. Но ты с Энн... ну, это же было почти решено много лет назад, что вы с ней... я хочу сказать...

— Ясно, ясно. Поженимся?

Отец сурово посмотрел на него.

— Да, да, поженитесь,— сказал он.— Ведь вы же не просто выросли вместе. Вы так подходили друг другу...

«Да, подходили, да, и сейчас подходим, но, господи, как мне не хочется, чтобы ты об этом говорил! Мне не хочется, чтобы ты воскрешал это в моей памяти. Да, мы с самого начала хотели пожениться. Мы тогда целую неделю провели вместе на катере, одни, только двое — она и я, и нам было невероятно... да, невероятно хорошо. Мы были одни, нас никто не торопил, мы любили друг друга, мы укрылись в свой маленький мир на целую удивительную, бесконечную неделю, и мы знали, что мы друг для друга и...».

— Не надо расписывать,— грубовато перебил он отца.— Подробности мне хорошо известны... Прости. Я не хотел тебя обидеть. Просто мне, понимаешь ли, удалось не думать об этом каждый день, и когда так вот снова заговаривают об этом, мне больно.

— Мы никогда не знали — и сейчас не знаем, что... что случилось. Знаю только, что твоя мать с миссис Фаулер толковали об этом часами. Энн обрывает мать всякий раз, когда та пытается завести об этом разговор, и я... ну, я тоже старался никогда не вмешиваться в твою личную жизнь.

Пруэтт ласково положил руку отцу на плечо.

— И не думай, что я этого не ценил. Мне трудно рас-

сказывать... все случилось так неожиданно. Все было прекрасно и вдруг...— Он замолчал, не пояснив своих слов.— Ты знал, что я купил ей кольцо?

Старик медленно покачал головой.

— Нет, не знал.

Он замолчал, ожидая, что сын сам раскроет ему душу.

«...кольцо. Красивое. Прекрасный камень, чистой воды, оно бы так ей шло. Энн так и не узнала, что я носил кольцо с собой целый месяц, что я только ждал подходящего момента. Я хотел надеть кольцо ей на палец, но только так, чтобы это было наше собственное маленькое торжество, потому что мы знали, что поженимся, хотя и не говорили этого вслух. Иногда между возлюбленными бывают такие удивительные отношения, что все понятно без слов. А затем вдруг все пропало. Все кончилось. Кто мог предвидеть, что приезд Энн в Лос-Анжелос приведет к полному разрыву?..»

Их отношения развивались годами, пока наконец оба не решили, что женитьба — это только вопрос времени.

Они отправились в поездку на катере, и в ту ночь он бросил якорь в укромной бухточке. С моря дул теплый свежий ветер, катер мягко покачивало. Они лежали рядом на одеялах, и он обнимал ее. Это была какая-то необычайная идиллия, они потеряли чувство времени, они не торопились. Часы во всем мире как бы остановились и ждали их, а они держали друг друга в объятиях и глядели на звезды и неспешно обретали друг в друге то, что искали.

В тот вечер Дик подал ей руку, и она встала. Не говоря ни слова, не спеша, уверенный в себе и в ней, он медленно снял с нее одежду.

Он сделал шаг назад и с нескрываемым восхищением смотрел на ее гибкое молодое тело, на крепкую грудь...

Они многое узнали друг о друге за ту неделю. Они научились любить друг друга, каждый из них старался доставить радость и наслаждение другому. И это им удалось.

А потом... четыре года длительных разлук, очень редких его приездов по воскресеньям, никогда не иссякающего желания...

Однажды она получила письмо, которое он написал, взволнованный новым назначением в школу летчиков-испытателей, находившуюся в Калифорнийской пустыне. Не могла бы она приехать туда? Не могла бы она устроиться на работу в Лос-Анжелосе или каком-нибудь городке поблизости? Но Лос-Анжелос находился в сотне километров от базы Эдвардс, и Энн нашла работу поближе, в Бэрбанке. И как только у нее появилась квартира, она, так и не сообщив ему о своем приезде, навестила его на аэродроме. Разговор их был коротким. Она дала ему свой адрес.

Они встречались по субботам, потому что в обычные дни он летал и работал по двенадцать-шестнадцать часов. Ей сразу понравилась Пэм Дагерти; много вечеров они коротали вместе, пока Дик и Джим учились и летали, многие воскресенья они проводили вчетвером.

Памела знала, что Дик Пруэтт купил Энн обручальное кольцо. Но Дик молчал, и она, уважая его сдержанность, не сказала об этом ни Энн, ни своему мужу.

А через четыре месяца после приезда Энн в Калифорнию произошло самое страшное для них обоих...

На авиабазе Эдвардс был день открытых дверей, и Энн приехала из Бэрбанка, чтобы посмотреть демонстрацию полетов. До тех пор она имела представление об истребителе только по фотографиям да по сверкающей точке, порой пролетавшей в небе. Теперь она воочию увидела грохочущие машины, которые так любил ее Дик.

Они стояли рядом в двухстах метрах от взлетной полосы, когда два истребителя со сложенными крыльями начали разбег одновременно, для взлета строем.

Она следила за клубами черного дыма, вздымавшимися позади самолетов и над ними, а затем увидела первые медленные движения машин, когда пилоты отпустили тормоза. С новой силой взревели двигатели, позади обоих истребителей захлестало пламя.

Дик наклонился к ней.

— Ты знаешь Майка Бруно? — прокричал он.

Она кивнула; она видела его несколько раз, когда он приезжал вместе с Диком и супругами Дагерти на какое-то свидание в Лос-Анжелос.

— Майк — ведущий. Он и его ведомый — настоящие летчики, они сейчас покажут взлет строем, а затем наберут высоту и только потом разойдутся. Следи за ними...

Она следила за самолетами, мчавшимися все быстрее и быстрее. Грохот нарастал. Передние колеса одновременно оторвались от полосы, фюзеляжи приподнялись, и вдруг позади того самолета, что несся справа, появилось облачко черного дыма.

Это случилось так быстро, что она не поверила своим глазам, раскрытым широко, до боли. Показалось только маленькое облачко дыма, самолет как будто покачнулся, и его занесло. Энн видела, как острым концом крыла он ударился в самолет Майка, который был поближе, и тот, потеряв управление, повалился набок. Энн показалось, что самолет споткнулся, а затем, ударившись брюхом о бетон, стал разваливаться на части. Мелькнул острый язык багрового пламени, оно мгновенно разрослось в стороны и рванулось вверх, принимая грибовидное очертание. В воздух полетели куски металла, а самолет, распадающийся на части, все еще несся вперед, но уже не по взлетной полосе, а как-то вкось, ближе к стоявшим

сбоку людям. И вдруг все со страшной ясностью увидели, как пламя объяло кабину. Майк замахал руками неистово и часто-часто, будто крохотная заводная куколка... Энн запомнила крик Джима Дагерти, полный смертельной муки. Он успел только крикнуть: «МАЙК!». Все было кончено, сверкающий колпак кабины подбросило взрывом вверх, а фюзеляж самолета раскололся на две, на десять, на сотню частей, и все они были объаты пламенем и бешено разбегались всего метрах в пятнадцать от стоявших людей, захватывая все более широкую полосу, и из них вывалилось что-то в лужу пылающей жидкости почти перед Диком, Энн и Дагерти, и это *что-то* было еще живо, и обрубки ног еще шевелились и дергались...

И Энн почудилось, что этот бесформенный кровавый комок — ее Дик! Она не чувствовала, как в кровь раздирает ногтями голову, как кричит, кричит, кричит, она не замечала, что Дик рядом и поддерживает ее. Она видела только зияющий провал там, где был рот, и конвульсивно дергающиеся обрубки. И тут милосердный мрак скрыл от нее все...

* * *

Это случилось на следующее утро. Бледная, вся оцепеневшая, она стояла перед Диком в гостиной дома Дагерти. Она стояла перед человеком, которого любила больше собственной жизни, и собственные слова доносились до нее как будто издалека, ей не верилось, что проносит их она.

— Я... никогда не смогу пройти через это еще раз, — дрожа всем телом, запинаясь, повторяла она. — Никогда!

Дик беспомощно смотрел на нее и страдал вместе с ней, но ничего не мог поделать — она отгородилась от него тем, что завладело ее душой.

— Всякий раз, когда ты будешь уезжать на аэродром, всякий раз, когда ты будешь отправляться в полет... всякий раз... — с мукой говорила она, — я буду видеть это. Я буду видеть только это.

Голос ее был так слаб, что Памела и Джим почти не слышали слов, но для Пруэтта они гремели страшным громом, от которого раскалывалась голова.

— Я... я не смогу так жить, — сказала она.

Он молчал.

— Мы никогда не сможем быть вместе... если ты будешь летать.

Она заставила себя сказать эти слова, она знала, что должна их сказать теперь же.

Лицо его исказилось. И он сказал медленно и ласково:

— Энн... ну, пожалуйста... пожалуйста, не говори этого.

Руки ее безвольно опустились.

— Я сказала, что думала. Я...

Голос ее затих.

— Неужели это так потрясло тебя, Энн?

Она молча кивнула.

— Но... но ты же должна была знать, что такие вещи случаются! Не часто, но время от времени случаются...

Она грустно покачала головой.

— И с тобой случится то же, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты... ты должен решить... *теперь же*, Ричард.

— Энн, пожалуйста...

— Ты *должен* решить!

Гримаса страдания, искажавшая ее лицо, как в зеркале отразилась на его лице. Ни он, ни она не слышали приглушенных рыданий Памелы Дагerti.

Пруэтт медленно перевел дух. С заметным усилием он заставил себя сказать:

— Я люблю тебя, Энн. Ты... ты знаешь...

— Прошу тебя! Решай *теперь же!*

Выражение сострадания в его взгляде мгновенно погасло, и Энн Фаулер вдруг стало страшно.

— Хорошо, Энн. Ты с самого начала знала, что я тебе отвечу. — Он на мгновение запнулся. — Тебе никогда больше не придется просить меня об этом.

Он повернулся и вышел из дома.

*

С тех пор Пруэтт ни разу не видел Энн.

В ту ночь, дома, в нескольких минутах ходьбы от нее, он не мог, не в силах был уснуть.

Часа в три ночи он вдруг сбросил одеяло и быстро оделся.

Он говорил по телефону с авиабазой и просил приготовить к взлету свой истребитель, как вдруг заметил отца, стоявшего в холле. Он медленно положил трубку.

— Это невыносимо, папа, — сказал он просто. — Она совсем рядом...

Отец кивнул.

— Я вылетаю сейчас же. — Он схватил саквояж и повернулся лицом к двери. — Ты объяснишь маме?

— Конечно.

Они обменялись рукопожатием.

— Храни тебя бог, — прошептал отец, а затем вдруг подался вперед и поцеловал сына в щеку. Он не делал этого с тех пор, как мальчику исполнилось девять лет.

На рассвете Пруэтт заходил на посадку над авиабазой Патрик. В тридцати километрах к северу, на Четырнадцатой стартовой площадке, его ждал серебристый гигант.

Пруэтт вышел из автобуса и ступил в совершенно иной мир.

Он поднял голову и был потрясен величию картины, простиравшейся перед ним вширь и ввысь. Это был мир слепяще ярких бело-голубых огней, басовитого рокота и воя работающих механизмов. Он услышал шарканье сотен ног по бетону и металлу, напоминавшее шуршание бумаги, прислушался к ночному ветерку. И тут откуда-то из-за пылающих дуговых ламп, с ярко освещенных площадок и из голубых теней, с металлической громады, уходящей своей вершиной в темноту раннего утра, до него донеслись аплодисменты. Гром аплодисментов нарастал, послышались приветственные возгласы. Рукоплескания... Это ребята из пусковой команды бурно выражали ему свое одобрение и дружеские чувства.

Он готовился произнести речь, но горло так сдавило, что он не мог вымолвить ни слова. И он даже был доволен этим, так как боялся, что будет говорить нескладно, не так, как надо, ответит на стихийно возникшую и потрясшую его овацию этих людей. Он оглядел их всех, и они поняли, что его взгляд обращен к ним, что в этом море лиц он увидел людей, на попечении которых находился гигант, заключенный сейчас в решетчатые недра стальной горы за их спинами. Эти люди отдавали себя без остатка, работали день и ночь, чтобы подготовить к полету башнеподобный «Атлас» и капсулу, ожидающую Пруэтта высоко-высоко над землей.

Он был не в состоянии говорить что-либо, но все же мог хоть как-то ответить на их приветствия. Он постоял

несколько мгновений, запечатлевая в памяти развернувшуюся перед ним картину, и начал махать им рукой. Это был свободный, непринужденный и дружеский жест. Левая рука у него была занята — он держал портативный кондиционер, нагнетавший в скафандр охлажденный воздух. Почти непроизвольно, бессознательно, его правая рука в герметической перчатке, поднятая в приветственном взмахе, опустилась к гермошлему: он отдал людям честь!

После этого Пруэтт быстрым шагом прошел последние десять метров, отделявшие его от решетчатой кабины лифта. Справа от него шел доктор Майклз, слева — Ганс Бюттнер, инженер по скафандру. Звякнули защелки, натужно застонали моторы, и кабина начала свой путь туда, где высоко над мысом Кеннеди его ждала капсула.

Поднимаясь на высоту двенадцатизэтажного дома, он подумал вскользь, как точно, как размеренно, по часам и минутам, выполнили свою работу люди, оставшиеся внизу. Весь их труд был нацелен на эти предрассветные часы двадцать первого июля; и сейчас весь гигантский, сложный и разветвленный механизм, который готовит пламенный бросок ввысь, приведен в действие. Эти люди, стоящие на стартовой площадке, напоминали также и о других. Ведь полет обеспечивали более десяти тысяч человек — здесь, на мысе Кеннеди, на станциях слежения, на кораблях, в самолетах, на средствах спасения, за пультами электронно-вычислительных машин — целая армия, разбросанная по экваториальному поясу земного шара, армия, великолепно слаженная в своем единстве, благодаря которому стал возможным этот полет.

В лифте с ним никто не заговаривал. В эти минуты спутники космонавта избегали разговоров, не вызываемых абсолютной необходимостью. Они понимали, что эти незабываемые мгновения принадлежат ему одному, и он

был признателен им за чуткость. Его мысли бежали стремительно быстро, и внутренним взором он мог охватить все происходящее сейчас во многих точках земного шара, а затем сосредоточить все внимание, всю волю, все помыслы здесь — в этом месте и на этом моменте, центром которых был он сам.

Одетый с головы до пят во все белое, Джим Дагерти встретил его на площадке при выходе из лифта. Пруэтт пожал руки инженерам фирмы «Макдоннелл», которые многие месяцы буквально жили в его космическом корабле. Стоя перед этим творением рук человеческих, которому предстояло унести его за пределы родной планеты, он пристально разглядывал искусно выведенное на обшивке капсулы название — «Меркурий-7»...

Это имя выбрал он сам без колебаний и раздумий, когда его спросили, как «окрестить» корабль. До его полета в космосе уже побывали шесть кораблей этой же серии: «Френдшип», «Либерти Белл», «Фридом», «Аврора», «Сигма» и «Фейт». Теперь в космос отправляется последний корабль по программе «Меркурий». Для ее осуществления были отобраны семь пилотов. Название «Меркурий-7» вполне отвечало месту этой капсулы в программе. Кроме того, первая группа космонавтов состояла из семи человек. Пруэтт считал, что название «Меркурий-7» должно звучать как салют в их честь, как признание заслуг всех тех, кто участвовал в осуществлении этой длительной программы, как апофеоз, знаменующий ее завершение.

Доктор Майклз отсоединил кондиционер. Пруэтт ступил на покрытую ковриком площадку, и техник снял с серебристых башмаков скафандра предохранительные пластиковые чулки. Лучше оставить земную пыль и грязь здесь, а не заносить с собой в кабину.

Он ухватился обеими руками за перекладину над го-

ловой и подтянулся, чтобы поставить ноги на порог люка капсулы. Толстая нейлоновая обивка кромок люка исключала возможность повреждения скафандра. Дагерти подхватил Пруэтта ниже пояса, техник протолкнул его ноги в люк, и Пруэтт начал протискиваться в кабину. Оторвав руки от перекладины и перенеся всю тяжесть своего тела на Дагерти, он ухватился за верхнюю кромку люка. Через несколько секунд он уже сидел в кресле. Дагерти, наклонившись, просунулся к нему и подключил скафандр к корабельной системе подачи воздуха.

Пруэтт откинулся назад и расслабил мышцы. Через несколько секунд Дагерти сменит Ганс Бюттнер. Его искусные руки проверят все в кабине, он лично убедится в надежном подключении систем электропитания, подачи кислорода и других «пуповин», связывающих космонавта с кораблем и превращающих их в единое целое. Затем появятся несколько инженеров от «Макдоннелла», доктор Майклз и, наконец, после всех них снова Джим Дагерти.

Пруэтт поднял голову, посмотрел на приборную панель и внезапно расплылся в улыбке. С панели свешивалась табличка, на которой четкими буквами было написано:

«Просьба не бросать окурки в писсуар. Они намокнут, и их трудно будет раскурить».

Здесь же рядом был и прощальный подарок от Дагерти. Пруэтт грустно улыбнулся, притронувшись рукой к блестящему D-образному вытяжному кольцу от парашюта. Это была напутственная шутка Джима, своего рода сувенир, напоминающий о том катапультировании в грозу и спуске с парашютом, который спас ему жизнь. На сей раз у него опять было вытяжное кольцо — но без парашюта.

Бюттнер закончил проверку скафандра и связанного с

ним оборудования по контрольному листу. Над люком наклонился инженер от «Макдоннелла» и передал Прюэтту другой контрольный лист. Почти полчаса они проверяли многочисленное оборудование кабины, кабели и трубопроводы, давление, подачу электропитания — все, что обеспечивало надежную работу его маленькой капсулы.

Подошедший начальник пункта управления полетом сообщил, что в точке запуска, а также в районе Канарских островов, выбранном для вынужденной посадки на случай каких-либо неполадок в начальный период полета, и в других пунктах на трассе полета сохраняется устойчивая хорошая погода. Проверка показала отличную работу всей сети связи, все радары сопровождения доложили о готовности. Наземный комплекс программы «Меркурий» работал, как хорошо смазанная машина.

Проверка закончилась. Теперь Прюэтту предстояло остаться наедине с огромной ракетой и пережить последние минуты предстартового отсчета. В наушниках гермошлема прозвучал голос оператора из бункера управления: *«До старта сто сорок пять минут. Отсчет продолжается...»* Два часа двадцать пять минут до прыжка в космос. Это был сигнал техникам начать заdraивание люка.

Прюэтт почувствовал свою окончательную отрешенность, когда металлическая крышка люка плавно опустилась на место, и он включил корабельные шноркели*, чтобы в кабину стал поступать внешний воздух. Люди «Макдоннелла» размеренно работали, затягивая семьдесят два взрывных болта, которые наглухо герметизировали кабину. В случае необходимости взрывом этих болтов

* Шноркель — устройство для забора воздуха (применяется в подводных лодках). — *Прим. ред.*

можно мгновенно освободить крышку люка. Работы продолжались полчаса, а Пруэтт тем временем пересговорил по радио с пунктом управления и с Дагерти. Он понял, что все приготовления закончены, когда человек в каске побрызгал иллюминатор капсулы особой жидкостью и тщательно протер стекло, чтобы на нем не осталось следов от прикосновения рук.

— *До старта сто минут. Отсчет приостановлен.*

«Спокойно!» — мысленно приказал он себе.

Пауза в отсчете предусмотрена программой. Этот преднамеренный перерыв в приготовлениях предназначен для того, чтобы тщательно проверить, не осталось ли нерешенных задач, произвести общую очистку района и без излишней спешки дать окончательную оценку готовности к полету. Все оказалось в полном порядке.

— *Начать подачу гелия. Начать подачу гелия. До старта шестьдесят минут, до старта шестьдесят минут. Отсчет продолжается.*

И через мгновение:

— *Очистить от людей все рабочие площадки башни... Приготовиться к отводу башни. Приготовиться к отводу башни.*

Низкий унылый звук слабой волной ударил по обшивке корабля; Пруэтт едва услышал его. Это сирены предупреждали всех, находившихся на стартовой площадке и на мысе Кеннеди, что через несколько минут возвышавшаяся над космодромом башня будет отведена от ракеты. Через зеркала в кабине и через иллюминатор он видел, как люди, один за другим, садятся в лифт; на площадке остался один Джим Дагерти.

— Не вздумай покупать себе там, наверху, талон на длительную стоянку, — пошутил он перед тем, как отключить наушники от сети кабины корабля. Пруэтт помахал Дагерти рукой, и тот направился к ожидавшему

его лифту. Внезапно, вспомнив что-то, Дагерти остановился и поспешно шагнул назад к кораблю. Он сунул руку в карман блузы и вытащил сложенную вчетверо желтую бумажку. Развернув и тщательно разгладив сгибы, он вплотную приложил ее к иллюминатору.

Это была телеграмма, короткая и очень-очень нужная. Телеграмма от Энн. Он повторял про себя ее краткие простые слова: «Я люблю тебя».

Пруэтт закрыл глаза и долго не открывал их. В эти секунды, словно туча, унесенная ветром, исчезла тягостная мысль, застрявшая где-то глубоко в мозгу. Когда он вновь открыл глаза, рядом с капсулой уже никого не было.

Огромная ракета слегка вздрогнула. Гигантская башня, только что державшая ее в своих стальных объятиях, начала медленно отходить в сторону. У Пруэтта было странное ощущение, будто башня стоит на месте, а его капсула плавно и неторопливо скользит в сторону. Через несколько мгновений башня исчезла из поля зрения, и он остался один на острие тонкой иглы лицом к лицу с ярким голубым небом. Пруэтт установил зеркала так, чтобы видеть расстилавшиеся под ним окрестности космодрома, башни на других пусковых площадках и медленно проплывающие над ракетой низкие кудрявые облачка.

Вибрация... Капсула содрогнулась. Это где-то далеко внизу под ним шевельнулись на своих карданных подвесах три огромные колоколообразные камеры сгорания: операторы из бункера проверяли исправность дистанционного управления полетом ракеты. И снова наступила тишина.

Затем он почувствовал, что массивная ракета слегка закачалась. Это ветер — «Атлас» толкал ветер, скорость которого достигала тридцати километров в час. Надеж-

но сбалансированная и закрепленная на пусковом кольце ракета едва заметно реагировала на боковое давление ветра, но Пруэтт уловил покачивание.

Он не чувствовал себя стесненным ограниченным пространством кабины. Используя в предыдущих полетах шины, фиксировавшие положение ног, и наколенные бандажи были сняты. Он мог перемещать ноги под значительными углами вправо и влево. Схватившись руками за подлокотники кресла, он сделал два резких движения вперед и назад и довольно ухмыльнулся, когда огромная ракета качнулась под ним от этой гимнастики.

— *До старта тридцать пять минут. Отсчет продолжается...*

До Пруэтта донесся низкий шипящий звук — это жидкий кислород охлаждал трубопроводы. Пруэтт точно установил момент, когда окислитель начал поступать в бак. Кабина сотрясалась и вибрировала, так как тонкая металлическая обшивка «Атласа» резко изгибалась под воздействием холода, исходившего от жидкого кислорода.

А минуты бежали.

Он слышал отсчет, приближавшийся к концу, люди докладывали о завершении предстартовой проверки, в огромном оркестре затихали звуки настройки, все постепенно готовились действовать с таким мастерством, так четко и слаженно, как это требовалось для выполнения задачи — запуска ракеты, которого он ожидал сейчас с внезапно нахлынувшим трепетным волнением.

Пруэтт давно пытался представить себе, что он будет испытывать, о чем будет думать, когда дело дойдет до взлета. Он задумывался — сумеет ли он сохранить спокойствие или ему станет страшно и он будет нервничать... Теперь он знал, что в его сознании уживаются и спокойствие и взволнованность, но как бы на разных уров-

нях. В его голосе не слышалось и следа волнения, когда он отвечал на проверочные вопросы и перешучивался с начальником пункта управления и Даргертти, который уже находился на пункте. Казалось, Пруэтт болтает от нечего делать, сидя на кушетке в гостиной. Притом он знал, что его восприятия обострены до предела, он неотрывно, с какой-то особой ясностью, следил за органами управления и приборами. Его мозг без труда охватывал все, что необходимо для обеспечения нормальной работы техники и выполнения его обязанностей. И вместе с тем — это было удивительно! — он мог смотреть на все происходящее почти как сторонний наблюдатель, глубоко взволнованный и возбужденный происходящим в каждое из пробегающих мгновений. Пруэтт был рад этому. Теперь он знал, что необходимость напряженной и безошибочной работы не помешает ему сохранить в памяти все впечатления.

— *До старта двадцать пять минут. Отсчет продолжается... Мы готовы к пуску.*

Один за другим поступали доклады о готовности, и звучало так страстно ожидаемое всеми слово «пуск». Погода на трассе полета говорила: «Пуск». Посты оптического и радиолокационного слежения докладывали: «Пуск». «Зеленый свет» дали Годдардский центр, станции на Бермудах, на Занзибаре, в Австралии. К ним присоединились корабли слежения и отряд спасения, находящиеся в открытом море, самолеты, патрулирующие на больших высотах, начальник службы обеспечения безопасности работ на полигоне, сидевший в «Зеленой комнате» центрального пункта управления. Приготовились к действиям аварийно-спасательные группы. Доложили о полной готовности средства медицинской помощи. Все большее число пунктов в предстартовом контрольном листе погашалось красным карандашом. Все меньше и

меньше оставалось непроверенных операций. Оставшиеся до старта минуты и секунды одна за другой скатывались в небытие, точно песчинки в песочных часах.

— *До старта пятнадцать минут. Отсчет продолжается...*

Пруэтт сильно натянул телом привязные ремни, напруг и расслабил руки и ноги, чтобы после длительного лежания на спине не затекли мышцы и не появилась внезапная усталость.

За тринадцать минут до старта летчики морской пехоты запустили роторы своих огромных вертолетов, готовые по первой команде отправиться в полет над морем, зарослями карликовых пальм и болотами на поиски Пруэтта, если капсулу придется катапультировать. Заурчали моторы оживших машин-амфибий, экипажи их приготовились задрать люки. Радисты пожарных автомашин установили связь друг с другом и с пунктом управления полетом. «Укротители огня» натянули поверх своих огнестойких костюмов тяжелые асбестовые робы, готовые, если потребуется, броситься в бушующее адское пламя и рискнуть своей жизнью ради спасения космонавта — человека по имени Пруэтт, с которым они никогда не были лично знакомы.

До старта оставалось пять минут, стартовая команда работала самозабвенно. Оставался последний предстартовый бросок — последние триста секунд. Голоса операторов из бункера управления доносились до Пруэтта словно из другого мира, сам он поминутно осматривал приборы и оборудование, чтобы в сотый раз убедиться, что его капсула тоже в полном порядке и готова взаимодействовать с пробуждающейся к жизни ракетой-носителем.

Он услышал, как из бункера управления была подана команда задрать все воздухозаборники.

Затем властно и отрывисто прозвучала команда: «Стоп».

Он с шумом выдохнул воздух. Отсчет шел нормально, и пауза была предусмотрена графиком. В репродукторе руководителя проверочных работ, который находился в бункере, прозвучала серия отрывистых докладов о готовности к полету, поступавших от контролеров всех систем. И вот он услышал слова, музыкой ласкавшие его слух.

— *К пуску готовы...*

Одна за другой убегали последние предполетные секунды. Он заставил себя вести счет секундам, включиться в этот ритмичный ритуал и отмечать каждую проверочную операцию, как только звучал доклад о ней и она, к всеобщему удовольствию, вычеркивалась из контрольного листа.

— *Переключатель преобразователя включить...*

Ожила внутренняя энергосистема переменного тока для разогрева агрегатов ракеты.

— *Прекратить подачу жидкого кислорода...*

Низкий шипящий звук, исходивший откуда-то изнутри ракеты, непосредственно под ним, сразу же оборвался — это прекратилась подача кислорода в баки и плотно перекрылись впускные вентили.

— *Начать надув баков...*

Давление в баках быстро возрастало. Под его воздействием горячее и окислитель через несколько десятков секунд должны по трубам устремиться вниз, к прожорливым двигателям ракеты.

— *Включить систему подачи воды...*

Далеко внизу под самой ракетой забушевала целая Ниагара. В пламеотражатель — глубокую бетонированную выемку с массивными ребристыми стенками под соплами ракеты — устремился могучий поток воды.

— *Включатель зажигания в положение готовности!*

«Атлас» был приведен в готовность к запуску двигателей.

— *Включить бортовые энергосистемы...*

Электрический ток послушно побежал по кабелям внутри ракеты. Ожили и начали работать все бортовые генераторы постоянного и переменного тока. Пруэтт прислушивался к их гулу, как бы приобщаясь к таинству рождения.

Оставалось всего девяносто секунд... Пруэтт поднял левую руку и крепко ухватился ею за рукоятку катапультирования, спасительный рычаг на случай катастрофы, которая в любой момент грозит человеку, лежащему на вершине kloкочущего вулкана. Одно движение рукой вниз, и капсула с воем устремится вверх и в сторону от «Атласа», если гигант вдруг извергнет вместе с пламенем и собственные внутренности. Усилием воли он прогнал мысль об этом.

— *Последняя проверка всех систем...*

Один за другим люди, сидевшие за пультами, отвечали на эту команду коротким, полным волнения возгласом:

— *Готов!*

— *«Меркурий-7»?*

Спокойно, сдерживая волнение, kloкотавшее внутри, Пруэтт ответил:

— *Все в порядке. К старту готов.*

Стремительно бежали последние секунды отсчета.

— *До старта шестьдесят секунд. Отсчет продолжается...*

Пруэтт был поражен холодным, отрешенным спокойствием, с которым он воспринимал все происходившее.

— *Включить бортовую систему подачи гелия...*

— *Подачу воды — на полную мощность...*

— *Включить автопилот в положение готовности!*

Заработал электронный мозг, которому предстояло направлять полет по программе, помочь ракете провести космический корабль сквозь «игольное ушко» где-то там, в бездонном небе.

— *До старта пятьдесят секунд...*

На пульте управления в бункере вспыхнули зеленые огоньки. Раскинувшаяся по всему миру сеть станций слежения замерла в готовности принять и сопровождать своими невидимыми щупальцами космический корабль и находящегося в нем человека.

— *Тридцать пять секунд...*

Почти одновременно он услышал следующую команду и ощутил ее исполнение. В тот момент, когда из бункера раздалась команда: «*Коммуникации наземного питания отделить от капсулы*», он почувствовал глухое содрогание — это кабели и шланги сброшены с бортов капсулы. Он быстро пробежал взглядом все приборы: давление, электропитание — все в полном порядке.

За восемнадцать секунд до старта руководство всеми операциями принял на себя большой электронный мозг, находящийся в бункере. С этого мгновения отсчет времени был поручен автоматике. Разветвленная сеть датчиков вынюхивала и прислушивалась — нет ли где признаков неполадки. По их сигналам автоматически вспыхнут красные огни, сигналы опасности, и отсчет тут же будет приостановлен.

— *Шестнадцать...*

— *Пятнадцать...*

Внезапно сердце Пруэтта сжалось в тревоге. Он вдруг подумал о тормозных ракетах, укрепленных совсем, совсем близко под ним. С какой-то особенной ясностью он представил себе двигатели ориентации и тормозные ракеты — эти шесть пока еще дремлющих пламенных струй. А что если они воспламятся раньше времени, что если

сейчас?.. Ведь все системы уже ожили, как и весь его корабль, и всякое...

— *Четырнадцать...*

может случиться. Бог мой, если эти ракеты вдруг сработают — пламя, как кинжал, пробьет и глубоко вонзится...

— *Тринадцать...*

в верхний тонкостенный купол «Атласа». Оно может ворваться...

— *Двенадцать...*

в бак с жидким кислородом, и весь этот проклятый «Атлас», объятый огнем, взорвется. И тогда...

— *Одиннадцать...*

все полетит к чертям... «Прекратить!» — крикнул беззвучный голос в его мозгу...

— *Десять...*

и прогнал чувство страха. Он знал, что рано или поздно ему станет страшно, и он был рад...

— *Девять...*

что это уже случилось и...

— *Восемь...*

теперь с этим покончено.

— *Семь...*

— *Шесть...*

Его охватило ликование — вырвался буйный возглас радости и...

— *Пять...*

удивления, удивления всем, что происходит сейчас; он вдруг внезапно осознал, что...

— *Четыре...*

сбывается его мечта, мечта, жоторую он лелеял столько лет; на мгновение он подумал о гиганте под собой, он подумал...

— *Три...*

о тех чудовишных силах, которые могут взбунтоваться, в ярости разорвать его и его мечту на мелкие клочья, разметать все по ветру, как обрывочные...

— *Два...*

воспоминания о параде, когда сверкающие мундиры солдат и торжественная музыка оркестра уже исчезли и только звучит смех детей. Но даже...

— *Один...*

если случится так, он знал, что это не имеет значения, главное мечта, надежда на свершение мечты... И тут он потянулся снова, жадно, голодно, туда — в невообразимую высь...

— *Нуль!*

Он услышал и почувствовал, как ожили и зарычали верньерные двигатели по бокам «Атласа».

Он еще не успел это осознать, как глухой рев пробежал по ракете и проник в капсулу; следом за этим на него обрушилась громовая канонада. Лицо его расплылось в восторженной улыбке.

— *Главная ступень!*

Теперь работали все двигатели. Он почувствовал, как огромная гора под ним дрогнула, начала вибрировать — не резко и не робко, нет — это было властное, уверенное движение и гром, гром!..

— *ПОШЛА!*

Капсула качнулась, едва-едва заметно сдвинулась. Его сердце заколотилось; он...

— *ВЗЛЕТ!*

— Внимание, взлет, часы включены. «Меркурий-7» в пути. Как мы выглядим, эй, ребята?

Этот голос — это был *его* голос! Бесстрастный, спокойный, непринужденный, уверенный, абсолютно сдержанный, его голос. Он резким толчком включил часы,

почти автоматически; тело повиновалось ему с точностью механизма...

— Седьмой, ты выглядишь отсюда красавцем, ну просто красавцем! Все в полном порядке:

Грохот перерос в целый океан грома; возникла могучая удивительная тяга вверх, необычайно плавная...

— Все идет нормально, тебе везет. Ты не забыл снять машину с ручного тормоза, Седьмой?

Пруэтт засмеялся, его голос отвечал, когда было нужно, его глаза неотрывно следили за приборами, разум приказывал голосу читать вслух их показания—давление, мощность батарей и десятки других важных параметров; и за всем этим он, казалось, наблюдал со стороны, потому что его переполняло изумление и... он просто не мог больше спокойно думать обо всем этом; он предался чуду, полностью слился с ним.

Едва взлетев, «Атлас» почти сразу же начал крениться. Горизонт повернулся — это ракета ложилась на курс взлета — семьдесят два градуса. Она устремилась на северо-восток от мыса Кеннеди. Разворот длился четырнадцать секунд, и все это время Пруэтт ощущал угловое движение, а «Атлас», поворачиваясь, продолжал рваться вверх, отталкиваясь, освобождаясь от цепких объятий земного притяжения, презрев его в своем громовом величии, ежесекундно пожирая в своих камерах сгорания целую тонну жидкого топлива...

«Держись, держись, бэби, крепись!»

Это он крикнул беззвучно, мысленно. «Атлас» начал слишком быстро крениться. Может быть, нарушилась центровка двигателей или возникло непредвиденное тяговое усилие от выхлопной струи газогенератора? Или еще что-нибудь?..

Двигатели работали великолепно, но чувствительный электронный мозг внутри ракеты, управлявший системой

аварийного покидания, улавливал этот непредвиденный крен. Если величина крена превысит аварийный порог, специальный датчик немедленно «испугается», включит особый ракетный двигатель для выброса капсулы, и полет Пруэтта на этом закончится.

Но верньерные, корректировочные, двигатели повернулись на своих карданных подвесах и создали тягу против направления крена; на мгновение «Атлас» задрожал, затем послушно замер точно в нужном положении и стал все сильнее и сильнее набирать скорость. Пруэтт неожиданно для себя заорал:

— Молодец! Деточка моя! Держись теперь, миленький!

На главном пункте управления, в бункере, в «Зеленой комнате», везде, где люди слышали эти восторженные возгласы, они разделяли радость космонавта, а некоторые из них шепотом повторяли их вместе с ним, не замечая, как слова лихорадочно и стремительно рвутся с губ.

Крен прекратился, и верньерные двигатели закрепили ракету на курсе, а электронный мозг приказал маршевым двигателям повернуться на незначительный угол; «Атлас» послушно выполнил команду. Бушующее пламя позади ракеты теперь рвалось назад, под некоторым углом к оси ракеты. «Атлас» больше не стремился точно вверх, а начал отклоняться от вертикали, описывая длинную пологую кривую, которая должна была пройти через «игольное ушко» — выйти в расчетную точку орбиты где-то там, далеко в вышине.

Невидимая рука перегрузок все сильнее и сильнее, но с удивительной мягкостью вдавливала его в кресло.

Внезапно «Атлас» содрогнулся, и грохот двигателей резко усилился. Скоростной напор достиг максимума, аэродинамическое давление подскочило до предела.

Стокилограммовая тяжесть навалилась на каждый

квадратный сантиметр капсулы. Пруэтта удивила легкость, с которой он переносил перегрузки. Он доложил, что, несмотря на вибрацию, может следить за приборами и с полной ясностью считывать показания. Вибрация прекратилась через тридцать секунд.

«Атлас» поднимался все быстрее, все выше и выше, вырываясь из огромного мира, оставшегося внизу, словно летя на чей-то зов, призыв...

Небо как-то сразу потемнело. Ясные светло-голубые тона пропали, на смену им пришли более густые оттенки синего. Через иллюминатор в кабину капсулы врывался свет, яркий и сильный. Пруэтт был поражен силой света, отраженного от Земли.

Взлет к орбите не был движением под непрерывной, плавной тягой. Ускорение не спадало, но иногда ракета, казалось, начинала раскачиваться, медленно рыскать из стороны в сторону; это движение становилось все более заметным, по мере того как горючее впрыскивалось в камеры и вес ракеты уменьшался, а ее тонкий корпус становился все более упругим.

Перегрузки возрастали... Вот они уже стали в шесть раз больше ускорения силы тяжести. Человек в кресле капсулы весил уже больше полутонны, когда послышалась первая важная команда по плану полета, команда, предупреждавшая о сбрасывании ускорителя.

— «Меркурий-7», приготовиться к отсечке ускорителя.

— Пункт управления. К отсечке ускорителя готов! Перегрузка держится на шести. Давление в кабине...

— *Сто тридцать первая секунда.* Скорость одиннадцать тысяч километров в час, высота шестьдесят два километра. Удаление от мыса Кеннеди восемьдесят три километра.

По электрическим цепям ускорителя пробежала команда, отданная электронным мозгом. Клапаны мгновенно

венно закрылись, подача топлива прекратилась. Тело Пруэтта подалось вперед и натянуло ремни. Ощущение от спада перегрузок оказалось приятным. Переход от шести к полутора *g* был не резким, а растянутым — он длился по крайней мере полсекунды, а то и больше. При таких скачках перегрузок это довольно продолжительное время.

Он услышал приглушенный толчок: сработали взрывные болты, крепившие ускоритель — первую ступень ракеты.

За иллюминатором внезапно блеснула яркая вспышка. Это выхлопные газы двигателя второй ступени ударились о «юбку» — обтекатель первой ступени, которая уже сползла назад по направляющим, а затем отделилась и исчезла позади «Атласа». Сверкающая струя выхлопа хлынула во все стороны, но космонавт не видел ничего, кроме мимолетной вспышки за иллюминатором.

Пруэтт глубоко вздохнул, наслаждаясь затянувшимся спадом ускорения перед новым мощным рывком ракеты.

— *Сто пятьдесят четыре секунды...*

Еще один глухой взрыв, на этот раз более мощный.

Двигатели аварийной системы покидания, размещенные на специальной башенке, охватывающей головную часть капсулы, с лязгом и грохотом отделились. Ослепительное пламя затопило все поле зрения и исчезло. А башня уже метрах в восьмистах от ракеты, медленно вращаясь, плыла к горизонту. Струйки дыма вились за выхлопными соплами сработавшего ракетного двигателя башни; вскоре она совсем пропала из виду.

На панели зажглись зеленые лампочки... включились все системы автономной посадки капсулы. Теперь, уж что бы ни случилось, судьба Пруэтта неотделимо связана с капсулой «Меркурий-7». При любой неполадке он вернется на Землю в капсуле по баллистической кривой. Он

сам совершил это превращение; теперь он во власти законов и велений баллистики.

— *Сто шестьдесят две секунды...*

Он чувствовал себя так, будто сидел на конце огромного трамплина. Он ощущал медленные, но отчетливые покачивания, из стороны в сторону, вверх — вниз. Земля, чернота неба, горизонт, медленно сменяя друг друга, проплывали у него перед глазами.

Огнедышащая ракета-носитель наклоняла капсулу носом вниз, все больше и больше, пока, наконец, капсула и Пруэтт не оказались, как ни странно, ниже бушующего двигателя. Теперь Пруэтт летел вниз, назад к Земле, с возрастающей скоростью. Это казалось невозможным...

И все-таки было не только возможно, но и необходимо. Постоянно внося поправки в траекторию своего полета, готовясь проскочить сквозь «игольное ушко» и вырваться на орбиту, «Атлас» продолжал крениться книзу до тех пор, пока капсула по отношению к Земле не оказалась на четырнадцать угловых градусов ниже двигателя ракеты.

Когда началось движение в противоположном направлении и нос капсулы стал подниматься вверх, Пруэтт понял, что проводится последняя коррекция перед выводом на орбиту, перед отделением капсулы от ракеты. Уже близился этот момент — космонавт знал, что он не пропустит его и сразу почувствует, что расстался с ракетой.

Перегрузки снова возросли до шести, затем до семи и начали приближаться к максимальному значению — к восьми g. Все, что происходило с ракетой, было нацелено на одно решающее мгновение. Плавность движения исчезла. Электронный мозг ежесекундно «стегал» программное устройство; главный двигатель и верньеры безоста-

новочно дергались на своих подвесах, толчками, подводя ускоряющую свой бег, пышущую огнем ракету все ближе к нужной точке. Рев стал сильнее.

— ...приближаетесь к моменту отделения. Отсюда выглядите отлично. Похоже по всему, бьете точно в яблочко. Приготовиться к отделению...

— *Триста шесть и четыре десятых секунды...*

Гром смолк.

На капсулу обрушилась тишина.

Ускорение исчезло; веса не стало.

Пруэтт повалился вперед. «Нет, держись! — сказал он себе. — Это просто прекратились перегрузки».

Изумление переполнило его. *Он на орбите!* Тишина! Он...

Б-БАХ!

Это снова сработали взрывные болты. Переходное кольцо, соединявшее капсулу с ракетой, распалось, освободив их друг от друга.

И вдруг — *гром!*

Под ним — приглушенный гром и вибрация. Легкий толчок. Короткий толчок трех коррекционных двигателей, и капсула освободилась от теперь уже безжизненной ракеты-носителя. Яркая, изгибающаяся линия земного горизонта внезапно качнулась, когда сработали двигатели капсулы, и автопилот повернул ее в нужное положение.

Он доложил на Мыс об отделении ракеты и развороте капсулы и получил ответ, что его поняли.

И, наконец, те слова, которые он с таким нетерпением ждал... Электронно-вычислительные машины Годдардского центра выдали сообщение; оно молнией понеслось на мыс Кеннеди, зажгло цветные огни на огромном табло контроля за ходом полета, было с восторгом прочитано и с теми же чувствами передано человеку, летевшему высоко над планетой.

— Вы запущены по меньшей мере на тридцать два витка. Все идет отлично...

К тому времени, когда он обогнет земной шар и снова войдет в зону связи пункта управления, у них уже будут готовы точные параметры орбиты; пока же он знал только, что орбита была расчетной или настолько близкой к расчетной, насколько это возможно. На этом он покончил с деловыми размышлениями и принялся вкушать плоды свершившегося чуда.

Чудо удобства — скафандр, абсолютно не давящий на тело. Ощущение глубокой тишины, капсула больше не сотрясается от грома.

Сказочная картина: его ракета медленно кувыркается и вращается в полутора сотнях метров от него. Она сверкает на солнце, а вокруг теперь уже опустевшего кислородного резервуара ясно видна широкая полоса серебристого инея; поблескивают металлические заклепки. Белые и зеленые кристаллы неторопливыми струйками текут из двигателя. Целых шесть минут он мог наблюдать покинутую ракету, обреченную на гибель в огненных объятиях атмосферы, затем она пропала из виду.

Он взгляделся в крутой изгиб горизонта. На мгновение почувствовал разочарование — на небе оказалось меньше звезд, чем он ожидал, но тут же вспомнил, что глаза, ослепленные солнечным светом, еще не привыкли к темноте.

Он взглянул вниз — на Бермудские острова и ярко-голубой океан. Полюбовался исключительно четким, ювелирным рисунком кучевых облаков над водой. Через пятнадцать минут после старта он уже разглядывал Канарские острова, а затем Атласские горы в Африке и длинные узкие тучи дыма и пыли над пустыней. А как изумительна резкая чернота теней под облаками на земной поверхности; какое немое восхищение будит зрелище ве-

ликой пылающей звезды, которую люди называют Солнцем, когда на нее смотришь сквозь сильно затемненное стекло оптического прибора!

Он огибал Землю, взбираясь все выше и выше, и за Австралией прошел апогей — высшую точку своей орбиты.

Когда он завершил первый виток вокруг планеты, армия журналистов в пресс-центре на мысе Кеннеди уже срочно сообщала всему миру данные о невероятном совершенстве ракеты-носителя «Атлас».

— Пятый американский космонавт, отправившийся в орбитальный полет, — захлебывался восторженный радиокomentатор, — сейчас летит в космосе по пути, точность которого некогда считалась недостижимой. Уже пятый раз подряд могучий «Атлас» возносит американца на орбиту с потрясающей точностью. Мы полагали, что невозможно превзойти совершенство «Атласа», доставившего на орбиту Гордона Купера, но сегодня ракета совершила невозможное. Притом она выполнила это с капсулой, которая по весу больше любого из кораблей типа «Меркурий», побывавших в космосе! Тысяча четырехста килограммов — это на сорок пять килограммов тяжелее капсулы Джона Гленна «Френдшип-7».

Инженер подал комментатору сигнал поднятыми вверх большими пальцами, и тот продолжал свой рассказ. Но публику не очень интересуют цифры. Когда слышишь цифры по радио, они не много значат. Хочется знать результаты, вот и все.

Среднему человеку наплевать на технические подробности, ему важно знать, что космонавт вышел на орбиту, что запуск был удачным и что корабль, как все надеются, сделает положенные сорок восемь витков.

Людям не нужны детали, ведь в конечном итоге это тонкости, которые трудно постичь — от них, чего добро-

го, еще голова разболится. Когда человек покупает машину, его не интересует литраж цилиндров или степень сжатия двигателя; он хочет знать, сколько лошадей у него под капотом, как быстро ходит машина и сколько стоит.

Но на орбите технические тонкости имеют решающее значение.

Через несколько дней, когда полет будет успешно завершаться, этим тонкостям начнут уделять все больше внимания.

В конце концов, так ли часто вам приходится читать смертный приговор, написанный математическими знаками и формулами?

Его полет был важной вехой, перекидывавшей мост из настоящего в будущее. Некоторые говорили, что космонавт Ричард Дж. Пруэтт — первый американец, совершающий будничные космические полеты. До этого каждый шаг был вторжением в неизвестность. Каждый космонавт исследовал какую-то область впервые; каждый из них, минуя освоенный участок, шел дальше и проводил новые опыты, новые орбитальные эксперименты.

Пруэтт был первым американским космонавтом, познавшим, что такое «повторение пройденного» в космосе. Он многократно наблюдал, например, чередование дня и ночи на орбите. А его тело трижды повторило полный цикл биологических функций; врачи могли теперь изучать и истолковывать все процессы, чтобы впервые определить и уточнить направление исследований на будущее. Он трижды погружался в ночной сон и пробуждался.

Небольшая телевизионная камера, установленная в капсуле «Меркурия-7», давала возможность ощутить весь драматизм полета космонавта с остротой, которую можно сравнить только с переживаниями в первые моменты взлета капсулы Джона Гленна. Камера имела ограниченные возможности и весила всего пять килограммов; развертка изображения была медленной, само изображение — нечетким. Но это не имело значения. Она все же была лучше и чувствительнее, чем камера в капсуле Гордона Купера, она передавала картины, которые заворожали не только всех американцев, но и миллионы людей во всем мире.

Теперь Пруэтт высчитывал свое время такой меркой, какой до него не пришлось пользоваться ни одному человеку в космосе, ни американцу, ни русскому, — часами, минутами и секундами, оставшимися до того момента, когда невидимые остатки кислорода с шипением вытекут из баллона и поглотятся легкими. Затем начнет нарастать процент углекислого газа и водяных паров; загрязненный воздух начнет проникать в тело, накапливаться в ограниченном объеме скафандра и в самой кабине.

Знание процессов, происходящих в организме, когда-то было его преимуществом, а теперь стало проклятием; он слишком хорошо отдавал себе отчет в том, что случится, когда эта газовая смесь вторгнется в его легкие, и теплые, влажные стенки альвеол будут тщетно и бесполезно ловить кислород, который так нужен крови... и без которого его мозг очень скоро погибнет.

Понимание неизбежности смерти уже не порождало в Пруэтте панического страха, который терзал его, когда он впервые осознал неотвратимость рокового исхода. Он знал, что может покончить с собой быстро и безболезненно. Он мог уменьшать подачу кислорода в скафандр и снижать давление в кабине, пока его мозг не поддастся явлениям гипоксии *. Начнутся галлюцинации, появится странное ощущение, похожее на легкое блаженное опьянение. Он медленно, без сожаления и страха, скользнет в беспамятство. Его чахнувший без кислорода мозг будет выходить из строя, а клетки — гибнуть, и он в сладкой дремоте погрузится в вечный сон смерти.

Пруэтт знал, что это можно сделать — надо только

Гипоксия — резкое кислородное голодание организма. — *Прим. ред.*

повернуть одну-две рукоятки, но он также знал; что не сможет этого сделать... пока есть хоть малейшая надежда. Он больше не верил в чудо спасения — ни в то, что он сможет растянуть запас кислорода, ни в то, что неким таинственным образом заработают тормозные ракеты. Но могло случиться всякое, даже самое невероятное, и, смирясь с неизбежностью гибели, Пруэтт не собирался уступать ни секунды оставшегося времени.

В последний раз он вел переговоры с системой связи «Меркурий», когда пролетал над островом Кэнтон; там сператор станции запросил — точнее, передал запрос пункта управления на мысе Кеннеди, — чтобы он доложил обо всем, что происходит в капсуле, и обо всех его действиях. Он тогда только усмехнулся: капсула работала безупречно свыше трех суток и «выдала» губительную неполадку внезапно, в самый последний момент полета. Впрочем, она и сейчас продолжала функционировать в соответствии с замыслами инженеров — вся аппаратура внутри работала превосходно.

Кроме, разумеется, электрической цепи, загадочный отказ которой помешал тормозным ракетам прожить их короткую пламенную жизнь.

Человеческое тело, рассуждал Пруэтт, это двигатель, механическое устройство, которое требует определенного питания для поддержания процессов обмена, как любой двигатель внутреннего сгорания требует питания, чтобы давать тепло, которое человек преобразует в энергию. Это установлено уже давно.

Если вешишь восемьдесят килограммов, то твоему телу ежедневно требуется свыше девятисот граммов кислорода. Нормальному здоровому человеку наряду с этим килограммом атмосферного «горючего» необходимо больше двух литров воды и примерно полкилограмма твердого топлива. Каждые двадцать дней человек, точ-

нее его тело, потребляет количество топлива, почти равное его весу. Ему, Пруэтту, фактически нужно меньше нормы: он невесом, ему не приходится бегать, ходить, работать, потребность в топливе здесь меньше, чем на поверхности Земли... Земли, которая теперь, казалось, удалась от него на миллиарды километров...

Он знал, что его тело, получая питание извне, ежедневно выделяет около килограмма углекислого газа и водяных паров, а также небольшие количества твердого вещества, мочевины, минеральных солей.

Он попал в беду, которую не мог бы даже представить себе ни один изгнанный людьми отщепенец, как бы ни была жестока и враждебна пустыня, в которой его бросили одного. Ведь у Пруэтта воды и пищи было более чем достаточно — а именно это неизменно нужно человеку в борьбе за жизнь. Зато у обреченных на голодную смерть на Земле столько воздуха, что его хватает на миллиарды человек, — необъятный океан воздуха!

Инженеры и врачи — создатели системы управления средой в капсуле Пруэтта — располагали солидным опытом, накопленным авиационной и космической медициной. Учитывая опыт четырех орбитальных полетов по программе «Меркурий», они оснастили капсулу Пруэтта тремя кислородными баллонами; в каждом из них содержалось тысяча восемьсот граммов кислорода под давлением пятьсот атмосфер. Это составляло основной и аварийный запас Пруэтта. Предусмотрены были и редукторы, которые снижали давление основного запаса до семи атмосфер, а аварийного запаса — до пяти атмосфер перед подачей кислорода в кабину и скафандр. Они же дозировали подачу в размерах, необходимых для дыхания Пруэтта и работы механизмов капсулы.

Пруэтт мысленно перебрал все элементы этой системы и в сотый раз пытался найти ту немыслимую возмож-

ность, которая позволила бы ему как-нибудь растянуть запас кислорода. Он был так близок по времени к началу затухания орбиты, к вхождению капсулы в верхние слои атмосферы, что даже ничтожная экономия, какая-нибудь неожиданная находка могла бы спасти его.

Через шесть суток и восемь часов после выхода на орбиту над Бермудскими островами «Меркурий-7» начнет погружаться в атмосферу и... Пруэтт затряс головой, стараясь избавиться от навязчивой мысли. В конце концов, как бы он ни пытался растянуть запас кислорода, кислород все равно кончится за полдня до вхождения капсулы в атмосферу.

И сколько ни ломал он голову, он не мог найти ни одного события за время полета, которое могло бы послужить ключом к загадке — почему отказали тормозные ракеты.

Он щелкнул тумблерами, включил питание рации. Пусть разогреется. Через несколько минут он войдет в зону связи с мысом Кеннеди. Кэнтон сообщил ему только одно — у пункта управления на мысе Кеннеди есть для него какая-то «особая информация».

Несмотря на то что он инстинктивно старался не обнадёживать себя, сердце его забилось быстрее. Неужели они что-нибудь нашли? А вдруг они порылись поглубже в технических архивах и нашли решение, которое значило, что он будет жить?

— Ты просто размечтался, лихач, — услышал он голос и поморщился — голос был его собственный, трезвый и саркастический.

Глубоко в стальных утробах морских судов: быстрых эсминцев, пузатых транспортов, крейсеров и в недрах ядерного чрева гигантского авианосца «Энтерпрайз», энергия едва пульсировала. Огромный морской отряд спасения капсулы «Меркурий-7» медленно курсировал, отбрасывая расплывчатые пятна-тени на поверхность океана; многочисленная и внушительная эскадра военных судов забыла про пушки ради спасения человека, который должен упасть в море, как падали до него другие космонавты после путешествий сквозь глубины космического океана.

Между кораблями отряда спасения шло яростное и лихорадочное соревнование. Выловить из моря человека, который возвращается из чуждого людям мира, простирающегося там, за пределами воздушного океана, было все равно, что выиграть труднейшее пари. И когда наступит великий момент, люди столпятся на палубах, стараясь первыми заметить белый инверсионный след, который оставляет в воздухе раскаленная от трения капсула, когда она, шипя, несется к Земле, заметить маленький вытяжной парашют, а на высоте трех километров — раскрытие желто-белого купола основного парашюта.

Когда человек возвращался на Землю из своего путешествия «туда», люди на палубах задирали головы и показывали пальцами вверх, а крик поднимался такой, что он далеко разносился над волнами, громом катился от корабля к кораблю, и всех захлестывал могучий вал восторга и радости.

Но сейчас всех захлестнула волна уныния — каждый

чувствовал свою беспомощность: Было решено: флот останется; будет медленно, ритмично курсировать по большому кругу — скорбная, безнадежная процессия... А куда еще идти? Кто мог уйти отсюда?

Они останутся... пока там, в капсуле, не иссякнет последний глоток прохладного кислорода, и человек, которому были посвящены сейчас все их помыслы, не задохнется и не утонет, как может случиться с любым из них, если вдруг их затянет в морскую бездну под стальными бортами кораблей.

Лунный свет заливал корабли, и их силуэты отражались на поверхности воды, а люди хмуро смотрели на фосфоресцирующие волны, плескавшиеся вокруг стальных плавучих громад. Палуба «Энтерпрайза» казалась бесконечной, крылатые тени беспомощно громоздились над ней, а надстройка, словно чудовищная каракатица, уродливо высилась над морем.

Там, высоко над ними, погибал человек. И каждый из них, казалось, ощущал, что какая-то доля смертельного гнета давит и на него...

Крр-ак!

Джордж Кейт оторопело взглянул на половинки карандаша, неуклюже торчавшие между его пальцами, и раздраженно отбросил их в сторону.

Стоявшие позади него усталые, осунувшиеся, небритые люди без пиджаков не выразили никакого удивления перед этим проявлением нервозности обычно невозмутимого руководителя Центра управления полетами. В обстановке смятения, возникшей после отказа тормозных двигателей капсулы Пруэтта, Кейт был тверд как скала, ни на минуту не терял самообладания и был беспощаден к

любому, кто отклонялся от выполнения единственной задачи, единственной, которая имела сейчас значение.

Человек погибнет, если Кейт и его товарищи не сотворят чуда и не ликвидируют аварии, которая была для всех не только беспрецедентной, но и совершенно загадочной. А время бежало. Время!..

Кейт взглянул на большие стенные часы. Красная минутная стрелка неумолимо двигалась по кругу, словно знаменуя своим бегом поражение и осуждение — никого из них в частности, но в то же время всех их вместе — и здесь, на пункте управления, и в ангаре «С», и на заводах в Сент-Луисе и Хьюстоне. Неважно, что в полете почти все протекало гладко; причиной гибели могло стать несовершенство мелкой, незначительной детали.

«Это все равно, что прыжок без парашюта», — подумал Кейт. Само падение не опасно. Человек погибает от резкого прекращения падения.

Пруэтту суждено было погибнуть именно от чего-то незначительного, невидимого, неизвестного...

Скоро он войдет в зону радиосвязи, а Кейт мог сообщить ему лишь то, что ответ не найден. Пруэтт знал, что они мучительно ищут этот ответ. Излишне говорить человеку, летящему там, на высоте полутора-два километра, что они не спят и казнят себя, что бранятся и ищут виноватых.

Какого черта говорить об этом Пруэтту? Он и без того знает слишком много.

Джордж Кейт медленно оглядел пункт управления, душу и сердце орбитального полета, нервный центр на поверхности планеты, работавший на человека в капсуле, которая вот-вот стремительно пронесется над головой. Каждый, кого он видел перед собой в этом большом «Оперативном зале», в этой пульсирующей нервной клетке размером пятнадцать на восемнадцать метров, где

слились в странном, удивительном содружестве люди и электроника... каждый здесь чувствовал себя так же, как Кейт — связанным по рукам и ногам, беспомощным, разъяренным от сознания собственного бессилия помочь человеку, который так нуждался в их помощи, так рассчитывал и...

«Ты неправ, — пристыдил себя Кейт, — ведь ты лучшего мнения о Дике Пруэтте. Ему худо сейчас, он может страдать — и наверняка сильно страдает от всего этого, — но о чудесах он не станет грезить. Он будет надеяться на всех нас, пока жизнь будет теплиться хоть в одной клетке его мозга, но смерть примет стойко, и не мелькнет у него ни одной мысли, о которой постыдился бы узнать любой из нас, сидящих здесь...».

Кейт сидел в центре, лицом к дальней стене командного пункта. Справа от него, положив голову на руки, примостился начальник стартового комплекса (он не спал, Кейт был уверен в этом). Слева от Кейта сидел руководитель средств спасения, человек с бледным лицом, на котором было буквально написано тягостное чувство бессилия, нелепой беспомощности; ему подчинялось множество людей, а он, будь все проклято, ничего не мог поделать.

Прямо перед Кейтом находился стол Джона Новака, руководителя полета «Меркурия-7». По обе стороны от него сидели оператор глобальной сети слежения и начальник телеметрической связи с кораблем. Графики их работы поломались — Пруэтт сэкономил батареи и не включал ни радиолокационный приемоответчик, ни телеметрические передатчики. Но в любой момент могла возникнуть необходимость в немедленных действиях, и никто не уходил из зала. Все спали за своими столами или на раскладных койках в коридорах.

В третьем ряду — считая от дальней стены зала — си-

дели ответственный за взаимодействие средств обеспечения, старший врач (Майклз не спал уже больше двух суток), специалист по системам жизнеобеспечения капсулы, начальник связи с капсулой и ответственный за управление бортовыми системами (бедняга чувствовал себя да и выглядел несчастнее всех).

Кейт медленно повернулся и окинул взглядом часть зала позади себя. Вдоль правой стены сидели специалист по динамике полета и оператор тормозной системы, который непрерывно говорил по радио или по телефону, настойчиво теребя всех, кто мог хоть чем-нибудь помочь разгадать причину аварии «Меркурия-7».

Перед ними стояли четыре прибора, регистрирующих параметры полета. Здесь, на жаргоне, понятном лишь счетно-решающим устройствам и инженерам, можно было прочитать весь ход полета. Перед теми, кто знал язык этих записей, раскрывалась трагедия Пруэтта. Самописцы регистрировали все — отклонение капсулы от оси трассы и изменение высоты по дальности; начертание орбиты как функцию высоты и земного времени; скорость вывода на орбиту и продольное ускорение как функцию времени, и величины курсовой ошибки, и... На черта теперь все это нужно!

Да Пруэтт погибнет раньше, чем начнет затухать орбита, если вот эти люди, сидящие здесь, и все другие, с кем они связаны, не ухитрятся сотворить величайшее чудо в истории космических полетов! (А журналисты уже готовили высокопарные панегирики и некрологи; режиссеры телевидения судорожно собирали все обрывки киноплёнки, запечатлевшей Пруэтта, какие им только удалось добыть; радиостанции разыскивали и клеили магнитофонные записи его голоса. Кейт надеялся, что полиция уже оцепила дом Пруэтта, а может, его родным просто удалось скрыться куда-нибудь, потому что на них обя-

зательно должна свалиться, как чума, целая армия людей с ручками и блокнотами. Кейта очень беспокоило все это, но тут от него ничто не зависело. Он никогда не слышал о человеке по имени Эд Лайонз, вырастившем летчика из мальчишки, которого звали Диком Пруеттом, поэтому ему было невдомек, что именно в этот момент разъяренный Лайонз выбрасывал горластого репортера из окна своего дома...)

Перед рядами столов висела огромная карта мира высотой два с половиной и шириной почти десять метров. На разноцветную и светящуюся поверхность ее были нанесены орбиты капсулы и места расположения всех станций связи и слежения. Как только капсула входила в зону действия одной из радио- или радиолокационных станций, на карте вспыхивал цветной круг, и все в Центре могли в любое время определить, в радиусе действия каких наземных средств слежения и связи находится капсула.

Окраска кольца иллюстрировала состояние каждой станции, ее неисправности, но сейчас всех интересовала одна неисправность — в самой капсуле, за которой неотрывно наблюдали электронные глаза станций слежения.

Кейт взглянул на светящийся круг, обозначавший положение капсулы в данный момент. Пруетт выйдет на связь через одну-две минуты; начальник станции связи Центра Гарольд Спенсер уже пытался установить с ним микрофонную связь.

Кейт перебирал бумаги на своем столе. За его спиной ожидали два инженера фирмы «Макдоннелл» и несколько подчиненных Кейта. Это они томительно долгие часы поддерживали непосредственный контакт с людьми, работающими в ангаре «С», на заводе Макдоннелла в Сент-Луисе и в монтажно-проверочном корпусе Хьюстонского центра пилотируемых полетов. Тщательное обследо-

вание ничего не дало, кроме подтверждения того факта, что неисправность пятнадцатой капсулы продолжала оставаться загадкой. Сейчас, медленно листая представленные ему отчеты, Кейт надеялся найти в них хотя бы что-нибудь, что проливало бы свет на причину неисправности.

«Черт побери, а что мы вообще понимаем под неисправностью?» — сердито спросил он себя... Ракета, состоящая из трехсот с лишним тысяч деталей, сработала безукоризненно. Более трех суток маленькая капсула, насчитывающая десять тысяч деталей, функционировала с беспрецедентной точностью. Сотни миллионов узлов и блоков огромной глобальной сети слежения тоже оказались на высоте. Но сейчас все-таки от всех этих показателей баснословного совершенства техники космонавту Пруэтту нет пользы ни на грош.

Но что, что же это могло быть? Неисправность маячила, словно призрак, где-то близко — казалось, вот-вот они до нее дотянутся, — и все же ускользала от них. Приходилось же им и раньше сталкиваться с головоломными проблемами, куда более сложными, причем в узлах, более простых, чем тормозная установка. И всегда им удавалось расправляться с любыми загадками с помощью остроумнейших технических решений; они преодолели все преграды и провели все полеты капсулы «Меркурий» с полной безопасностью... Он резко оборвал бег мыслей.

Но это же правда, черт побери! Они сумели решить проблемы, которые казались неразрешимыми, в отведенные им сроки. Они не принимали на веру ничего, абсолютно ничего — точнее, ничего, кроме неизбежности затруднений и неполадок.

Тринадцатая капсула, капсула Гленна, ожидала запуска на мысе Канаверал сто шестьдесят шесть дней.

Инженеры внесли в ее конструкцию ни больше ни меньше, как двести пятьдесят пять изменений и усовершенствований.

О полете Гленна ходила такая шутка: «вокруг света за девяносто минут после восьмидесяти двух дней на стартовой площадке». Конечно, это был смех сквозь слезы. А потом был еще этот леденящий сердце сигнал в пятьдесят первом секторе, сигнал о том, что теплозащитный экран капсулы отстал и появилась ужасающая вероятность того, что космонавт вернется на Землю только в виде пепла, медленно падающего сквозь толщу атмосферы. Но и это была еще одна ступенька к вершинам опыта и знаний.

В самом начале работ по программе «Меркурий», вспоминал Кейт, одна из деталей энергосистемы капсулы довела всех буквально до иступления. Система прошла все квалификационные испытания и работала безукоризненно. Но стоило вмонтировать ее в капсулу, как она отказала. Она отказывала снова и снова, пока инженеры не начали оглядываться, ощущая на своих спинах недобрые взгляды. Они не только подвергли систему всем известным испытаниям, но и сами выдумали ряд новых. Им все-таки удалось найти ее, эту неисправность. Оказывается, в системе имелись некоторые компоненты, чувствительные к определенным уровням температуры. И никто этого не знал. Когда эти детали устанавливали в капсулу, они отказывали. Как только их снимали для проверки — они работали. Устанавливали обратно в капсулу — отказ!

А все дело было в том, что на борту капсулы в непосредственной близости от злосчастной системы находился источник тепла. Стоило только немного отодвинуть систему, защитить ее от прямого воздействия тепла, и она заработала великолепно. Но это было лишь еще одним

предостережением — оно указывало, как неисчерпаема вероятность возникновения неполадок и аварий. А что если бы такое случилось на орбите, а не раньше, в испытательной камере?.. Что ж, в этой игре всегда ходишь по краю пропасти.

Так и сейчас.

Возможно ли, что какая-нибудь деталь в тормозном отсеке, в его электрической системе вмонтирована неправильно? Инженеры клялись, что это абсолютно исключено. Если бы они только могли поставить на карту собственную жизнь, Кейт знал, — они с радостью поменялись бы местами с Диком Пруэттом, так они верили в свою технику. Но ведь и эта их готовность, увы, не облегчает участи Пруэтта...

Электрические провода могли по ошибке поменять местами. Такое может случиться, да уже и случалось. Однажды здесь, на мысе Кеннеди, ВВС понапрасну потеряли ракету «Тор» — совершенно исправную ракету. Техник, собиравший схему контрольного пульта для офицера, который отвечал за безопасность взлета, подключил два провода накрест. Пульт работал безукоризненно, если не считать того, что провода были перепутаны; в результате приборы показали, будто «Тор» вышел из коридора, установленного для его взлета.

Ракета устремилась вверх, все шло без сучка, без задоринки, но офицеру не оставалось иного выхода, как нажать кнопку и подорвать ракету стоимостью в несколько миллионов долларов.

И был еще обиднейший, классический пример с первым запуском к Венере «Маринера-1». Виновником этой истории оказался один талантливый научный работник, готовивший запись программы полета для введения в счетно-решающее устройство, которое должно было управлять кораблем в ходе полета к планете. И ошибка-то

у него была ничтожная — он всего только упустил при кодировании инструкции одно тире, а в результате огромная система «Атлас-Аджена В» полетела не в том направлении. Офицеру, отвечавшему за безопасность взлета, оставалось только смачно выругаться и снова нажать кнопку. Восемнадцать миллионов долларов пошли прахом. И все из-за какой-то черточкой...

Кейту никогда не доводилось видеть такого стерильного помещения, как специальная камера на заводе фирмы «Макдоннелл», в которой происходила сборка капсул. По сравнению с ней обычная операционная в больнице никуда не годилась — столь невообразимые требования к чистоте предъявлялись при постройке различных типов космических кораблей. Стены и потолок этого герметизированного помещения были ослепительно белыми, кондиционированный воздух поступал туда через целый лабиринт фильтров. Никто не имел права входить в комнату без тщательного осмотра, без белоснежного халата, белых носков, белых пластмассовых туфель... но даже тогда позволялось смотреть на корабль только через прозрачную пластмассовую защитную пленку.

В этой работе даже отпечатки пальцев могут стать причиной неисправности. Влага, оседающая в результате прикосновения пальца, может вызвать медленную, никому не заметную коррозию какой-нибудь важной детали. А когда в корабле одиннадцать километров электропроводов и десяток тысяч взаимосвязанных деталей, так и знай — все шансы за то, что где-нибудь оставлен этот коварный «отпечаток пальца».

Достаточно вспомнить хотя бы случаи с капсулами Гриссома и Ширры. Гриссом проверял готовность своей капсулы еще на заводе в Сент-Луисе. Попробовав на стенде управление реактивными двигателями ориента-

ции, он оторопел: капсула все делала наоборот! Оказалось, что в системе ручного управления зажиганием провода были подключены крест-накрест...

Ширра же едва не стал жертвой излишнего усердия одного техника. Уже на орбите начала угрожающе расти температура в скафандре. Только находчивость и смелка космонавта помогли избежать преждевременного прекращения полета. А причиной всему были несколько лишних капель смазки, запущенных в один из клапанов не в меру старательным техником. По инструкции полагалось три капли, а он впустил десять, и клапан отказал!

Кейт тряхнул головой, закурил и...

— Джордж! «Меркурий-7» ответил нам! — крикнул Спенсер со своего пульта.

Кейта вдруг осенило:

— Поговори с ним немного, Спенс. Прими полный доклад, а потом пусть выскажет все-все, что может, любые предположения о причине отказа. Я подключусь через минуту.

Он отключил прямую связь и нажал другую кнопку.

— Джонсон? Это Кейт. Как у нас включена релейная связь? Хорошо! Можем держать связь с капсулой через Занзибар? Напрямую? Превосходно!

Кейт вызвал ангар «С».

— Скотти? Это я, Кейт. У меня один вопрос. Ответ нужен сразу — сейчас буду говорить с Седьмым. Так вот — в капсуле Прюзтта стоит автоматический прерыватель цепи зажигания тормозных ракет. Ну, тот, который связан с датчиками ориентации...

(После полета Карпентера они ввели в цепь зажигания тормозных ракет этот прерыватель, чтобы исключить возможность торможения при неправильной ориентации капсулы. У Карпентера именно так и получилось — капсулу понесло под углом к траектории, и ему пришлось

ручным управлением корректировать ориентацию и спасти положение.)

— ...Я хочу знать твое мнение — может так быть, что где-нибудь тут и заело? Ну, скажем, с ориентацией все в порядке, а один из гироскопических датчиков скис и разомкнул цепь?..

Так, так... Нет, конечно, утверждать нельзя! Но все-таки это могло случиться, правда?.. Тогда второй вопрос: сумеет Прюэтт сам разобраться в схеме и замкнуть цепь в обход прерывателя?

Кейту не пришлось долго ждать ответа. Не дослушав инженера, мрачный и опечаленный, он отключился от ангара «С». Он понимал, что Скотти был прав. До проводов трудно добираться, даже когда капсула стоит на проверочном стенде. Ведь там настоящий слоеный пирог из проводов и деталей. Надо снять десяток элементов, чтобы добраться до нужного тебе. И надо отлично знать, где что находится, иметь под рукой нужный инструмент и подсобную силу...

Прюэтт же был закупорен в скафандре, накрепко привязан его пуповинами к капсуле. Как ему там работать, скованному, можно сказать, по рукам и ногам? А если сбросить давление в кабине, то скафандр и вовсе раздуется, как шея разъяренного удава, и работать будет уж совсем трудно. А о том, чтобы разобраться в чертовой мешанине проводов, и речи быть не может. Впрочем, даже если бы он сумел преодолеть все эти помехи, хватит ли у него знаний, точных детальных знаний всей системы, чтобы устранить неисправность или, скажем, выключить ее из схемы, обойти, соединить напрямую?

И это в условиях тесной капсулы, когда руки стянуты толстенными перчатками скафандра?!

— М-да... Это так же легко сделать, как мне слетать на Луну на байдарке... — пробормотал Кейт.

Он поднял глаза. Спенсер суматошно махал ему рукой, указывая на наушники и микрофон. Кейт надел наушники; послышался громкий и четкий голос Пруетта. Как ни странно, он казался единственным человеком, сохранявшим спокойствие. Кейт глубоко вздохнул, подключился к рации и вмешался в разговор.

— Дик, это я, Джордж Кейт.

— Привет, амиго! Есть хорошие новости для меня?

— И да и нет, Седьмой. Я...

— Выкладывай поскорей, Джордж, так будет легче.

— Понятно, Седьмой. Прежде всего мы сможем сейчас поболтать с тобой подольше, корабли и самолеты обеспечивают ретрансляцию вплоть до Занзибара. Так что держи с нами связь на той же волне.

— Понял.

— Хорошо, Седьмой. Причину неисправности установить не удалось. Повторяю, у нас еще нет никаких определенных данных, чтобы объяснить или устранить отказ тормозных двигателей.

Кейт помолчал. В наушниках слышался лишь ровный гул.

— Пункт управления на Мысе вызывает «Меркурий-7». Седьмой, как слышите нас?

Прошло несколько секунд.

— Да, Мыс. Слышу вас отлично. Просто мне потребовалось время... ну, проглотить эту конфетку. Значит, надежды нет, так что ли?

— Нет, не так, Седьмой. Повторяю — не так! Мы...

— У тебя что, туз в рукаве, Джордж?

Кейт засмеялся:

— Вот тут ты угадал, Дик. Твой цирковой номер еще не окончен — еще предстоит немало трюков. Теперь слушай, что мы собираемся делать.

Инстинктивно он взглянул на стенные часы, на крас-

ную стрелку, отсчитывающую оставшиеся секунды. «Пески времен»*, — подумал он...

— Примерно через пятнадцать твоих витков мы собираемся запустить «Джемини». Повторяю. Мы собираемся запустить «Джемини» с одним пилотом на борту приблизительно через двадцать четыре часа с этого момента...

— Ты шутишь!

— Слушать дальше, Седьмой. Бригада от «Макдоннелла» уже сняла беспилотную капсулу с ракеты «Титан-2», стоящей на стартовой площадке; сейчас они заканчивают монтаж пилотируемой капсулы на ракете. Практически это будет... — но тут Спенсер отчаянно закивал головой. — Отставить! Капсула уже установлена. Подтверждаю, капсула «Джемини» успешно смонтирована на ракете «Титан» и...

— Но вы не сможете подготовить эту штуку за двадцать четыре часа, Джордж! Это немыслимо! Слышать это приятно, не спорю, но у вас же нет и одного шанса из тысячи, чтобы отколоть такой номер.

— А мы «отколем» — будем готовы к старту через двадцать четыре часа...

— Кто пилот?

— Дагерти.

— Нельзя посылать его на такое дело, Кейт! Это не пойдет. У вас же не было времени, чтобы все подготовить. Вы просто хотите погубить Джима. Он не справится с этой машиной, она рассчитана на двух пилотов, ты сам прекрасно знаешь. Более безрассудного...

Кейт перебил Прюэтта. В его голосе зазвучали жесткие ноты:

* Образ из стихотворения Лонгфелло «Псалом жизни»: «Чтоб в песках времен остался след и нашего пути...» (перевод И. Букина). — *Прим. ред.*

— Седьмой, с этого момента вам предлагается прекратить всякие разговоры, кроме относящихся к выполнению задания на randevу в космосе, подготовка к которому уже началась. — Кейт был тверд и холоден, слова звучали резко и отрывисто. Но это был лучший способ положить конец смятению, которое сейчас, несомненно, захлестнуло Пруэтта. А человек в капсуле «Меркурий» должен быть готов к встрече с «Джемини» и с Дагерти...

Кейт мысленно воззвал к богу. Уж он-то слишком хорошо знал, сколь ничтожны шансы на успех у той затеи, которую они пытаются — точнее, хотят попытаться — осуществить. Несмотря на то что у Пруэтта не осталось никакой возможности спастись своими силами или с помощью Земли, многие официальные лица и инженеры НАСА возражали против такого чрезвычайного решения, как запуск «Джемини».

Как только Кейт осознал, что нельзя устранить неполадку, приковавшую Пруэтта к орбите, он стал действовать быстро и на свой страх и риск. Он знал, что если тотчас не примет мер, то даже слабая надежда на спасение Пруэтта от неминуемой гибели может быть безвозвратно потеряна. Он тут же связался по телефону с Роджером Маккларэном, одним из руководителей программы «Джемини», который в то время находился в Хьюстоне. Когда через пятнадцать минут они кончили говорить, машина уже была пущена в ход.

Могло случиться так, что у них не было бы возможности запустить «Джемини» с ракетой «Титан-2». Но раз уж небо ниспослало им эту возможность, было бы преступно не воспользоваться ею до конца. Ракета «Титан-2» уже стояла на пусковом кольце Девятнадцатой стартовой площадки. А на вершине ракеты покоилась беспилотная капсула «Джемини», готовая ко второму испытательному орбитальному полету.

Но там же, на Мысе, оказалась и первая капсула «Джемини», предназначенная для пилотируемого полета, — она проходила испытания в огромной камере ангара «С», где имитировались условия космического пространства. Маккларэн согласился снять беспилотную капсулу с ракеты и установить вместо нее пилотируемую капсулу.

Одновременно он предупредил Кейта, что им придется отказаться почти от всех мер предосторожности, которые предусматривались инструкцией. Кейт ответил грубо; его сейчас не интересовали контрольные листы проверок, на которые требуются многие дни, и все предосторожности, ставшие неотъемлемым элементом нормального рабочего процесса. Сейчас, черт возьми, им предстоял не «нормальный рабочий процесс», а классический случай гонки со ставкой «жизнь или смерть»!

Неужели они все еще не усвоили этого? Капсулу «Меркурий» и все обслуживающие системы инженеры проектировали с самого начала словно исходя из неизбежности аварий. Выходило так, будто успех — это нечто такое, что *может случиться*, если капсула благополучно прорвется сквозь череду неминуемых катастроф. Кейт мысленно выругался и послал инженеров к черту. Лучше всех сказал Гленн: «Наконец-то человека сажают в капсулу как хозяина, а не как пассивного пассажира».

Ведь именно в этом-то и была главная идея программы «Джемини»: ручное управление капсулой; решения принимают два члена экипажа. Даже автоматическая система аварийного покидания «Меркурия» была начисто отброшена в «Джемини»; электронное трюкачество сверхчувствительных «черных ящиков» просто оказалось ненужным.

«Мы снова вернулись к исходному представлению, что основная роль принадлежит человеку, — размышлял

Кейт, — и слава богу. Инженеры были поражены, когда убедились, что во время имитации полета «Джемини» космонавты реагировали на аварийные ситуации и начинали операции по покиданию капсулы в среднем почти через четыре десятых секунды. Этих ребят нельзя просто назвать хорошими, это, черт возьми, самые лучшие люди, и нам давно бы уже пора оказать полное доверие тому существу, которому мы столько лет поклоняемся, — человеку». В общем позиция Кейта была непоколебима.

Кейт ни минуты не сомневался, что Дагерти справится с капсулой «Джемини», в нем есть настоящая закваска. Конечно, дело тут не просто в успешном randevу — слишком малое право на ошибку предоставляется ему.

«Раз уж судьба подарила нам возможность прийти на выручку Пруэтту, мы воспользуемся ею! — подумал Кейт. — А что касается самого Пруэтта, он, видимо, даже не отдает себе отчета, что безоговорочно принял свою обреченность. Этого следовало ожидать. Эта убежденность медленно и против его воли овладевала его сознанием. Пора встряхнуть Пруэтта, вернуть его к полной активности, заставить снова рабстать со всеми станциями слежения, заставить жадно ухватиться за ту единственную возможность спасения, которая у него осталась». Кейт был уверен, что знает такие слова, которые заставят Пруэтта вернуться к жизни.

— «Меркурий-7», говорит пункт управления на Мысе.

— Слышу... Мыс. Продолжайте.

И Кейт продолжал холодно, официально:

— Если вы уже кончили пререкаться и перестали критиковать решения начальства, перейдем к делу...

Пруэтт прореагировал по-своему:

— Да ты что, сукин сын, в самом деле!..

— Полегче, ученичок, — перебил Кейт, ухмыляясь, —

так ты заставишь всех старушек в Штатах выключить радиоприемники.

— Да я... — внезапный взрыв смеха и затем: — О'кей, твоя взяла, Джордж. Что там у нас на повестке дня?

У Кейта отлегло от сердца.

— Понял, Седьмой. Приготовься записывать...

Врачам пришлось мешками раздавать дексадрин и всякое другое снадобье против сна. Надо было слишком много сделать в слишком короткий срок, и сон — эту назойливо неотвязную жизненную потребность — нужно было попросту отбросить, так сказать, отложить на некоторое время. А те, кому удавалось выкроить полчаса-часок, валились куда попало — на скамьи, на пол, в автомашины...

Обычно подготовка капсулы к полету занимала шесть-десять недель. Но так было с капсулами типа «Меркурий». В программе «Джемини» сроки были беспощадно сокращены. Дело в том, что оборудование капсул «Джемини» спроектировано по принципу быстромонтируемых готовых блоков. В отличие от капсул «Меркурий» здесь сети и узлы не накладывались друг на друга, как в слоеном пироге. В капсулах «Джемини» все блоки просто ставятся в готовые отсеки и с помощью несложных фишек, розеток и штекеров включаются в сеть. В случае отказа какого-нибудь электронного блока не нужно тратить недели на его ремонт. Достаточно просто снять его, взять с полки запасной, в течение нескольких минут присоединить к специальному контрольному прибору, проверить все элементы его схемы, измерить все параметры и установить, исправен блок или нет. Если блок исправен, техники открывают люк «Джемини», аккуратно ставят его на положенное место, подключают и прочно закрепляют скобой. Затем быстро проверяют подключение блока к сети капсулы и переходят к очередным делам.

Разумеется, потом обязательно будет окончательная проверка всей капсулы «Джемини», ее систем и отдельных элементов как единого целого, но на все это уже не придется тратить столько времени. То, на что в капсуле типа «Меркурий» требовалось несколько недель, здесь выполняется за несколько часов. Впрочем, если подумать, то так и должно быть — ведь «Джемини» был уже вторым поколением, отпрыском первенца американской космонавтики — капсулы «Меркурий».

Да и новая ракета «Титан-2» представляет собой скачок по всем своим показателям. Теперь уже нет лихорадочной нервотрепки с заправкой жидким кислородом перед самым стартом. «Титан» заправляется топливом за несколько дней до старта и находится практически в полной готовности. Время взлета может быть рассчитано до доли секунды. Короче, эта громадина высотой в тридцать три метра впервые позволяет осуществить маневр с задачей рандеву в космосе.

Основное назначение программы «Джемини» — подготовка программы «Аполлон», конечная цель которой — закинуть двух человек на Луну, дать им побродить там, волооча ноги по лунной пыли. «Джемини» — это опытный корабль для отработки техники встречи и стыковки на орбите двух или нескольких кораблей. Капсула «Джемини» рассчитана на двух человек, и коренной принцип ее конструкции состоит в том, что возможности человека значительно шире и многообразнее, чем считалось прежде, что экипаж ее — два человека — должен стать неотъемлемой частью всей автоматики и механики капсулы и действовать слитно с ними как единое целое.

Вот почему даже друзья Дика Пруэтта не только высказывали серьезные сомнения в успехе, но и попросту возражали против всей этой затеи — послать в космос Джима Дагерти в капсуле «Джемини» *одного*. Они ут-

верждали, что раз это двухместная капсула, то весь успех полета обеспечивается взаимной поддержкой и выручкой членов экипажа. Главные возражения сводились к тому, что совместная работа космонавтов важна не столько при движении по орбите, сколько в критический период длительного вывода на орбиту.

Если на этом этапе что-нибудь случится... Все оппоненты сходились на том, что Джим Дагерти не сможет один управлять капсулой, следить за показаниями приборов, увязывать свои действия с наземными пунктами управления, *не сможет* воспользоваться аварийной системой покидания и оторваться от ракеты, если по законам вероятности вдруг вырвется из нее огромный язык пламени, не раз пожиравшего могучие ракеты.

А тогда уже погибнут *два* человека, а не один...

Но Джордж Кейт был искренне убежден, что авария — даже катастрофа со взрывом ракеты-носителя — еще не означала гибели Джима Дагерти. «На кой черт тогда все их системы безопасности, — сердито бормотал он про себя, — если они не могут обеспечить максимальную вероятность спасения человека при такой аварии!»

Предположим самое страшное, что тогда? Ну что ж, начиная со стартовой позиции и вплоть до высоты в двадцать один километр, Дагерти может катапультироваться в случае взрыва или расчленения ракеты. Для этого ему нужно всего лишь дернуть D-образное кольцо, которое находится впереди его кресла, как раз между ногами. Немедленно взрывом сорвет крышку люка капсулы, и мощный ракетный двигатель выкинет космонавта вместе с креслом из капсулы. Даже если Дагерти катапультируется еще до взлёта, он будет в безопасности. Кресло будет выброшено из капсулы под углом вверх, а затем автоматическая система освободит космонавта от кресла и раскроет парашют. Эта система ничуть не

сложнее тысяч катапультируемых кресел на истребителях и бомбардировщиках, известных во всех странах мира. Можно встретить тысячи летчиков, которые благополучно воспользовались этой системой в куда более сложной обстановке, чем та, в которой мог оказаться Дагерти. Между прочим, отметил про себя Кейт, среди этих летчиков есть один, по имени Пруэтт.

Из Хьюстона прилетел Роджер Маккларэн, и Кейт потребовал от него немедленно выложить результаты учебных занятий космонавтов с имитацией аварийных ситуаций. Это был очень полезный разговор; он существенно смягчил упорство противников полета Дагерти.

Кейт созвал совещание руководящих работников программы и ведущих специалистов из состава той небольшой армии, которая лихорадочно готовила «Титан-2» и «Джемини» к полету. Дагерти в это время усиленно изучал управление кораблем на тренажере. Дело в том, что по распоряжению Кейта в первоначальный план запуска «Джемини» было внесено небольшое, но важное изменение. На этот раз — собственно говоря, «этот раз» был *первый раз* — план полета «Джемини» должен был значительно отличаться от основного варианта полета для встречи и стыковки с беспилотным объектом — ступенью ракеты «Аджена». На счету Дагерти было уже больше десяти моделированных «полетов» в макете капсулы, и большинство трудных ситуаций возникало не во время запуска, а в конце активного участка траектории.

Короче говоря, единственная надежда Кейта на спасение Пруэтта покоилась на уверенности, что Джим Дагерти сумеет вручную выключить двигатель последней ступени ракеты «Титан» в точно рассчитанный момент, чтобы как можно ближе выйти к орбите «Меркурия» и к самой капсуле.

...Тридцать четыре человека собрались в кафетерии на срочное совещание. Кейт сразу же приступил к делу.

— У нас слишком мало времени, — начал он, — и мы не будем тратить его попусту на всякие церемонии или разговоры о вещах, всем известных. Прошу всех понять, что запуск «Джемини» — это мое решение. Правда, меня полностью поддерживает руководство НАСА, но знайте, воспользоваться этим шансом предложил именно я. И еще — если бы я не был уверен в полной безопасности Дагерти... черт побери, мы бы с вами не сидели тут и не разговаривали.

И все-таки я хочу обсудить с вами весь план наших действий. Если у кого-нибудь имеются возражения, замечания, рекомендации — все, что угодно, — ради бога, выкладывайте все *сейчас*. Возможно, вы заметили что-нибудь, что мы проглядели в спешке. У вас могут быть дельные предложения. Поэтому, пожалуйста, перебивайте меня сразу, если сочтете, что можете добавить что-то важное.

Джордж Кейт говорил, потом слушал — и вдруг почувствовал страшную усталость. Сейчас и в течение ближайших часов он мало что мог сделать сам. Ему понадобится свежая, ясная голова, когда начнется полет Дагерти. Он оперся о стол и встал, с грохотом отодвинув стул.

— Джентльмены, я чувствую, что должен немного поспать, ну хотя бы несколько часов, иначе от меня вам не будет никакой пользы, — сказал он. — Руководство передаю Новаку, Маккларэну и моим непосредственным подчиненным. Они знают все мои решения, как, впрочем, знаете и все вы. — Он устало улыбнулся. — Уверен, что у вас не возникнет серьезных разногласий.

Через пять минут он уже крепко спал на койке в своем маленьком кабинете. Рядом с ним, на расстоянии не

больше полуметра, похрапывал доктор Майклз — он тоже почувствовал, что ему совершенно необходимо отдохнуть, пока еще есть время.

Руководитель полета Джон Новак сдвинул вместе несколько столов и разложил схемы профилей полета.

— Перед вами профили, составленные по данным счетных машин Годдардского центра, — начал он. — Годдард дал нам точнейшие параметры орбиты «Меркурия» в ожидаемое время запуска. Они подготовили данные и на любой момент времени после запуска... чтобы мы могли учесть, ну, вы понимаете, изменяющиеся параметры орбиты при наведении «Титана». Итак, с чего же мы...

Его перебил один из инженеров:

— Прошу прощения, Джон, каков план полета? У нас хватит времени сначала вывести на орбиту «Джемини», а потом начать медленную фазу сближения?

Новак отрицательно покачал головой.

— Нет, Гарри. Если Дагерти не догонит «Меркурия» в первые двенадцать часов после вывода на орбиту, его попутчиком в другом корабле будет покойник.

Участники совещания ждали, что он скажет дальше.

— Мы не можем воспользоваться способом запуска с переменным азимутом. Это позволит сэкономить топливо, но потребует слишком много драгоценного времени. Есть лишь одна возможность. Мы должны подготовить запуск в оптимальное время. Мы запустим ракету в момент оптимального взаимного положения капсулы-цели и стартовой позиции. Другими словами, джентльмены, план полета предусматривает переход к последней фазе полета сразу же после вывода на орбиту. Мы хотим, так сказать, попасть в «яблочко» с первого выстрела. Мы обязаны это сделать.

— А каким образом космонавт будет управлять ракетой в конце активного участка, Джон? Кейт сказал,

что Дагерти будет располагать возможностью управления второй ступенью.

— Ну, не поймите управление в смысле пилотирования ракеты. Это пока еще, увы, за пределами наших возможностей. Мы собираемся провести запуск по параллельному азимуту — это не потребует от ракеты никаких особых фокусов. Понимаете, мы хотим «вогнуть» «Джемини» на ту самую орбиту, по которой движется «Меркурий». И если на то пошло, мы намерены придать ей такой же перигей, как у «Меркурия», а апогей чуть-чуть пониже. Тем самым капсула «Джемини» получит, так сказать, врожденную способность догнать «Меркурия». Ведь на полный оборот вокруг Земли «Джемини» потребуются чуть меньше времени, чем «Меркурию»...

«Джемини» стартует, когда Пруэтт будет над южной частью Техаса. Считая, что для выхода на орбиту «Джемини» понадобится триста секунд, корабли сблизятся над Бермудскими островами к моменту выгорания топлива второй ступени. Тут-то и придется Дагерти вступить в игру.

Годдард сообщил, что поможет нам обеспечить непосредственное рандеву. «Титан» имеет две системы наведения — радиокомандную, по сигналам наземного пункта управления на Мысе, и инерциальную, на случай выхода из строя первой. Мы воспользуемся инерциальной системой (радиокомандная будет в резерве) для управления первой ступенью вплоть до ее отделения и для воспламенения второй ступени, а затем перейдем на радиоуправление с Земли. Но тут есть одна загвоздка — при всех прежних запусках «Титана» нам не удавалось выключать двигатель в точно заданный момент. Причину мы пока не знаем, но предполагаем, что ионизированные выхлопные газы искажают командный сигнал. Поэтому и требуется вмешательство Дагерти.

У него перед глазами будут показания бортового счетно-решающего устройства. Это устройство по сигналам коррекции с Земли начнет выдавать команды на изменение траектории. Система устроена таким образом, что наземный пункт управления может вносить поправки в программу полета, введенную в счетно-решающее устройство. Последнее в свою очередь приводит новую информацию в соответствие с общим планом полета. А поскольку автопилот подчинен этому устройству, он послушно реагирует на все изменения команд. В то же время Дагерти может непрерывно следить за всеми изменениями по отсчетам устройства. Ему придется не отрывать глаз от приборной доски. Наступит момент, когда на доске загорится сигнал обратного отсчета. Тут уж Дагерти надо будет поворачиваться побыстрее — мы сумеем предупредить его об оптимальном моменте выключения двигателя только за пять секунд: у него на доске вспыхнет лампочка и в прорези появится цифра «5». Когда отсчет дойдет до нуля — время выключать двигатель, и «Джемини» выходит на орбиту!

Новак покатал сигару во рту и зажал ее зубами.

— Согласен, что мы тут чересчур жестко все расписали. Но предположим, что Дагерти получит какую-то новую информацию, которая подскажет ему, что он *не вышел* в выгодную точку для отсечки двигателя. У него имеется бортовой радар, позволяющий установить расстояние до «Меркурия» и скорость сближения с ним. Приемответчик «Меркурия» будет подавать сигналы на радар «Джемини» — мы уже это проверили, у Дагерти будут мощные сигналы. Потом он может и визуально засечь «Меркурий»; правда, с этим у нас дело похуже — на «Меркурии» нет мощных фар. Точнее, — поправился он уныло, — их там вообще нет, а рассчитывать на засечку за счет отраженного солнечного света очень уж не-

надежно. Так что нам пока приходится больше надеяться на слух, чем на зрение... Весь секрет успеха в том, чтобы Дагерти вовремя отсек двигатель вручную, а затем отделил капсулу от ракеты. Если он получит соответствующую информацию, визуально или от радара, или из обоих источников одновременно, он может выключить двигатель за несколько секунд до нашего сигнала или на две-три секунды позже.

А уж затем, со всей присущей ему хваткой, он начнет форсированное сближение с «Меркурием». Если до этого момента все пройдет гладко, то у Дагерти, несомненно, будет уже зрительная связь с «Меркурием», и на сближение он пойдет без приборов. Конечно, если...

— Пойдите, Джон! Можно ли так рисковать? У нас пока нет никаких оснований планировать сближение по визуальной информации! Поэтому мы все время считаем, что сближение будет происходить медленно, постепенно. Я вижу, вы уж очень многого хотите от бедняги Дагерти. Собираетесь отколоть величайший трюк года?!

Новак весело улынулся.

— Ну, в этом мы, кажется, вас обскакали. Вы знакомы с отчетами компании «Боинг» об испытаниях методов стыковки в космосе?

— «Боинг»? А причем тут «Боинг»?

— Мы заключили с фирмой контракт на исследование этой проблемы независимо от всех других работ по рандеву и стыковке в космосе.

Вмешался Маккларэн:

— Дай-ка я расскажу об этом, Джон.

Новак кивнул и уселся в кресло.

— Отдел авиации и космонавтики «Боинга», — продолжал Маккларэн, — достаточно убедительно доказал, что в условиях невесомости сближение и надежная стыковка могут быть выполнены с минимальной помощью

приборов, а то и вовсе без них. Мы расцениваем, эти результаты, которые, кстати, подтверждены и другими фирмами, как весьма важные. В своих опытах специалисты фирмы применили имитационный аппарат на воздушной подушке — так, нечто вроде варианта безопорного стенда «Альфа». Он свободно меняет свое положение относительно трех осей под воздействием реактивных двигателей, управляемых космонавтом. А спутник-мишень подвешен у них на тросах portalного крана; его можно перемещать вверх, вниз, в стороны, вперед и назад. Ну, в нашем случае нет нужды особенно беспокоиться, что капсула Пруэтта забредет куда-нибудь в сторону.

Специалисты фирмы провели восемьдесят семь опытов полной стыковки при свободе маневра относительно трех осей, и в *восемидесяти шести* случаях им сопутствовал полный успех. При управлении только относительно двух осей они добились стопроцентного успеха в сорока шести из пятидесяти двух случаев.

В общем опытов было достаточно, чтобы получить некоторые наметки о возможной скорости сближения и расходе топлива — на имитационном аппарате установлены сопла той же мощности, что и на настоящей капсуле «Джемини». При расстоянии между кораблями в двадцать пять метров на стыковку требовалось от пятидесяти до четырехсот секунд. Это, заметьте, включая крепление переходных шлангов и кабелей и обеспечение надежной стыковки. Если учесть, что от Дагерти не требуется жесткой стыковки, то есть непосредственного соприкосновения обоих кораблей, шансы на успех еще больше возрастают. Тут речь идет о «мягкой» стыковке — лишь бы подойти с любой стороны, с любого румба, — и мы надеемся, что с этим делом он справится без особого труда.

— Ну, знаете, Маккларэн, у вас все держится на одних надеждах!

— Вы что, думаете, мы об этом не знаем? — огрызнулся Маккларэн.

— Да-а-а, я понимаю, конечно, но...

— У вас есть предложения получше? Я *серьезно* спрашиваю.

— Нет...

— О'кей, тогда продолжим нашу работу.

Они были усталы и небриты, и покер у них сегодня как-то совсем не ладился. В игорной комнате пресс-клуба при мотеле «Кейп Колони Инн» на мысе Кеннеди собралось около двадцати репортеров. В соседнем здании, где находился конференц-зал, коротал время персонал информационного отдела НАСА.

Ничего не произошло, и ничего не происходило, но ведущее ядро газетной братии, «приписанной» к мысу Кеннеди, не покидало комнаты. У них была прямая связь с конференц-залом НАСА, хотя эти садовые головы из информационного отдела, видимо, знали меньше кого бы то ни было. Несколько журналистов в маложивописных позах спали в клубных креслах, а официанты сбились с ног, непрерывно поставляя кофе из ресторана в пресс-клуб. Наиболее практичные люди притащили с собой солидный запас виски и убивали томительно тянувшееся время обильными возлияниями и унылым сквернословием.

Зазвонил городской телефон. Билл Новасловски, корреспондент далласской «Таймс», с ленивым стоном поднес трубку к уху.

— Пресс-клуб слушает. Чего вам?

Вдруг лицо его окаменело и он разом выпрямился в кресле.

Одного этого движения было достаточно, чтобы привлечь всеобщее внимание. Игроки в покер замерли, а спящих грубо растолкали. Все уставились на Новасловски.

— Помедленней, черт бы вас побрал!

Он слушал внимательно, несколько раз порывался что-то сказать сам, но сдерживался.

— Повторите-ка еще раз... Нет, погодите, одну секунду... — Новасловски прикрыл ладонью трубку и повернулся к остальным. — Еще один корабль на орбите! Еще один корабль... наверху, на орбите с Прузеттом!

Опрокидывая стулья, все бросились к телефону и загорланили.

— Тихо, вы, заткнитесь, ради бога, дайте дослушать! Мгновенно все смолкли.

— Да, продолжайте. — Он широко раскрыл глаза. — Движется навстречу? Рандеву? Когда? — Новасловски медленно встал. — Да, да, я понял. Вы позвоните, если будет что-нибудь еще? Да, спасибо.

Он медленно положил трубку.

— Да говори же! Что там такое творится, черт поberi?

— В космосе еще один корабль. Начали поступать сообщения с радиолокационных станций всего мира. Он даже как будто сказал, что корабли сближаются, что они договариваются о рандеву... о стыковке, наверное.

— Дьявольщина! Я же говорил вам, что они там, на Девятнадцатой площадке, все время копошатся. Господи, какие новости! Я так и знал, что эти ублюдки из НАСА дают нам одну чепуху. Эй, Билл, Билл! А что они говорят, когда «Джемини» сможет подойти к Прузетту?

— Какой еще «Джемини»?

— Фу, осел, чего тут непонятного! Когда «Джемини» подойдет к Прузетту?

— А откуда ты взял «Джемини»?

— Да ты же сам только что...

— Это *русский* корабль...

На большом удалении друг от друга происходили два события, неразрывно связанные узами времени и пространства...

На поверхности планеты, где-то между Уралом и Сибирью, находится место, которое называется Байконур. По холмам нагой лентой стелется широкое шоссе. От шоссе ответвляются другие дороги, и некоторые из них ведут к огромным бетонным горбам, выпирающим из-под земли, а в часы восхода и заката, когда солнце на горизонте, на их асфальтовую гладь ложатся резные тени огромных стальных башен, величаво уходящих в небо.

Двадцать пятого июля, почти через пять суток после того, как американский космонавт Ричард Дж. Пруэтт покинул планету Земля с песчаного берега Атлантического океана, утыканного стартовыми башнями, другой человек в глубине одного из бетонных бункеров Байконура нараспев произносил цифры обратного предстартового отсчета, свершая замысловатый и педантичный ритуал запуска ракеты.

В то самое мгновение, когда человек на Байконуре приблизился к волнующей развязке своего речитативного монолога, майор Пруэтт пролетал, лежа во чреве своего крохотного космического кораблика, над пунктом с координатами тридцать два градуса северной широты и сорок восемь градусов восточной долготы. Его капсула, окруженная неразлучными с ней облачками хлопьев инея, беззвучно неслась в это мгновение в немой пустоте космоса высоко над Ираном, в пятистах километрах

от Багдада и почти шестистах километрах от Тегерана, устремляясь на восток — северо-восток.

Именно в эти секунды человек в Байконуре нараспев произнес:

— ТРИ...

— ДВА...

— ОДИН!

И выкрикнул:

— НАЧИНАЙ ЖЕ! *

И в этот миг в релейных блоках щелкнули и замкнулись контакты. По кабелям хлынул электрический ток, разбудив дремавшие в ракете яростные силы, оглушительным громом возвестившие о своем освобождении. В двухстах пятидесяти метрах от этого вырвавшегося на волю неистовства люди в бетонном бункере, затаив дыхание, прильнули к окулярам оптических устройств и телевизионным экранам. Они пристально изучали первые натужные движения громадной ракеты диаметром почти в семь, а высотой более шестидесяти метров. От этой величественной машины доносился вулканический рев; она извергала неукротимое зеленовато-красное пламя и свирепо хлестала им землю, содрогаясь всем своим корпусом.

И вдруг ракета пошла вверх, начала свой горделивый, величавый взлет. С грохотом слились воедино огненные струи, вырывавшиеся из четырех гигантских камер сгорания, развивая колоссальную, немыслимую тягу. Пламя отражалось от металла ослепительными мерцающими бликами, жадно лизало раму пускового стола, но уже через несколько секунд взвыло голодно и неутоленно, не встречая на своем пути ничего, кроме воздуха.

* В оригинале — по-русски. — *Прим. ред.*

И за каждую секунду каждый из четырех двигателей поглощал, воспламенял, сжигал и выплевывал в виде выхлопных газов свыше девятисот килограммов химических веществ. Каждую секунду ракета пожирала почти четыре тонны горючего и окислителя, расплачиваясь за это непрерывным нарастанием скорости и высоты.

Высоко на верхушке этой сложной конструкции, под защитным обтекателем из жароупорной керамики, покоился большой космический корабль. Надежно амортизированный от все возраставших по силе толчков и ударов яростно сопротивлявшейся воздушной толщи, защищенный от жгучих прикосновений трения, «Восток-9» нес в своей герметизированной кабине человека, которому вскоре предстояло стать известным уже не только избранной группе людей, знавших его лично и многие ступени его жизни, приведшие к этому особому, беспрецедентному заданию. Летчик-космонавт полковник Андрей Яковлев вступил в критическую фазу взлета на орбиту вокруг Земли, в состояние математически точного равновесия между земным притяжением, центробежной силой, временем и пространством, устремился на космическое randevu, в осуществимость которого не верили почти все, кто серьезно продумал эту попытку.

Мысли Андрея Яковлева, вероятно, были поглощены стремлением выполнить полученный приказ и осуществить те исключительно сложные маневры, которых требовала стоявшая перед ним задача. Но если бы одиннадцатый советский космонавт хоть немного дал волю своему воображению, он, наверное, улыбнулся бы при мысли о том, какая неожиданная, какая невероятная весть ожидает американцев. Но пока, все глубже и глубже вжимаемый тяжелой дланью перегрузок в контурное кресло из упругого белого пластика, он работал, работал так же превосходно, в том же великолепном стиле, как и его

предшественники, и непрерывно сообщал на Землю все показания приборов.

В целом они были такими же, как и при предыдущих запусках кораблей типа «Восток», и точно соответствовали программе.

— «Заря-1», «Заря-1»... Машина работает отлично!

Расчетные и фактические орбиты всех кораблей типа «Восток» имели угол наклона к плоскости экватора порядка шестидесяти пяти градусов; у американских капсул «Меркурий» этот угол равен тридцати двум с половиной градусам. Для вывода на орбиту с обычными параметрами ракета-носитель «Востока» поднималась вертикально вверх, кренясь и, продолжая взлет по кривой, выходила на азимут, равный сорока восьми градусам.

Обычно космические корабли, стартовавшие с пускового комплекса Байконур, неизменно двигались по азимуту сорок восемь градусов.

Лишь «Восток-9» не пошел по этой проторенной траектории...

Огромная ракета, поднимаясь по плавной кривой, рассекла стратосферу плотным инверсионным следом, стремительно рванулась туда, где уже почти не было атмосферы, и пошла по азимуту девяносто градусов, точно на восток от Байконура. И чем выше она поднималась, тем больше клонился ее нос к горизонту, а из четырех пылающих жаром камер вырывался ярко светящийся двухслойный хвост ионизированных газов, разлетавшийся во все стороны гигантским плюмажем в добрую сотню километров шириной.

— Продолжаю взлет... все в полном порядке...

— «Восток-9»! Я — «Заря-1». Приближается момент отсечки первой ступени. По моему сигналу до начала обратного отсчета к отсечке останется десять се-

кунд. Считаю... Десять секунд до начала отсчета... четыре, три, два, один. **ОТСЧЕТ!** Отсчет к отсечке первой ступени... семь, шесть, пять, четыре...

Время с момента пуска: сто тридцать две секунды. Тяга первой ступени в условиях, близких к вакууму, — свыше тысячи тонн.

— три, два, один — **НАЧАЛО ОТСЕЧКИ!**

Время: сто тридцать семь секунд. На Андрея Яковлева навалился гнет почти восьмикратной перегрузки. Тяга и ускорение будут продолжать расти до неприемлемых величин. Чтобы уменьшить перенапряжение конструкций ракеты, первый и третий двигатели выключаются.

— «Заря-1», я — «Восток-9». Первый этап отсечки выполнен точно через сто тридцать семь секунд. Перегрузки снизились с максимального значения семь — семь-пять. Дальше не падают. Все в порядке. Все показания отличные.

— «Восток-9», я — «Заря-1». Отлично, Андрей. Телеметрия полностью подтверждает твой доклад. Приготовиться к окончательной отсечке первой ступени! По моему сигналу останется пять секунд...

Время: сто шестьдесят секунд. Второй и четвертый двигатели, прощально вспыхнув, выключаются. Полная отсечка первой ступени происходит при перегрузке в пять целых и семь десятых *g*. К этому моменту мощные двигатели первой ступени израсходовали около шестисот тонн топлива и окислителя.

Время: сто шестьдесят одна секунда. Взрывные болты срабатывают и срезают крепления обессилевшей первой ступени. Одновременно с внезапным щелчком взрыва воспламеняются четыре тормозные ракеты твердого топлива на внешней обшивке первой ступени ракеты. Они работают всего одну секунду. Отработавшая сту-

пень — около тридцати четырех тонн бесполезного веса — отделяется от верхней ступени и отбрасывается назад.

Время: сто шестьдесят две секунды. Укрепленные на каркасе второй ступени четыре ракетных двигателя малой тяги, работающие на самовоспламеняющемся топливе, извергают стрелы ослепительного пламени. Они будут работать четыре секунды и придадут второй ступени небольшое дополнительное ускорение. Это ускорение необходимо, чтобы топливо осело в баках для надежного воспламенения двигателей второй ступени.

Время: сто шестьдесят пять секунд. Ракетным двигателям — уплотнителям топлива осталось работать одну секунду. Со стороны нижней части второй ступени доносится приглушенное взрывывание, сменяющееся вдруг громовым грохотом. Лежа в своем контурном кресле, Андрей Яковлев слышит его и радостно улыбается.

— «Заря-1», я — «Восток-9». Отделение первой ступени прошло успешно. Ракеты сработали отлично. Зажигание второй ступени полное. Перегрузки в момент зажигания один — один-четыре, сейчас устойчиво нарастают. Все в полном порядке...

— Подтверждаю отсечку первой и зажигание второй ступени по данным телеметрии. Повторяю — телеметрия полностью подтвердила отсечку, отделение и зажигание. Как тебе нравится вид оттуда, Андрей?

— Вид чудесный! Ясно вижу горы, пашни выделяются очень темной окраской. Вижу поля пшеницы — они лимонного цвета, очень яркие на солнце. Леса — дымчато-зеленые, резко выделяются на фоне пшеницы. Видны редкие облака... невероятно красиво... В иллюминатор ярко светит солнце. Греет даже сквозь скафандр. Ракета работает чисто, очень чисто...

Время: сто восемьдесят две секунды. Работают два

двигателя верхней ступени. Общая тяга — шестьдесят восемь тонн.

Время: сто восемьдесят пять секунд. Керамический теплозащитный обтекатель, прикрывавший головную часть корабля «Восток-9», освобождается от крепежных скоб. Короткая вспышка двух небольших ракетных двигателей — и обтекатель отлетает вперед и тут же резко отворачивает в сторону, освобождая путь ракете, продолжающей с нарастающим ускорением рваться вверх.

— «Заря-1», я — «Восток-9». Подтверждаю сбрасывание обтекателя. Отделение наблюдал в зеркала иллюминатора. Сумел увидеть короткую вспышку ракет. Корабль в носовой части свободен. Двигатели ориентации приведены в готовность к включению. Ускорение медленно нарастает. Давление в кабине устойчивое. Чувствую себя отлично...

Карты, составленные людьми в точном соответствии с местностью, которая все быстрее мелькала под ускорявшей бег ракетой, подсказывали, что корабль находился где-то неподалеку от границы Китая.

— «Восток-9», я — «Заря-1». Приготовьтесь, за тридцать секунд начну отсчет к отсечке второй ступени. По моему сигналу останется тридцать секунд до окончательного освобождения корабля. Начинаю отсчет к сигналу. Пять, четыре, три, два, один — СИГНАЛ! Начинаю отсчет к отсечке... двадцать четыре, двадцать три...

Время: триста шестьдесят восемь секунд. Двухкамерная вторая ступень ракеты отключается и мгновенно замолкает. Тело советского космонавта повисает на лямках кресла. В момент отсечки перегрузка составляет всего четыре целых девяносто пять сотых g, переход от перегрузки к невесомости приятен. Ясно улавливаются приз-

наки отделения второй ступени — глухие щелчки взрывных болтов, разомкнувших стяжные кольца, рокот двигателей, рывок вперед — и «Восток-9» легко скользит дальше, оставляя позади безжизненный корпус опустевшей, уже бесполезной второй ступени.

— «Заря-1», я — «Восток-9». Все идет по плану. Отделение второй ступени завершено. Включение и отсечка коррекционных двигателей — точно в расчетное время. Автопилот погасил все виляния корабля. Сейчас корабль стабилизирован по горизонту... Давление и температура в кабине, состояние батарей, топливо — все в норме. Все в порядке. Чувствую себя отлично.

— «Восток-9», я — «Заря-1». Поздравляем, Андрей! Мы получили полное подтверждение выполнения всех операций. Хорошие новости — первоначальные параметры орбиты обеспечивают по крайней мере сто витков. Уточненные параметры получим после первого витка. Генерал Карпенко шлет поздравления и наилучшие пожелания. У нас...

— «Заря-1», «Заря-1». Слышимость резко затухает. Повторяю — слышимость резко затухает. «Восток-9» переключается на станцию «Альфа». Переключаюсь на станцию «Альфа». «Восток-9» связь закончил... Станция «Альфа», я — «Восток-9». Выходите на связь. «Альфа»..

* * *

«Восток-9», соединенный с массивным корпусом переходной ступени, с великоленной точностью вышел на расчетную эллиптическую орбиту вокруг Земли. В отличие от предыдущих советских космических кораблей «Восток-9» облетал планету по орбите, наклоненной под углом сорок семь и три десятых градуса к плоскости эк-

ватора. В этом был определенный смысл, но очевидным он должен был стать лишь через несколько часов.

На орбиту был выведен груз весом около четырнадцати тонн. Из них тысяча восемьсот килограммов — вторая ступень ускорителя — сразу же были отброшены. Общий вес корабля с переходной ступенью был равен почти двенадцати тоннам. Вывод такого груза на орбиту с наклоном сорок семь и три десятых градуса имел решающее значение для успешного осуществления замысла генерала Карпенко и его подчиненных. Чистый же вес корабля «Восток-9» составлял около четырех с половиной тонн, а с учетом девятисот килограммов самовоспламеняющегося топлива — свыше пяти тонн. Истинный смысл этой цифры выяснится позднее. Оставшиеся семь тонн приходились на переходную ступень — мощный ракетный двигатель с запасом топлива.

Постепенно станет понятен и выбор орбиты. Двигаясь по вытянутому эллипсу вокруг Земли, «Восток-9» приблизится к Земле на минимальное расстояние в сто шестьдесят семь километров. На вершине эллипса, в апогее, корабль удалится от Земли на четыреста двадцать километров, но это не имеет никакого значения. Важно другое: перигей — самая нижняя точка орбиты — всего метров на сто пятьдесят удален от перигея капсулы «Меркурий-7».

В момент выхода на орбиту Андрея Яковлева в корабле «Восток-9» Ричард Пруэтт в капсуле «Меркурий-7» находился в точке с координатами двадцать семь градусов северной широты и семьдесят четыре градуса восточной долготы (над индийским городом Джодпур) и двигался на восток — юго-восток.

Если все пойдет с той точностью, которую русские столь тщательно спланировали и которая необходима для решения столь дерзновенной задачи, майора Пруэт-

та ожидает приятный сюрприз, а руководителей полета «Меркурия» — жестокое потрясение.

А пока в подземном командном пункте на Байконуре стоит веселый шум. Генерал Карпенко и Меркулов, взволнованные и покрасневшие, отвечают на приветственные возгласы персонала командного пункта. Карпенко радостно хлопает Меркулова по плечу:

— Поздравляю, товарищ Меркулов! А теперь самое время доложить. Соедините-ка меня немедленно с Москвой.

В громадном зале толпились сотни людей, разговаривая оживленно или, наоборот, с крайней сдержанностью, в зависимости от того, кто были их собеседники. Здесь находились представители многих национальностей и многих правительств; в соответствии с дипломатическим ритуалом они явились сюда, чтобы присутствовать на празднестве, посвященном последнему успеху СССР. Правительства Соединенных Штатов Америки и Советского Союза после многолетних переговоров пришли к соглашению об открытии прямой авиалинии между Вашингтоном и Москвой, с регулярным, дважды в неделю, движением пассажирских самолетов.

Во время первого полета русские показали себя в наилучшем свете. Вместо огромного турбовинтового ТУ-114, как ожидали все, с одного из московских аэродромов взлетел новый серебристый гигант. Обтекаемый, изящный ИЛ-62 с четырьмя мощными двигателями, сгруппированными у хвоста, поднял на высоту свыше двенадцати километров более сотни пассажиров и восемь человек экипажа.

Набрав крейсерскую высоту, этот гигант со сложенными крыльями взял курс на США. Полет приковал к

себе внимание всего мира и до глубины души потряс авиационные круги Америки. Мощные двигатели нового воздушного лайнера с ошеломляющей скоростью мчали его в нижних слоях стратосферы.

Беспосадочный перелет из Москвы в Вашингтон... со средней скоростью свыше тысячи километров в час. Русские пассажиры, расплываясь в улыбках, приветственно махали операторам кинохроники. Двумя днями позже ИЛ-62 помчался домой и побил собственный рекорд. Большой прием в Москве, на котором присутствовал сам премьер, должен был придать этому событию особый вес.

И вот именно во время этого приема секретарь с каменным лицом приблизился к главе Советского правительства и сказал ему что-то вполголоса. На лице премьера появилась улыбка, он вдруг повернулся и вышел. Его не было минут пять, и пока сотни гостей терялись в догадках, премьер слушал осипшего, но явно радостно возбужденного генерала Карпенко.

Премьер вернулся к своим гостям, зная, какое любопытство обуревают всех тех, кто заметил его короткую отлучку или услышал о ней.

В течение целого часа он оставался только радушным хозяином. Еще раз подошел секретарь и доложил, что параметры орбиты полностью подтверждены. «Очень хорошо! Если так дело пойдет и дальше, мы вырвем космонавта из самой пасти смерти. А какой прием мы окажем нашему американскому другу, когда так неожиданно доставим его на Землю? Может быть... может быть... лучше всего будет предоставить ему возможность совершить почетную поездку в центр подготовки космонавтов? Да, да, это было бы превосходно! Приставим к нему гидами Николаева и Валентину Терешкову, и у него голова пойдет кругом от всего, что он увидит, когда...»

— ...А что вы думаете об этом несчастном... об американце? Какая ужасная смерть! И такой молодой! Погибнуть в плену космоса... какой трагичный конец...

Советский премьер дружелюбно взглянул на собеседника. «Кто это? Ах да, из итальянского газетного концерна. И еще — превосходно — французские журналисты, а тот, маленький, — из японского информационного агентства. Отлично!»

— Но вы настроены слишком пессимистично! Вы говорите так, будто молодой американец уже погиб. По моему, писать некролог об этом молодом человеке рановато.

Он отпил из бокала. Итальянец заинтересовался.

— А вы считаете, что есть возможность спасти его? Но ведь ему же ничем нельзя помочь!

Премьер засмеялся:

— Вы в этом уверены?

— Нет... но, господин премьер, — тут итальянец развел руками и пожал плечами, — без воздуха не подышишь. А воздух у него кончится — это только вопрос времени. И тогда — фу!.. его жизнь погаснет как свеча.

Русский лидер склонил голову набок.

— Однако есть способы доставить космонавту воздух. Никогда нельзя терять надежды. По моему, вы слишком рано хороните этого американца.

Только тут итальянец понял, о чем идет речь. Он пристально посмотрел на премьера.

— Вы думаете, что есть возможность спасти его? — спросил он.

Премьер улыбнулся ему.

— Все возможно. Вы же знаете, что наши корабли типа «Восток» очень большие. Так что, кто знает... Придется подождать последних известий. Возможно, нам

скоро расскажут о чем-нибудь интересном. Впрочем, хватит об этом! Вот конструктор нашего замечательного нового самолета. Наверно, он расскажет нам о своих планах на будущее...

Через двадцать минут журналисты уже сидели в своих кабинетах и спешно строчили телеграммы в редакции.

Засечка времени — согласование временных устройств, выполняемое персоналом одной или нескольких наземных станций связи и управления, иногда совместно с экипажами самолетов или космических кораблей; проводится обычно с целью обеспечения точнейшей синхронизации отдельных событий, совершение которых намечено на один и тот же момент времени.

(Из технического словаря.)

Космонавт полковник Андрей Яковлев уже летел над Китаем. «Восток-9» стремительно несясь сквозь космос. Еще четыре минуты, еще полторы тысячи километров, и советский космонавт увидел на севере от себя извилистую линию, ползущую змейкой по поверхности планеты, — Великую китайскую стену.

Шестнадцать минут... Орбита «Востока-9» прошла точно над северным побережьем Тайваня.

Двадцать шесть минут... Яковлев впервые пересек экватор. Массивный космический корабль пролетел севернее Новой Гвинеи, а затем севернее Новой Зеландии.

Шестьдесят одна минута... Устремляясь в северо-восточном направлении, «Восток-9» пересек наискось западное побережье Южной Америки и промчался над Чили, Аргентиной и Бразилией. Яковлев разглядывал громадные пространства зеленых зарослей, заметил грозовой фронт и удивился на крохотную белую «галочку» на поверхности Атлантического океана — это далеко внизу плыл океанский корабль.

Семьдесят пять минут... На Канарских островах, в рубках радиолокационных установок персонал станции слежения за полетом «Меркурия» был занят будничными делами — одни отмечали что-то на схемах, другие меняли кассеты магнитофонной ленты, третьи регулировали радиолокационные приборы и средства связи. Сверхчувствительная антенна радиолокатора «Верлорт» не повернулась вслед за двенадцатитонным кораблем, бесшумно проскользнувшим над станцией: расчеты станций слежения системы «Меркурий» ничего не знали о «Востоке-9» и Андрее Яковлеве.

В тысячах километров от Канарских островов, глубоко под землей, в ярко освещенных казематах, выдолбленных в недрах твердых скальных массивов Колорадских гор, американские и канадские офицеры Штаба командования ПВО Северной Америки изучали срочные донесения радиолокационных станций. Система обнаружения и сопровождения целей в космосе доложила, что радары засекли несколько прохождений неизвестного аппарата, по предварительным данным летевшего по траектории орбитальной конфигурации.

Специалисты были озадачены. Орбита, по всем данным, проходила под углом сорок семь и три десятых градуса к экватору. Что это могло быть, черт побери? Еще ни один аппарат ни в СССР, ни в США не запускался на такую орбиту.

И чья бы ни была эта штука — она огромна. Крупнее любого из объектов, засекавшихся прежде.

Канадский офицер повернулся к американскому полковнику:

— Может быть, нужно известить НАСА? Там, наверно, заинтересуются этим.

— Гм, не думаю. Во всяком случае, пока не стоит. У нас слишком мало данных, чтобы составить какое-ли-

бо осмысленное представление, заслуживающее внимания НАСА.

Полковник взглянул на канадского офицера:

— И, кроме того, у них и так хлопот полон рот.

Канадец пожал плечами и снова пробежал глазами донесения.

— Вы, пожалуй, правы. Лучше их сейчас не беспокоить. Не хотел бы я очутиться в этой проклятой консервной банке...

Он даже содрогнулся при одной мысли о подобной участи.

Семьдесят семь минут... «Восток» пролетел над испанскими владениями в пустыне Сахаре.

Восемьдесят две минуты... Внизу Алжир. Яковлев подробно описал в бортовом журнале колоссальную песчаную бурю, которая застлала огромные пространства земной поверхности и достигла глубоких синих вод Средиземного моря.

Восемьдесят шесть минут... «Восток-9» пронесся над юго-восточной Европой, огибая Землю в восточном направлении.

Там, внизу, в больших и малых городах люди слушали дикторов, которые на разных языках сообщали, сколько часов и минут оставалось жить американскому космонавту, оказавшемуся пленником своего космического корабля.

Девяносто шесть минут... Первый виток завершен, о чем Яковлев сделал соответствующую запись в бортовом журнале. Корабль летел, убыстряя свой бег в перигее, и миновал северный берег Аральского моря.

— ...«Восток-9», говорит Борисов. Выходи на связь.

— Привет, Василий! «Заря-1», я — «Восток-9». До-

кладываю. Все идет превосходно. Температура — в норме, показания запасов топлива и электроэнергии отличные... А какая здесь красота!..

— Прими поздравления, Андрей, от Председателя Совета Министров и друзей-космонавтов. Средства слежения подтвердили, что параметры твоей орбиты соответствуют расчетным. Приготовься к подробной записи, когда выйдешь на связь с «Альфой». Повторяю: приготовься к подробной записи, когда выйдешь на связь с «Альфой».

— Понял, «Заря-1».

— «Восток-9», я — «Заря-1». По плану на этом витке вам нужно испытать ручную систему управления. Как меня поняли?

— «Заря-1», слышу вас хорошо. Все понял. Нужно испытать ручное управление. Выполняю. Только что включил энергопитание управления переходной ступени.

— «Восток-9», очень хорошо, Андрей. Запиши полный устный доклад на ленту. Включишь телеметрическую передачу записи, когда выйдешь на связь с кораблем «Четверг».

Девяносто девять минут... «Восток-9» проплыл над побережьем Китая.

Сто десять минут... Пролетая чуть южнее Филиппинского архипелага, Яковлев рассматривал большие и малые острова. На поверхности океана он заметил точки и «галочки». Это были корабли. Облачный покров становился все гуще, видимость ухудшалась. Яковлев приготовился управлять кораблем вручную.

Он обежал взглядом панель управления и приборы, протянул руку, щелкнул тумблером и сразу же услышал жужжащий звук механизма управления. Он посмотрел на миниатюрный вращающийся глобус, на котором золотыми линиями на черном фоне была воспроизведена бе-

гушая под ним Земля. Перекрестье и небольшой круг показывали точное положение корабля над планетой в данный момент. Глобус вращался медленно, в точном соответствии со скоростью полета тяжелого корабля вокруг планеты.

Справа от глобуса находился уникальный спидометр; на нем бежали цифры, но они показывали не расстояние и не скорость, а число витков и долей витка, описанных кораблем к данному моменту.

Яковлев взялся за блестящую черную рукоятку. Он так же уверенно сжимал ее, как ручку управления истребителя. Нет, даже увереннее, потому что рукоятка была изготовлена специально для него. В свое время он сжал в руке, затянутой в космическую перчатку, брусок пластика, и рукоятка была отформована по этому оттиску. Каждый палец входил в свой желобок, а под большим пальцем блестела красная кнопка.

Этой одной рукояткой полностью обеспечивалось управление ориентацией корабля. Не разжимая руки, он наклонился вперед, чтобы улучшить обзор через линзу прибора оптической ориентации, с помощью которого определялось положение корабля относительно Земли. Оптический визир был прочно вмонтирован в иллюминатор.

Специальные зеркала позволяли ему наблюдать горизонт и поверхность Земли. В середине иллюминатора Яковлев видел ту часть земной поверхности, которая находилась прямо под ним. Он определил положение продольной оси корабля относительно направления полета, следя за «бегом» поверхности Земли в поле зрения.

Космонавт сдвинул черную рукоятку, и корабль немедленно выполнил команду.

Продолжая наблюдать, он накренил корабль слева направо, затем наклонил нос вниз, продолжил «кувырок»

на триста шестьдесят градусов и остановил корабль точно на прежнем положении продольной оси. «Восток» слушался, как выезженная породистая лошадь — необычайно чутко и надежно. Затем он снова повернул корабль, чтобы в поле зрения оптической системы была видна линия горизонта. Он управлял кораблем просто на глаз, не отрывая взгляда от концентрического визира.

Сто восемнадцать минут... Пока Яковлев вертел корабль, кренил, наклонял, разворачивал его, проверяя систему управления, «Восток» успел миновать южный берег Новой Гвинеи и продолжал полет на юго-восток. Он подошел к Австралии у мыса Йорк, на несколько секунд вошел в зону эффективной дальности станции слежения Вумера, а затем пролетел над северо-восточным берегом Австралии. Техник НАСА, дежуривший на станции в Вумере, уставился на экран.

— Ей-богу, я только что засек цель, — сказал он товарищу.

— Да ну, это у тебя просто рябит в глазах. Выпей-ка кофе.

Сто двадцать восемь минут... Яковлев начал медленно вращать корабль по спирали. Внизу — Северный остров Новой Зеландии. Впереди — самая южная точка Тихого океана, пересекаемая орбитой.

Сто тридцать две минуты... Яковлев вполне удовлетворен, больше того — восхищен необыкновенной управляемостью корабля. Все свои наблюдения и оценки он продиктовал на магнитофон, установленный в кабине, и переключил телеметрический передатчик в положение готовности к работе.

Сто сорок семь минут... Пересекая Тихий океан в северо-восточном направлении, русский корабль прошел севернее Вумеры. «Меркурий-7» вышел на участок, параллельный орбите «Востока-9», но американская кап-

сула была далеко на северо-восток от него, над зоной Панамского канала.

Сто пятьдесят три минуты... Внизу простирается берег Перу. Яковлев огорченно покачал головой — плотный облачный покров застилал сушу и море.

Сто пятьдесят семь минут... «Восток-9» пересек экватор над северной Бразилией и пронесся над Атлантикой в северо-восточном направлении.

Сто семьдесят шесть минут... Корабль над северной Испанией. Яковлев закончил еще одну запись в бортовом журнале, проверив показания навигационного глобуса по звездам. Точность совпадения была необычайна.

Сто семьдесят семь минут... «Восток-9» над Францией.

Сто восемьдесят восемь минут... Каспийское море.

Сто девяносто три минуты... Гималаи. Белоснежные гордые, могучие пики высятся над волнистыми равнинами сизых грозовых облаков.

Сто девяносто четыре минуты... Корабль движется на юго-восток к северо-восточному побережью Индии. В этот момент капсула «Меркурий» продолжает движение над Землей под небольшим углом к орбите «Востока»; ее путь пролегает восточнее, почти параллельно орбите русского корабля. «Меркурий» пройдет чуть южнее оконечности полуострова Индостан.

Сто девяносто шесть минут... Бенгальский залив.

Двести пять минут... Корабль над Дерби, на северном побережье Австралии. Пролетел над станцией Вумера. Персонал станции, получивший сигнал тревоги из Штаба командования ПВО Северной Америки, был в полной готовности. Орбиты обоих кораблей (теперь уже никто не сомневался, что вокруг Земли движется еще один корабль) пересекались непосредственно над Вумерой.

— Вот они. Ясно вижу на экране! — закричал оператор радара. — Приемответчик не работает, но погля-

дите, какое отражение от этой штуки! Что там за машина?

Двести семь минут... Со станции Вумера пришло взволнованное сообщение. На командном пункте во Флориде все повскакали со своих мест; Годдардский центр мгновенно ожил и усиленно заработал. В Белом доме зазвонил телефон, а оператор станции Вумера решил вернуть в плановый радиобмен с «Меркурием-7» несколько слов от себя:

— Седьмой, я Вумера. У тебя как будто появился компаньон в небе. Предыдущий запрос отставить. Передаем небесные координаты, попытайся визуально засечь эту «колымагу». Радар совершенно определенно подтверждает, что параллельно твоей орбите движется второй корабль.

— Не прекращайте связи, Вумера. Перехожу на активный режим полета. Ожидайте...

Пруэтт сноровисто и быстро вывел капсулу из дрейфа.

— О'кей, Вумера, что там дальше...

Он внимательно выслушал.

— Понял, Вумера. Я включил автоматическую систему стабилизации и управления, капсула ориентирована для возвращения в атмосферу. Я, пожалуй, накрою ее немного — так будет лучше. Вот так... теперь снова включил автопилот...

Секунды бежали, а Пруэтту никак не удавалось засечь другой корабль. Он открыл инструментальный отсек и достал небольшой, но мощный бинокль «Бушнель» с углом зрения одиннадцать градусов. На фоне звезд он непременно заметит любой движущийся предмет, отражающий солнечные лучи. Он еще раз проверил координаты, поднял повыше штору шлема и...

— Поймал! — Его голос дрогнул от волнения. — Вижу, ясно вижу на фоне звезд! Кто... что это там? Мне

казалось, что «Джемини» будет готов только часа через два... Мыс сообщил вам о запуске «Джемини»?

— Нет, Седьмой. Вумера повторяет, «Джемини» еще не запущен. Нельзя ли разглядеть эту штуку подетальнее?

— Нет. Что бы это там ни было... но махина громадная. Что это, по-вашему?

— «Меркурий-7», слышимость резко затухает. Повторите последнее сообщение.

Молчание.

— «Меркурий-7», я — Вумера. Как меня слышите? Разряды...

— Седьмой, я — Вумера. Слышите? Слы...

Шум и потрескивание. Молчание.

— Потеряли! Придется другой станции ловить его. Эй, Толстяк! Немедленно доложи на Мыс, что Пруэтт его увидел, и передай наши засечки!

Двести пятнадцать минут... Радар на Вумере потерял контакт с неизвестным кораблем.

Двести шестнадцать минут... Наступила реакция. Во время сеанса связи с Вумерой и даже когда он изучал незнакомый корабль в бинокль, мозг Пруэтта работал с автоматической безотказностью. Но вдруг его будто ударило — он осознал смысл происходящего, его словно пронизал электрический разряд, задевший каждый нерв. Рука, затянута в перчатку, произвольно разжалась; он даже не заметил, что бинокль повис в воздухе, медленно и лениво кувыркаясь перед глазами.

«Иного быть не может... Конечно! Русские запустили своего! Черт возьми! Да ведь это значит, что они хотят спасти меня! Это... это...»

— Вот это да! — радостно заорал он во весь голос. — Может быть, еще не пришел мне конец, во всяком случае, пока еще нет... Только...

Его голос смолк, монолог оборвался, захлестнутый вихрем мыслей. «Только — как они сумеют перейти на мою орбиту? Как они сумеют?..» Он яростно помянул законы небесной механики и все неожиданности, подстерегающие человека в космосе, и хотя надежда разгоралась в нем, он заставил себя умерить вспыхнувшую жажду жизни, так как сознавал, какие почти непреодолимые трудности стоят на пути к его спасению..

Двести девятнадцать минут... Небольшая группа людей встала, когда вошел президент. Он небрежно махнул рукой.

— Садитесь, садитесь.

Сев в кресло, он бегло скользнул взглядом по каждому из присутствовавших.

— Обойдемся без церемоний и приступим прямо к делу. Судя по тому, что мне сказал по телефону Марвин, мы попали в скверную историю с этим полетом. — Он обернулся к Марвину Филлипсу из НАСА. — Как обстоят дела сейчас?

— Сэр, в положении космонавта Пруэтта никаких изменений нет. Наши прежние расчеты остаются в силе. Я говорю... гм, о возможном времени входа в атмосферу и.. о сроке, на который хватит кислорода... — представитель НАСА безнадежно покачал головой. — Мы ничего не можем сделать, чтобы продлить этот срок... я имею в виду кислород, сэр. И мы сделали все возможное, чтобы найти причину аварии в корабле, но...

— Над этим продолжают работать?

— Да, сэр, и будут работать до тех пор, пока не докопаются до сути.

Президент взметнул брови.

— То есть, если вообще есть возможность найти причину аварии, сэр.

Президент пробежал глазами доклад, лежавший перед ним. Потом откинулся на спинку кресла и поднял карандаш.

— Кратко и вразумительно, Марвин, — какие шансы имеет «Джемини»?

— По-моему, больше шансов на успех, чем на неудачу.

— И это все?

— Да. Как вы просили, господин президент, кратко и вразумительно. Конечно, мы учитываем возможность преждевременного выключения второй ступени и другие опасности. Но Мыс еще более оптимистичен, чем я.

— Что ж, это хороший признак... Я... нет, погодите минуту, Марвин. — Президент обернулся и посмотрел на помощника министра обороны. — Мур, есть какие-нибудь новые сведения о русском?

— Да, сэр. Я только что получил новые записи от системы обнаружения и сопровождения космических объектов; параметры весьма многозначительны. Мы непрерывно питаем данными Годдард и дали сигнал готовности всем станциям слежения. Мы также...

— Не вдавайтесь в технические подробности, Мур! — Президент нетерпеливо махнул рукой и взял планшет с данными сопровождения. Вдруг он вскинул голову. — Каковы выводы?

— Сэр, они собираются вызволить нашего космонавта.

— Когда?

— Мы считаем, что они сделают попытку уже через несколько часов.

— Гм. А теперь, Марвин, мне хотелось бы услышать ваше мнение по другому вопросу.

— Да, сэр.

— Какие шансы у красных?

У руководителя НАСА был несчастный вид.

— Лучше, чем у нас, господин президент. Гораздо лучше. Их корабль уже в космосе. У них есть опыт в таких делах. Правда, им никогда еще не приходилось изменять плоскость орбиты на пятнадцать градусов, но здесь, в конце концов, весь секрет в силе толчка, а для этого у них там, можно не сомневаться, имеется переходная ступень. — Он потер рукою подбородок и мрачно добавил: — По-моему, именно это они и собираются сделать. Мне это не по душе, но так уж выходит.

Президент сцепил пальцы и наклонился вперед, вглядываясь в лица сидящих перед ним людей.

— Что еще нового?

— Есть новости, сэр, — сказал Томасон из государственного департамента. — Мы получили сообщение, что советский премьер сделал весьма интригующий намек в беседе с корреспондентами на приеме, который сейчас происходит в Москве.

— Продолжайте.

— Видите ли, трудно сказать что-либо определенное, но он упрекнул итальянского корреспондента в том, что тот считает... гм... гибель Пруэтта неизбежной. Он определенно намекнул на то, что принимаются какие-то меры. Мы перепроверили. Премьера вызвали в другую комнату к телефону приблизительно в то время, когда мы получили подтверждение, что русский космический корабль вышел на орбиту. Мы полагаем, что все сходится.

— Ну... а официальных заявлений не было?

— Нет, сэр.

Президент оглядел сидевших за столом.

— Ну что ж, джентльмены, очевидно, встает вопрос — не попросить ли нам о помощи на основе договора.

Все беспокойно заерзали в своих креслах.

— Бог мой. надеюсь, что до этого не дойдет! — воск-

ликнул руководитель НАСА. — И вместе с тем я... вся беда в том, господин президент, что это может оказаться единственной возможностью спасти Пруэтта и...

Он замялся.

— Продолжайте, — сказал президент.

— Видите ли, сэр, договор, который мы подписали в прошлом году, предусматривает взаимопомощь и сотрудничество, как вы знаете, во многих областях. Сюда же входит и спасение космонавтов. Но они еще не сделали никаких заявлений относительно своего нового запуска. Мы не сомневаемся, что они попытаются перевести корабль на нашу орбиту, но наверняка этого не знаем. И даже если они предпримут такую попытку, нет гарантии, что им это удастся. И, как бы ни велика была ставка... а Дик Пруэтт мне очень дорог, господин президент... вся загвоздка в том, насколько оправдано обращение к русским за помощью до тех пор, пока они, во-первых, не выйдут на новую орбиту, и, во-вторых, пока мы не будем знать, что у них есть шансы на успех. Хоть положение скверное... и нет надежды на улучшение... но если мы попросим помощи, это разнесется по всему свету. И если...

— Все эти «если» мне отлично известны, — перебил его президент. — Если мы попросим помощи, а они не смогут выйти на орбиту «Меркурия», то мы не только понесем первую потерю в космосе, но и выйдем из этой истории с прискорбным уроном для нашего престижа. Вы это хотели сказать?

— Да, сэр, — удрученно кивнув, сказал руководитель НАСА.

Президент обратился ко всем.

— Джентльмены, я полагаю, все вы отдаете себе отчет, какие колоссальные последствия влечет за собой решение, которое мы примем. Не говоря уже о нашей

тревоге за жизнь этого человека, мы не можем игнорировать то освещение, какое эти события получают в мировой прессе. Поэтому я хотел бы, чтобы мы выработали определенную линию. Теперь слушайте меня внимательно. Во-первых, мы будем продолжать делать все возможное, чтобы обнаружить и устранить повреждение в капсуле...

Он посмотрел на руководителя НАСА, и тот заверил его, что все будет сделано.

— Очень хорошо — продолжал президент. — Во-вторых, мы доведем до конца вариант «Джемини». Я исхожу из того, что при любых обстоятельствах дублер...э-э...

— Джеймс Дагерти, сэр.

— Спасибо... Так вот, Дагерти должен иметь полную гарантию, что будет спасен, если окажется, что мы слишком поторопились с запуском «Титана-Джемини». Такая другая сторона дилеммы, джентльмены. Мы вот-вот потеряем одного человека, и теперь рискуем жизнью второго. Если получится так, что мы потеряем обоих, то последствия будут...

Он побарабанил пальцами по столу.

— И все же, если мы не попытаемся спасти Пруэтта, будет еще хуже. Намного хуже. Не так страшно, если нас будут проклинать за неудачу, вот бездействия нам не простят. Итак, у нас иного выхода нет. Мы будем продолжать готовить «Джемини». Марвин, передайте вашим людям, что я понимаю, сколько сил они кладут на то, чтобы «Джемини» взлетел вовремя... Я хочу, чтобы вы передали им это как можно скорее.

— Да, сэр, это будет сделано немедленно.

— Хорошо. Дальше... Пруэтт не женат... это несколько облегчает дело. Да, а как его родители? — Он посмотрел на начальника штаба ВВС, сидевшего в конце стола. — Генерал?

— Как вы знаете, сэр, мы мало чем можем им по-

мочь. Нам бы хотелось сделать это по возможности ненавязчиво. Капеллан авиабазы Саффолк, сэр, уже в доме Пруэтта. Но есть... Я хочу затронуть другой вопрос, господин президент. Мы приказали нашим самолетам войти в контакт со всеми советскими траулерами, судами слежения, в общем со всеми, кто имеет какое-либо отношение к советской системе радиосвязи. Мы получили подтверждение, что они имеют прямую связь с вновь запущенным космическим кораблем. Мы обратились к ним и официально попросили, чтобы они были готовы принять нашу просьбу о помощи. Видите ли, сэр, вдруг мы наладим эти тормозные ракеты, а в возможных районах возвращения бушуют штормы. Из-за штормов нашей службе спасения будет чрезвычайно трудно выйти вовремя в нужный район, если мы потеряем контакт с «Меркурием». Я понимаю, это не очень много, господин президент, но мы можем действовать *только* в этом направлении.

Президент отодвинул от себя бумаги.

— Ну что ж, значит можем только так... Мы знаем, на что идем с «Джемини»... что поделаться, мы тут, так сказать, играем по слуху... Кстати, Марвин, если русские подойдут к «Меркурию» и сочтут, что Пруэтта можно взять к себе на борт, вы не измените своих планов относительно запуска «Джемини»?

— Нет, сэр, не изменим. У нас нет выбора. Русский может буквально сесть на капсулу и все же по какой-либо причине окажется не в состоянии взять Пруэтта к себе на борт. Что бы ни случилось, пока Пруэтт в опасности, мы, разумеется, не откажемся от вывода «Джемини» на орбиту.

— Все ясно, джентльмены. Держите меня круглые сутки в курсе дела, сообщайте обо всех значительных изменениях обстановки как к худшему, так и к лучшему. Будьте готовы реагировать на любой поворот событий.

Я хочу также, чтобы вы не снимали руки с пульса общественного мнения. Если мы придем к финишу с подбитым глазом, то сведем на нет многолетнюю работу по завоеванию симпатий человечества. Это может вызвать такой взрыв негодования, которого не осмелится игнорировать ни один конгрессмен, и в один прекрасный день может рухнуть вся наша программа освоения космоса. Предугадать все последствия невозможно.

— Я хочу, — продолжал президент, — чтобы публиковались официальные сообщения для народа. Я хочу, чтобы люди знали, что мы делаем все возможные для... ну, вы сами знаете, что там дальше писать. Пока все. Спасибо, что все собрались так быстро.

Когда президент пошел к двери, все встали. Вдруг он остановился и снова повернулся к собравшимся.

— Есть еще одна возможность помочь нашему другу в космосе.

Все недоуменно посмотрели на него.

— Мы можем также попытаться молить господ. Вполне возможно, что это все, что нам осталось.

Двести тридцать две минуты... Военная система обнаружения и сопровождения космических объектов и принадлежащая НАСА сеть слежения за космическим пространством подтвердили частоты, на которых работает неизвестный корабль, — радиотелефонная связь на частотах 20,006 и 143,625 мегагерц и периодически работающий передатчик на частоте 19,948 мегагерц. Эти частоты типичны для советских пилотируемых кораблей. Счетно-решающие устройства в Годдардском центре переработали данные сопровождения, произвели обратную экстраполяцию и получили точные географические координаты места запуска и момент старта.

Персонал станций слежения успешно использовал направленные антенны для засечки участков орбиты. К сожалению, антенны, дав отличной точности азимуты и углы возвышения для различных точек орбиты, не позволили определить дальность до них.

В Годдардский центр начал поступать непрерывный поток информации.

Двести сорок одна минута... «Восток-9» пронесся в северо-восточном направлении над Центральной Америкой. Орбита «Меркурия-7» прошла значительно севернее, причем в этот момент капсула находилась к западу — северо-западу от русского корабля, южнее Калифорнии.

Полковник Гаррисон Р. Таунсенд, начальник отдела информации Объединенного командования ПВО Североамериканского континента, отвечая на телефонные звонки, срывался на крик. Вот снова пронзительно зазвонил телефон, но он тут же схватил трубку и, почти не слушая, закричал:

— Нет! Я говорю вам, что по приказу министерства обороны мы не даем и не можем дать никакой информации о слежении. Нет! Очень жаль, но таков приказ. Все сведения должны исходить от НАСА в Вашингтоне! Что? Да откуда же мне знать? Официально мы ни черта не знаем!

Он хлопнул трубкой по рычагу и, прищемив себе палец, выругался.

—

В гостинице «Кейп Колони Инн» Том Стинсон торопливо писал в линованном блокноте.

— Да, да, успеваю. Продолжайте...

Он слушал и записывал, а Десмонд Барнз заглядывал ему через плечо. Звонили из управления НАСА в Вашингтоне. Читая последний срочный доклад, президент почти не скрывал своего растущего раздражения. Он скрывал его еще меньше, когда лично позвонил в центральное управление НАСА и потребовал объяснений, почему НАСА не опубликовало коммюнике о начале предстартовых операций по запуску «Джемини» на Девятнадцатой площадке. Разговор по телефону был весьма краток, но смысл его был яснее ясного — обнародовать сведения о предстоящем запуске «Джемини» и немедленно...

Через десять минут ожидалось официальное сообщение НАСА в Вашингтоне. Пресс-центры на мысе Кеннеди и при отделе информации НАСА в «Кейп Колони Инн» походили бы на взорвавшийся склад боеприпасов, если бы сообщение не было одновременно сделано и этой группе. Поэтому как только Стинсон кончил запись передачи, секретарша начала перепечатывать текст на бланке для мимеографа, а два человека стояли наготове, чтобы немедленно схватить готовый бланк и сунуть его в множительную машину.

У длинного белого стола в конференц-зале стояли восемьдесят корреспондентов и жужжали, словно пчелы, собравшиеся роиться.

Двести сорок восемь минут... «Восток-9» прошел немного южнее Панамского канала.

Двести пятьдесят одна минута... К востоку от советского корабля остался Пуэрто-Рико.

Двести шестьдесят пять минут... Памела Дагерти уронила поднос с тарелками и чашками. Осколки битого фарфора с дребезгом катились по полу, а она все стояла,

прикрыв рукой рот — у нее перехватило дыхание. Затем она бросилась к приемнику и прибавила громкость:

«...летень, только что опубликованный НАСА. Космонавт Джеймс Дагерти, дублер Ричарда Пруэтта, прикованного к орбите в своем маленьком космическом корабле, скоро попытается прийти на выручку своему другу. НАСА сообщило, что уже через несколько минут после того, как отказали тормозные ракеты на «Меркурии-7», были приняты все меры к тому, чтобы подготовить к запуску ракету-носитель «Титан» и новую капсулу «Джемини». Жить майору Пруэтту осталось недолго, а у Дагерти весьма мало шансов на выполнение своей гуманной миссии, самой сенсационной во всей истории человечества. Как ожидают, запуск будет произведен в ближайшие сутки. Если удастся преодолеть невероятные трудности, то Джеймс Дагерти доставит майора Пруэтта на Землю в двухместном космическом корабле «Джемини». Не прекращают поступать все новые упорные слухи о загадочном гигантском космическом корабле, который вышел на орбиту всего несколько часов назад. Нет сомнения, что...»

У Памелы подкосились ноги, и она прислонилась к стене. Джим полетит... Но ведь «Джемини» надо готовить еще не один месяц! Он же сам говорил ей об этом; он сердито кричал, что программа срывается... а теперь полетит в этой штуке вслед за Диком и...

«Матерь божья, — шептала она, — слишком скоро, слишком скоро, так неожиданно...»

Пронзительно зазвонил телефон. Она вздрогнула и выпрямилась, испуганная неожиданным звуком. Не ус-

пела она подойти к телефону, как вдруг у самой двери раздался визг тормозов.

Телефон продолжал звонить. Памела поспешила к нему и подняла трубку.

— Алло?

— Миссис Дагерти? Говорят из редакции хьюстонской «Таймс». Вы уже?.. Значит, вы уже слышали последние известия? Мы считаем, что это просто поразительная новость! Получится замечательный материал — человек, рискуя собственной жизнью, пытается спасти своего лучшего друга, и мы хотели бы просить вас...

В парадную дверь барабанили, звонок непрерывно звонил.

— Простите, мистер... я не расслышала вашего имени. Пожалуйста, не вешайте трубку. Тут звонят... не вешайте трубку, одну секунду!

— Но, миссис Дагерти, вы не понимаете, мы оставили место для материала и хотим несколько слов от вас... Она почувствовала, что с ней вот-вот будет истерика.

Она подбежала к двери, отворила ее... и в глаза ей ударил ослепительный свет вспышек. Памела дико вскрикнула и прикрыла рукой лицо.

— Что... что это?

— Нам хотелось, чтобы вы сказали несколько слов о вашем муже...

Очкастое лицо придвинулось ближе, угрожающе нависло над ней.

— Как вы думаете, есть ли надежда, что ваш муж спасет Пруэтта? А за него самого вы не боитесь?..

В щеку ей уткнулся микрофон.

— Что вы думаете об этой дерзкой спасательной экспедиции, миссис Дагерти? Ну, скажите хоть что-нибудь в микрофон. Ну, что угодно, все сойдет. Вы хорошо знаете Пруэтта? Был он...

Они ворвались в дом с лампами-вспышками, от которых резало глаза, с камерами, микрофонами и блокнотами; они кричали на нее, толкались, отпихивали друг друга. Вдруг позади раздался женский крик, и Памела отпрянула — чья-то рука схватила ее за плечо. Она оглянулась и увидела женщину с вытаращенными глазами, которая кричала:

— ...Бенсон, я Лорри Бенсон, вы же меня знаете, я веду женскую страничку! Я хочу рассказать всем девочкам, каким знаменитым вдруг стал ваш муж!

От вспышек Памелу начало корчить. Она ахнула, когда какой-то детина вдруг вспрыгнул на стол, стоявший в гостиной, смахнув на пол вазу и пепельницы. Он попытался снять Памелу сверху, через головы всей этой толпы, ворвавшейся в дом.

— Ну будь же умненькой, девочка! Подними головку, бэби!

Снова ударил по глазам свет. Она услышала собственный стон. Кто-то хватал ее, вспыхивал свет, все кричали, орали, двое мужчин взгромоздились на диван и махали ей камерами. Ей удалось как-то протолкаться сквозь толпу, но репортеры повалили следом. Памела, наконец, прорвалась к двери и застыла на пороге как вкопанная, раскрыв рот.

На ее газон въехал огромный фургон, битком набитый людьми с телевизионными камерами, и в глаза ей бросилась светящаяся красная надпись: «Друг вашего дома — передвижная телевизионная станция». И тут вдруг громадный объектив выдвинулся навстречу ей, а машины все подъезжали и_подъезжали, и чужие люди топтали ее цветы...

Молотя всех руками, Памела рванулась назад, в дом, и вдруг поняла, что визжит, чтобы они все убирались, а они ухмылялись и покрикивали:

— А ну, шелкни ее побыстрее, сопляк!
— Надо, чтобы люди от снимков плакали, бэби!
— Ты поймай ее с закрытыми глазами, когда она кричит. Ух, ты! Вот это будет фото!

Рядом появился какой-то мужчина, и она уткнулась ему в плечо.

«Слава богу, — подумала она, — может быть, он выгонит их всех отсюда!»

Это бы их сосед, разъяренный и злой — он увидел, как взяли штурмом дом Дагерти, схватил дробовик и прибежал на выручку. Но в парадную дверь ему пройти не удалось. Сквозь галдеж до него донесся вопль Памелы, и он с женой проник через черный ход и протолкался в гостиную к женщине, которая стояла бледная, с широко открытыми от ужаса глазами.

— Вон! — гаркнул он. — Убирайтесь отсюда! Сейчас же убирайтесь!

— Ради бога, Мак, нам нужно получить интервью...

— Что за черт, это еще кто такой?

— Пошел с дороги, ты загораживаешь объектив!

Сосед поднял дробовик и, направив его в потолок, нажал на спусковой крючок. В комнате раздался громовой, оглушающий грохот выстрела. На толпу посыпались штукатурка и пыль, и репортеры отпрянули. Сосед навел ружье прямо на людей и хладнокровно предупредил, что разрядит второй ствол в них, а тем временем его жена увела рыдающую Памелу в спальню. Когда все, наконец, разошлись и грузовик уехал, оставив глубокие вмятины на газоне, он вернулся в дом, посмотрел на разгромленную комнату и горестно покачал головой.

Он приоткрыл дверь в спальню. Его жена, обняв Памелу, успокаивала ее. Закрыв дверь, он дозарядил ружье и сел, готовый к встрече новых непрошенных гостей...

Роджер Маккларэн молча вручил Джорджу Кейту сообщение информационного агентства, полученное по телетайпу. Руководитель центра управления быстро пробежал листок и сердито скомкал его.

— Идиоты, негодяи! Мы еще не знаем, удастся ли нам поднять эту штуку с Земли вовремя, а они уже раздули... Вот мерзавцы! Не обращайтесь внимания, Мак, нам надо работать.

Двести восемьдесят восемь минут... «Восток» пересек экватор к югу от Цейлона; «Меркурий-7» летел близко, юго-восточнее. На подходе к Австралии орбиты кораблей начали сближаться. Это был четвертый виток «Востока-9».

Двести девяносто пять минут... Станция Мучеа в Австралии доложила, что исключительно четко видит таинственный русский космический корабль. Основываясь на радиолокационном эхе и прежних оптических засечках и подсчитав с помощью вычислительных машин изменения орбитальных параметров по известным апогею и перигею, специалисты в Годдарде пришли к выводу, что длина русского корабля составляет по меньшей мере двенадцать-пятнадцать метров, а вес его достигает тринадцати тонн.

Триста три минуты... Таинственный корабль исчез с экранов станции Мучеа.

Триста восемь минут... Радары Вумеры потеряли «колымагу», она ушла южнее Новой Зеландии.

—

— Джордж, это Холлидей из Годдарда. Я...

— Можешь подождать, Фил? Мы тут выбились из графика...

— Нет, ждать нельзя. Мы считаем, что вы должны немедленно узнать наше мнение. Я убежден, что ваши предположения ведут к тем же выводам, но мы сочли себя обязанными поговорить с вами.

— Выкладывай, Фил.

— Короче говоря, Джордж, мы убеждены, что русские вот-вот вступят в игру. Не будем говорить о методике, которая привела к этим выводам, но можно почти не сомневаться, что большевики вывели на орбиту обычный корабль типа «Восток» с переходной ступенью той или иной конструкции. Наши машины продолжают экстраполяцию орбиты. Мы уверены, что если они... Постой, еще одно: исходя из веса корабля с пилотом, видно, что у них топлива достаточно, чтобы осуществить широкий маневр корабля. По нашему глубокому убеждению, они намерены изменить плоскость орбиты и попытаться выйти на орбиту «Меркурия» и...

— Когда?

Минутное замешательство.

— Когда, Фил?

— На следующем проходе над Мысом.

— Меньше чем через тридцать минут!

— Знаю. Поэтому я и не стал откладывать.

— Фил... а вы там в этом уверены?

— Уверены? Черт побери, Джордж, мы ни в чем не уверены! Но они вынуждены действовать в рамках тех же физических законов, что и мы. А очередное прохождение над Мысом просто-напросто обеспечивает наиболее выгодную позицию во времени и пространстве для изменения плоскости орбиты. Второй такой возможности не будет еще некоторое время и...

— Продолжай!

— Ну, у Пруэтта остается так мало времени... в об-

шем все говорит за то, что они сделают это на очередном витке... Джордж?

— Да, да, я слушаю.

— Джордж, мы считаем, что они собираются предпринять попытку спасти его. Мы думаем, было бы правильно немедленно сообщить об этом Пруэтту.

— Проклятие! Мы же сами очень близки к старту! Предстартовый отсчет идет к концу, Фил. Но... не можем же мы приказать Пруэтту, чтобы он не связывался с русским! Господи, ведь опыт в этом деле есть только у них, не у нас... Фил, пусть кто-нибудь из вас подежурит на линии, не отключайтесь пока. Я сделаю то же самое. — Кейт повернулся на каблуках. — Новак, Мак и ты, Блейк, тоже. Скорее ко мне.

Триста тринадцать минут... «Восток-9» прошел над оконечностью Новой Зеландии и продолжает полет над планетой в северо-восточном направлении.

Триста двадцать две минуты... «...и только наша радиостанция получила от своих корреспондентов на мысе Кеннеди и в других важных космических центрах сообщение, что русский корабль, который в настоящее время находится на космической орбите, имеет на борту по меньшей мере одного, а возможно, и двух космонавтов.

По всем данным, русские намереваются помочь нашему соотечественнику. У майора Ричарда Дж. Пруэтта, который оказался пленником орбиты в течение последних дней, скоро кончится запас кислорода. Если к нему не придут на помощь — притом в самом скором времени, — Пруэтт обречен. Русские, по-видимому, собираются осуществить самую выдающуюся спасательную операцию в истории, а так как за этим следит весь мир, то успех этой смелой попытки будет означать нечто боль-

шее, чем возвращение Дика Пруэтта целым и невредимым домой. Это будет величайшей в истории удачей и потрясающей демонстрацией превосходства русской космической науки. Что касается автора этого репортажа — а я надеюсь, вы все разделяете мое мнение, — то мне все равно, кто победит в космическом соперничестве. Сейчас нет ничего важнее спасения жизни замечательного американца, космонавта Ричарда Дж...»

Триста тридцать пять минут... «Восток-9» находится к западу от Панамы, над Тихим океаном. «Меркурий-7» в этот момент почти на траверзе «Востока», западнее его. На рабочем планшете, где нанесены пройденные витки и положения кораблей и данные расчетных витков во времени и пространстве на некоторое время вперед, видно, что корабли максимально сблизятся при прохождении над мысом Кеннеди.

— ...а я говорю — враки! — Он свирепо грохнул пивной кружкой о стойку.

— Ты что же думаешь, мы позволим этим русским чертям вот этак подкрасться, — он сделал рукой хватательное движение, — и сцапать нашего парня?

— А по-твоему, что делать? Пускай поддыхает, бедняга, так что ли? А может русские его спасут?

— Да откуда ты взял, что он там погибается?

— Ну что ты мелешь, Джейк? У него ж кислорода совсем почти не осталось. Если русские его не подцепят, как рыбку, и не втащат в свой корабль, его песенка спета.

— Бр-рехня. Да этому Пруэтту, наверно, строго-на-строго приказали не связываться с красными. Ты, как я погляжу, сопляк безмозглый, вот кто ты! На что мы будем похожи, если не выручим своего парня, а? Да если

мы позволим этим «комми» заграбастать его, они же повезут его в Россию, в Москву, правильно?

— Кто его знает, может, и так...

— То-то и оно, дурила! Ни черта ты не знаешь! — Он ткнул волосатым кулачищем в грудь своего собутельника. — Так вот, слушай меня, приятель, меня слушай, говорю: если они заташат нашего человека на свою землю, они, будь спокоен, сдерут с него одежонку, посадят в клетку и станут возить беднягу взад-вперед по своей площади, как ее... по Большевицкой площади... ну, где они парады устраивают. — Он быстро замахал рукой, показывая, как будут возить Пруэтта. — Взад-вперед! В чем мать родила! А все «комми» столпятся вокруг и будут измываться над горемыкой... Не-ет, мы тоже не дураки. Пускай уж он лучше там загнется, чем попадет в Москву! Шутка ли — нагишом в клетке! А клетка там уже приготовлена, это как пить дать...

— Да откуда ты это взял, про клетку?

— Как откуда! Ну и олух ты, малый! Да я же только что все тебе растолковал!..

Триста тридцать девять минут... Радар на мысе Кеннеди засек русский корабль. На столах разбросаны пустые банки из-под кофе, пепельницы до краев заполнены смятыми окурками.

Триста сорок минут... Андрей Яковлев видит внизу побережье Кубы. «Вот и Америка, осталось каких-нибудь несколько секунд. Скоро мы увидим...»

Триста сорок одна минута... «Восток-9» над юго-западным берегом Флориды.

Триста сорок две минуты... Советский корабль пролетает над восточным побережьем Флориды, немного южнее мыса Кеннеди.

— Ну вот, теперь картина проясняется. Видишь эти линии?

Две пересекающиеся линии, две светящиеся точки на радиолокационном экране пункта управления полетами.

— Сейчас ты увидишь, как все это произойдет. Русский должен вот-вот начать... Его корабль всего на несколько минут опережает Пруэтта... Если русские собираются вступать в игру, сейчас самое время.

Триста сорок две минуты сорок пять секунд... Персонал командного пункта в огромном зале на Байконуре хранит молчание. Люди застыли на своих местах. Все следят за бегом огромной секундной стрелки.

Генерал Карпенко бормочет: «Еще пятнадцать секунд...» Генерал говорит шепотом; он даже не замечает, что вслух отсчитывает: «Четырнадцать, тринадцать, двенадцать...»

Триста сорок две минуты пятьдесят шесть секунд... Радар на Бермудах получает отчетливое отражение русского корабля...

Триста сорок три минуты... Андрей Яковлев следит, как в прорезях реле времени на приборной доске бегут в обратном порядке светящиеся цифры. Появилась тройка — космонавт напрягся, двойка — затаил дыхание, единица — рука начала движение, нуль — он делает движение, которого ждал все эти триста сорок три минуты.

Оператор станции связи на борту океанского судна «Ленин», лихорадочно спеша, успел за время, пока Андрей Яковлев промчался над ним, проверить несколько десятков пунктов контрольного листа подготовительных операций к важнейшему маневру по изменению плоскости орбиты. Уходя на огромной скорости к Атлантическому океану восточнее мыса Кеннеди, Яковлев закончил переговоры и еще раз проверил перечень операций.

Сжав правой рукой черную рукоятку, он легкими толчками развернул «Восток-9» носом в новом направлении. Теперь продольная ось корабля нацелилась на азимут, равный точно ста тридцати градусам. «Восток-9» летел по своей траектории боком, повернувшись почти перпендикулярно направлению полета.

Обеспечив нужное положение оси корабля, Яковлев включил автопилот и установил его на этот азимут. Пусть электронный мозг последит за положением оси, а он тем временем займется другими операциями и приготовлениями. Снова блестящая черная рукоятка послушно задвигалась под его умелой рукой. Из отверстий в носовой части корабля вырывались выхлопные газы, мгновенно превращаясь в вакууме в рой блестящих снежинок, которые медленно уплывали от корабля. Он немного просчитался и опустил нос корабля на семь градусов ниже требуемого наклона. Тогда он уже осторожнее поднял нос так, чтобы ось корабля составила с горизонтальной плоскостью угол всего лишь в несколько градусов, и затем быстро установил автопилот на фиксацию

этого угла. Теперь положение продольной оси корабля в пространстве уже окончательно было подчинено электронному мозгу через посредство чутких датчиков ориентации. А Яковлев с этой минуты стал лишь живым дублиром автоматической системы; он вмешается в работу автоматики только в случае какого-нибудь отклонения от программы.

В оставшиеся минуты он еще раз obeжал взглядом все приборы. Воспламенители ракетных двигателей для инерционной осадки топлива в баках были готовы к включению. Показания приборов свидетельствовали о полной исправности и готовности всех двигателей и устройств.

Яковлев чуть подрегулировал включатель ракет инерционной осадки топлива, подстроил реле времени двигателя переходной ступени. Ракеты будут работать четыре секунды, и точно за секунду до окончания их работы с ревом включится мощный двигатель переходной ступени — тридцать четыре тонны тяги!

Минуты истекли, остались секунды. Он вслух отсчитывал убегающее время. Ярко светилась красная лампочка; губы Яковлева шевелились:

- Десять!
- Девять!
- Восемь!
- Семь!
- Шесть!
- Пять!
- Четыре!

Вспыхнуло еще несколько красных сигнальных лампочек.

- Три!
- Два!
- Один!

Космонавт ждал этого мгновения, он был готов к нему. Резким движением он перекинул тумблер влево. Раздался низкий звук, похожий на слабый рокот далекого грома. Это в задней части переходной ступени заработали два небольших ракетных двигателя, подтолкнув ее вместе с кораблем вперед. Возникло небольшое ускорение — и топливо по инерции плотнее осело в баках; теперь обеспечена бесперебойная подача его в двигатель. А спустя три секунды из хвостовой части корабля «Восток» огромным цветком вырвалось пламя.

Тяжелый кулак перегрузки вдавил Яковлева в кресло. Состояние, близкое к невесомости, мгновенно сменила перегрузка величиной почти в три g , вес тела утроился. Рев двигателя бил по ушам словно грохот огромного водопада, а Яковлев радостно улыбался. Он почувствовал во рту соленый вкус, удивленно облизал губы и обнаружил, что, захваченный врасплох ускорением, прикусил губу.

Вдавленный в кресло перегрузкой, он держал левую руку наготове над кнопкой выключения переходной ступени. Правая кисть сжимала черную рукоятку управления, а большой палец лежал на блестящей красной кнопке — стоит нажать ее, и управление кораблем будет переведено с автоматического режима на ручной. Перед его глазами на счетчике реле времени двигателя переходной ступени мелькали секунды обратного отсчета времени. Двигатель должен работать пятьдесят секунд. Когда счетчик покажет нуль, двигатель выключится.

Если автоматика откажет, космонавт сможет провести отсечку вручную, опоздав всего на несколько десятых секунды; такая погрешность не повредит выполнению его задачи.

Автопилот работал безукоризненно, удерживая космический корабль точно в запрограммированном положении. Яковлев видел, как подрагивали стрелки индикаторов расхода топлива. Это электронный мозг то и дело включал сопла коррекционных ракет, внося поправки на изменение массы корабля, на ускорение и перемещение центра тяжести по мере того, как ревушая камера сгорания далеко за спиной космонавта пожирала все больше и больше топлива.

По расчету двигатель должен был придать кораблю дополнительную скорость почти в две тысячи метров в секунду, а нужное направление движения для перехода в новую плоскость орбиты обеспечивалось ориентацией корабля, которую строго выдерживала автоматика.

Срок работы двигателя — пятьдесят секунд — истек; счетчик обратного хода времени показал нуль, и Яковлев от ощущения почти шестикратной тяжести мгновенно возвратился в состояние полной невесомости.

Его тело содрогнулось от этой невероятной встряски. Он глубоко вздохнул и зажмурился. Тишина еще не наступила — автоматика продолжала выполнять программу: с треском сработали взрывные болты, освободившие корабль от опустевшей переходной ступени; хрипло взревели четыре небольших коррекционных двигателя, оттащившие «Восток» от бесполезной теперь оболочки. Резко нажав большим пальцем кнопку, Яковлев включил ручное управление, накренил и наклонил корабль таким образом, чтобы видеть отстающую оболочку ступени. Он мысленно считал, и через восемь секунд увидел, как вдоль оболочки рванулся небольшой острый язык пламени. Отработавшая ступень круто развернулась и ушла в сторону, очистив путь ему (и американцу тоже!) на последующих витках.

Оператор радара взволнованно дышал. Он прошептал почти благоговейно:

— Ты видел, как русский свернул? Господи, он справился, СПРАВИЛСЯ! Он перешел в плоскость орбиты «Меркурия»... точнехонько!

Антенна радара на Бермудах обозревала черное небо. Невидимые лучи летели в высоту со скоростью света и возвращались обратно...

— У нас на экране объект раздвоился. Да-да, точно... На этих высотах раздвоение мы отмечаем при расстоянии между объектами в двадцать—двадцать пять метров. Что? Очевидно, это отработавший ускоритель, он удаляется под углом. Нет, нет. Насколько можно судить отсюда, он не выйдет на самостоятельную орбиту, наверняка не выйдет. Он отлетит по касательной. Да-да, Годдард уже, наверно, передает на Мыс новые данные по обоим. Подожди-ка... вот еще пара точек на экране. Сигнал слабый. Это, очевидно, соединительные кольца. Видимо, отброшены взрывными болтами или пружинами. Просто какие-то железки. Они уходят далеко в сторону от основной цели... Ручаюсь, это русский! С самого начала было ясно — он идет точно по орбите «Меркурия», словно мы сами его запустили. Ну и машина же у этого малого! Сильна как черт!

Яковлев нажал пальцем кнопку, стрелка хронометра начала двигаться. Затем он перевел взгляд на циферблат, показывавший время с момента старта с Байконура. Прошло триста сорок шесть минут. Второй хронометр, только что включенный, начал отсчет времени с нуля. С этого момента космонавта интересуют только

его показания — это мост, связывающий его во времени с американцем.

Точно через четыре минуты Яковлев включает еще один счетчик времени; в это мгновение «Восток-9» пролетает над Бермудами. Высота полета русского корабля сто семьдесят километров.

Точно через шесть минут Яковлев выключает этот счетчик: над Бермудами пролетел «Меркурий-7». Высота полета американской капсулы точно сто семьдесят километров.

Теперь оба корабля разделяет отрезок времени в две минуты — сто двадцать секунд. Его можно выразить и расстоянием, которое корабли пролетают за это время, — почти тысяча километров.

Если русские рассчитали свой маневр с точнейшим учетом орбитальной механики, то на следующем витке этот двухминутный разрыв будет сведен на нет над той же самой точкой земной поверхности.

Корабли удаляются от Бермудских островов. Расстояние между ними быстро увеличивается. «Восток-9» движется с большей скоростью и оставляет «Меркурий» позади.

Через двадцать минут с начала нового отсчета времени корабли уже над Центральной Африкой.

Приблизительно через шестьдесят минут внизу Австралия. Корабли находятся далеко друг от друга, когда «Восток» проходит на высоте свыше пятисот километров над американскими станциями слежения.

Андрей Яковлев ждет благоприятного момента. Инстинктивно он еще раз окидывает взглядом приборы. Все в полной готовности.

Космонавт бросает взгляд вниз, на Тихий океан. На площади в несколько тысяч квадратных километров бушует свирепый шторм, устрашающе сверкают молнии в

верхних слоях облаков; зрелище это удивительно похоже на далекие разрывы зенитных снарядов. Но у космонавта нет времени созерцать явления природы. Сейчас он пройдет над судном слежения в Тихом океане, после чего передаст доклад и, конечно, примет последние инструкции с Байконура.

Два корабля несутся над планетой. Начинает проявляться действие неумолимых законов строго рассчитанного орбитального полета. На экране пункта управления на мысе Кеннеди это можно проследить по светящимся точкам, воспроизводящим движение американского и советского кораблей.

Они заканчивают первый виток по совместной орбите. Оба корабля проходят почти в ста пятидесяти километрах южнее Гуаймаса, в Мексике. «Восток-9» мчится под другим углом к Земле, апогей его орбиты выше, поэтому у него выше и скорость, и ускорение на участке перехода к перигею. Южнее Гуаймаса русский корабль чуть впереди и выше «Меркурия-7».

Затем путь его пролегает между Уайт-Сэндсом, в штате Нью-Мехико, и мысом Кеннеди. Для Андрея Яковлева вновь наступил решающий момент — он готовится еще раз вмешаться в действие сил, удерживающих его на орбите.

Уайт-Сэндс позади... «Меркурий-7» догоняет «Восток-9», а затем уходит вперед, опережая советский корабль.

— Станция Эглин, я — Седьмой. О'кей, слышу вас хорошо. Вижу ли я его? Как на ладони. Могу даже различить его детали невооруженным глазом. Погодите... Я сейчас возьму бинокль. Бог мой, ну и громадина! Ясно вижу хвостовое кольцо. Мне кажется, он всего в полутора километрах от меня...

— Он очень близко от тебя. По нашему радару между вами чуть меньше двух километров. А что он там делает, твой дружок?

— Трудно сказать. С виду вроде бы ничего... Ч-черт!

— Дик! Что случилось?

— У-у-ух... прямо будто по глазам ударило! Ну и резануло!

— Что с тобой, Дик?

— Порядок. Без паники. Наш друг включил наружный свет, только и всего. Я смотрел на него в бинокль, и в этот момент он включил несколько очень, очень ярких фар. Светят как дуговые лампы. Чертовски яркие. Свет голубовато-белый. Очень часто включаются и выключаются. Похоже на праздничную иллюминацию. Фар, по-моему, четыре, они включаются не одновременно. Передай ребятам, пусть не беспокоятся, что я не замечу этот корабль — с такими огнями его не прозеваешь.

— Ясно, Седьмой. Ты начинаешь затухать. Переключайся на Мыс. Станция Эглин связь закончила.

— Мыс, я — «Меркурий-7».

— Седьмой! Слышим тебя громко и ясно.

— Привет, Спенс. Мой друг по-прежнему примерно в полутора километрах от меня. Ничего нового после доклада на Эглин. Хотя нет — погоди! Что-то там виднеется в свете фар. Кажется.. ну, конечно же — он включил двигатели. Струи в свете фар похожи на снопы сверкающих искр. Он меняет ориентацию корабля. Ага... опустил нос, а сейчас начинает разворачиваться. Расстояние как будто то же. Но расположение фар изменилось. Он... кажется, он повернул корабль носом на меня. Отсюда фары образуют кольцо вокруг корабля. Похоже, он собирается что-то предпринять... Сопла снова заработали. Короткие вспышки. Видно, он пытается зафиксировать новую ори-

ентацию. Чертовски хочется поговорить с этим парнем... В моем положении его компания весьма кстати.

Когда американская капсула скользнула вперед, Яковлев с превеликой осторожностью готовится к тому, чтобы поравняться с ней. При ориентации он руководствуется показаниями гироскопических приборов, визуальным наблюдением за горизонтом, а также инфракрасными датчиками горизонта. Наконец, перед ним американская капсула — самый важный ориентир для его маневра.

Пока Яковлев заканчивает подготовку, «Меркурий» уходит на еще большее расстояние и продолжает удаляться. Именно в этот момент, в этой точке пространства Яковлев ввел в игру двигатель маневрирования. Он должен уничтожить расхождения во времени и высоте апогея, которые еще оставались между «Востоком» и «Меркурием».

Космонавт сдвинул черную рукоятку и быстро развернул корабль в положение для торможения. Теперь двигатель направлен в сторону движения. Яковлев внимательно считывает показания бортовой вычислительной машины, устанавливает в нужное положение указатели на двух контрольных шкалах. Ему нужно снизить скорость движения на пятьдесят метров в секунду — сейчас, немедленно.

Реле времени щелкает, в вакууме беззвучно вспыхивает зеленовато-фиолетовое пламя.

Когда корабли снова проходят над Бермудами, они идут уже гуськом, один за другим.

На экранах радаров между кораблями зафиксировано расстояние всего в полтора километра.

Теперь «Восток-9» оказался впереди американского

корабля. Андрей Яковлев уже видит маленькую капсулу. Правая рука его твердо сжимает желобчатую рукоятку управления, осторожными движениями он все время подправляет ориентацию корабля, а левой рукой то и дело передвигает рычаг управления двигателем маневрирования. И после каждого такого движения из сопла двигателя вырывается пламя и скорость корабля меняется — незначительно, очень незначительно.

«Восток-9» движется вперед толчками — как тюлень или морж на суше — и все ближе и ближе подходит к «Меркурию».

На расстоянии менее двухсот метров от американца Яковлев переключает двигатель маневрирования на малую тягу.

Теперь он собирается «подползти» вплотную. Он подсчитал, что окончательно сблизится с заждавшимся американским космонавтом через каких-нибудь десять-пятнадцать минут.

Из хвоста русского корабля копьевидной струей бьет пламя...

— «Меркурий-7» вызывает Канарские острова.

— Седьмой, говорят Канарские острова. Мыс приказал отставить текущий доклад о состоянии. Что нового у Ивана?

— Ничего. Он примерно на том же расстоянии или, может, уже метрах в ста пятидесяти от меня. Фары все горят, но я и без них его вижу. Вон он, здоровенный как амбар. Как на ладони. Сейчас он включает тягу. Толчками работают двигатель маневрирования и система ориентации. Очень осторожно — рывки короткие. Время он рассчитал и попусту не рискует. Не скрою от вас, ребята, — соседство очень утешительное.

— Седьмой. Мыс спрашивает, каков ваш запас кислорода.

— Так и знал, что вы заведете неприятный разговор. Ничего хорошего сообщить не могу. По моим прикидкам кислорода осталось максимум на шесть часов. Повторяю — кислорода осталось не больше чем на шесть часов.

— Седьмой, вас поняли. Кислорода осталось не более чем на шесть часов. Мы...

— Канарские, есть у вас прямая связь с Мысом?

— Да, Седьмой.

— Передайте, если там намерены вообще запустить «Джемини», пусть пошевеливаются. Я не знаю, сколько еще собирается этот русский задержаться около меня. Он явно очень скоро постучится в мою дверь. И я встречу этого парня с распростертыми объятиями.

— Седьмой. Ваше сообщение передаем на Мыс. Слы-

шимость ухудшается. Рекомендуем перейти на связь со станцией Кано. Через несколько минут услышите ее.

— О'кей, Канарские. Перехожу. Седьмой связь окончил.

Маневровый двигатель Андрея Яковлева дает короткие вспышки. Русский действует методично и осторожно. Он знает, что ему нельзя проскочить мимо американской капсулы — может не хватить топлива для новых значительных коррекций. В иллюминатор ясно виден «Меркурий».

Яковлев посматривает на светящийся миниатюрный глобус на приборной доске. Маленький круг в перекрестье движется на фоне восточного берега Африки. Яковлев хмурится..

Он отстаёт от расчетного графика сближения с американской капсулой, опаздывает с выходом в точку, откуда можно начать операцию по спасению американского космонавта. Яковлев смотрит на соседнее белое пластиковое кресло. К креслу подведен шланг аварийной подачи кислорода с переходной муфтой, тщательно подогнанной под адаптер скафандра «Меркурий».

Повернув голову, Яковлев бросает взгляд на экран бортового радиолокатора.

В прорезях горят красные цифры. Космонавт пристально смотрит на них и зажмуривается.

Цифры в трех маленьких прорезях светятся, не мигая: «126».

Не может быть! Он снова впивается взглядом в цифры и качает головой.

Он шел на сближение, а расстояние между кораблями увеличилось на тридцать метров!

Что-то не так, что-то неладно! Вот и сейчас, на глазах, цифры на радиолокационном индикаторе, показы-

вающем расстоянии до американца в метрах, снова бегут, в прорезях уже «133»!

Причина может быть только одна. При движении по орбите «Восток» все еще имеет большую скорость в перигее. Сейчас, удаляясь от Земли, в направлении к апогею, корабли естественно начинают уходить друг от друга. Яковлев понимает, что «Восток» будет продолжать удаляться от своей цели.

Зато у американской капсулы ниже апогей, и на том отрезке орбиты она будет двигаться быстрее. Но над Австралией оба корабля достигнут наивысших точек орбит. С этого момента, по мере приближения кораблей к поверхности Земли, советский корабль начнет сближаться с американским — это Яковлеву тоже ясно. Он вернет свое превосходство в скорости и быстро подойдет к американцу.

Но на какое расстояние? Яковлеву не под силу сделать расчеты такой сложности... Может случиться, что он выйдет слишком далеко, чтобы осуществить точный маневр сближения для рандеву.

Над Индийским океаном Яковлев подробно доложил обо всем на русское судно слежения и связи. Теперь судовой локатор точно определит расстояние между «Востоком» и «Меркурием», и задача будет быстро решена.

Яковлев сердится — «Восток» стремительно проскакивает зону устойчивой связи, а судовой вычислительной машине не хватает этого времени на обработку первичных данных слежения. Яковлев получает указание войти в связь с кораблем «Омск» после прохождения над Австралией. Корабль, находящийся в Индийском океане, свяжется с центральным пунктом на территории Советского Союза. Для передачи ответа на «Омск» времени более чем достаточно, и как только «Восток-9» выйдет с ним на связь, Яковлев получит нужный ответ.

В ожидании ответа с Земли советский космонавт решает заняться другими делами.

Он глядит на экран радиолокатора и чертыхается. В прорезях светятся цифры «261». Он все еще удаляется от американской капсулы. Правда, сейчас это уже не так важно. Он все равно видит маленькую капсулу невооруженным глазом. И знает, что американскому космонавту не трудно наблюдать за его большим кораблем.

Яковлев накреняет «Восток-9», разворачивает его в горизонтальной плоскости и включает автопилот, установив его на поддержание достигнутой ориентации.

Наклонившись вперед, он поворачивает небольшой рычаг; теперь наружные фары включаются не тумблером, а телеграфным ключом. Стоит нажать на ключ, как фары зажгутся. При ослаблении нажима пружина замыкает цепь и свет гаснет.

Он смотрит в иллюминатор. Плохо дело — невооруженным глазом он не может разглядеть, направлен ли иллюминатор «Меркурия» в его сторону. У американца нет перископа, он может наблюдать происходящее вне капсулы только через иллюминатор.

На экране радиолокатора появляются цифры «289». Яковлев огорченно бормочет... его тревожит увеличивающееся расстояние. Уже почти триста метров!

Яковлев прибегает к помощи оптической системы, встроенной в иллюминатор. Порядок! Иллюминатор американца обращен почти прямо на него. Значит, он наблюдает. Андрей решает послать весточку попавшему в беду американскому космонавту.

Он не может связаться с американцем по радио. Будь у него больше времени, он мог бы без труда согласовать радиочастоты. Но времени у него нет. Яковлев знает английский язык, это одна из причин, почему именно его

назначили пилотом «Востока-9». Трудно надеяться, что американец понимает по-русски.

Впрочем, всегда можно найти выход из положения. Яковлев знает английский, а все летчики, и уж, конечно, все космонавты, знают международный код — азбуку Морзе. К этому универсальному средству и прибегает Яковлев, стараясь установить связь с американцем.

Он нажимает пальцем на ключ и быстро отпускает его. Ждет несколько секунд, затем снова подает световой сигнал. Несколько раз он включает и выключает свет: американец обязательно поймет, что должен наблюдать за русским кораблем.

«Восток» гаснет и исчезает.

«Что за черт!»

Пруэтт поднимает руку, чтобы протереть глаза. Рука в перчатке звонко ударяется о лицевую шторку шлема, и это напоминает ему, что шторка опущена и защелкнута. Фу, какая глупость! Но он тут же забывает о смешной рассеянности и продолжает пристально вглядываться в темное пространство.

«Вот он... Это погасли фары! — досадует на себя Пруэтт. — Этот малый зачем-то выключил их...»

Без привычного слепящего света показалось, что корабль вдруг исчез в темноте.

Опять внезапная, слепящая вспышка.

И снова тьма.

Еще вспышка... и опять тьма.

«Эге, русский становится общительнее. Кажется, он хочет что-то сказать. Чертовски хочется как-нибудь ответить ему, только нечем... Стоп! В аварийном комплекте...»

Не отрывая взгляда от иллюминатора, Пруэтт торопливо роется в аварийном комплекте и достает маленький,

по мощный фонарик. «Вот уж никогда не думал, что эта штука мне пригодится...»

«Восток» снова пропадает в темноте.

Пруэтт подносит фонарик к иллюминатору капсулы. В перчатках неудобно, но ему удается несколько раз включить и выключить свет.

«Фонарь этот вряд ли рассчитан для передачи сигналов в космосе, но на таком расстоянии он годится. Ага, вот он сигналил...»

Пруэтт выпускает из рук фонарь и хватается планшет. Фонарь повис в воздухе.

«Точка, тире, тире, точка... точка, тире, точка... точка... точка, тире, тире, точка...»

«Восток», как яркая неоновая лампа, вспыхивает и пропадает в темноте. Пруэтт записывает сигналы.

П-Р-И-Г-О-Т-О-В-Ь-Т-Е-С-Ь

К

П-Е-Р-Е-С-А-Д-К-Е

В

М-О-И

К-О-Р-А-Б-Л-Ь

Пруэтт хватается фонарь, парящий в воздухе, и снова прижимает его к иллюминатору:

О-К-Е-И

К-О-Г-Д-А

Пруэтт оживает телом и душой.

«Может быть, мне все-таки удастся вырваться! За несколько часов до неминуемой смерти...»

Он внимательно разглядывает русский корабль. Тусклые струйки вылетают из носовых сопел — это автопилот корректирует ориентацию.

«Я обвиню этого парня, как брата после долгой разлуки, едва только он втащит меня в свою махину. И с удовольствием отправлюсь с ним домой кружным путем!»

Чувство избавления теплой волной захлестывает его. Нервный смех срывается с губ. «И вообще мне всегда хотелось посмотреть, как выглядят их корабли изнутри...»

П-Е-Р-Е-С-А-Д-К-А

П-Р-И-Б-Л-И-З-И-Т-Е-Л-Ь-Н-О

Ч-Е-Р-Е-З

Т-Р-И

Н-О-Л-Ь

М-И-Н-У-Т

Пруэтт нажимает и отпускает кнопку фонаря:

Я

Г-О-Т-О-В

Ж-Д-У

В-А-Ш-Е-Г-О

С-И-Г-Н-А-Л-А

и, подумав немного:

Т-О-В-А-Р-И-Щ

«Это даст ему понять, как я счастлив видеть его и эту громадную, прекрасную спасательную лодку...»

«Восток» снова начинает вспыхивать и гаснуть, как огромный сказочный светлячок.

Х-О-Р-О-Ш-О

—

Ж-Д-И-Т-Е

С-Л-Е-Д-У-Ю-Щ-Е-Г-О

С-О-О-Б-Щ-Е-Н-И-Я

Д-В-А
Н-О-Л-Ь
М-И-Н-У-Т

Пруэтт отвечает:

О-К-Е-И

Но русский еще не кончил разговора;

Е-С-Т-Ь

Л-И

К-И-С-Л-О-Р-О-Д-Н-Ы-И

Б-А-Л-Л-О-Н

Д-Л-Я

П-Е-Р-Е-Х-О-Д-А

Пруэтт старается ответить не только на этот вопрос о переносном кислородном баллоне, но и на другой, который может последовать.

Д-А

З-А-П-А-С

О-Д-И-Н

П-Я-Т-Ь

М-И-Н-У-Т

Космический светлячок продолжает мигать:

Х-О-Р-О-Ш-О

М-О-Ж-Е-Т-Е

Л-И

О-Т-К-Р-Ы-Т-Ь

Л-Ю-К

К-А-Б-И-Н-Ы

Американец отвечает:

Д-А

В-З-Р-Ы-В-Н-О-Й

С-И-С-Т-Е-М-О-Й

Фары вновь вспыхивают:

Б-У-Д-Е-Т-Е

П-Е-Р-Е-С-А-Ж-И-В-А-Т-Ь-С-Я

Д-Е-Р-Ж-А-С-Ь

З-А

М-О-Й

С-К-А-Ф-А-Н-Д-Р

Я

П-Р-И-М-Е-Н-Ю

Р-А-Н-Ц-Е-В-Ы-Й

Р-Е-А-К-Т-И-В-Н-Ы-Й

Д-В-И-Г-А-Т-Е-Л-Ь

К-О-Н-Е-Ц

Русский космонавт закончил передачу. Огни засияли, уже не мигая. У Пруэтта голова шла кругом. «Космонавт — черт возьми, как же я не узнал его имени! — явно собирается подойти совсем близко. Насколько я понимаю, он выйдет из своего корабля и с помощью ранцевого реактивного двигателя перелетит к капсуле. Тут я могу попасть в переplet!.. Видимо, мне придется вцепиться в него как-нибудь, а уж он дотащит и себя и меня ранцевой ракетой в свой корабль. Надеюсь, он толковый малый, не то... как еще там будет со скоростями — его корабль может далеко отнести, а баллончик у меня тощий... чего доброго, не хватит... А, какого черта ломать голо-

ву — это мой единственный шанс, жить мне так и так осталось мало...»

Русский корабль продолжал уходить все дальше. На фоне чернильного неба, усеянного звездами, «Восток» кажется странным и чуждым, кажется машиной, созданной не на Земле, не руками людей...

«А что если он?..»

Слабое потрескивание тока в наушниках шлема.

— ...отвечайте, «Меркурий-7». Говорит Мучеа. Мучеа вызывает «Меркурий-7». Как слышите, Седьмой?

«Черт возьми, они, наверное, давно вызывают меня!»

— Мучеа. Слышу вас хорошо.

— Хэлло, Дик. Как дела с горючим для легких?

— Дышать мне осталось пять часов, а потом начнется такое, без чего я бы с удовольствием обошелся! Повторяю, кислорода осталось на пять часов.

— Понятно, Седьмой. Мы ясно видим тебя с Иваном...

— Какое расстояние между нами сейчас?

— По радару около четырехсот метров.

— Черт побери! Значит, он действительно уходит. Вы прикинули, когда мы снова сблизимся? Что дает Годдард?

— Есть, Дик. Годдард сообщает, что начиная с этой точки ты начнешь снова нагонять — на спуске с апогея. Над полигоном Уайт-Сэндс русский будет совсем рядом — как на прошлом витке или чуть поближе. От этой точки до Бермудских островов он будет в самом выгодном положении для максимального сближения. Мы...

— Погодите, Мучеа. Лучше примите от меня сообщение для Мыса. Русский связался со мной по коду Морзе, используя бортовые фары. Я отвечал ему через иллюминатор фонарем из аварийного комплекта.

— Седьмой, вас понял, продолжайте.

— Он, очевидно, очень скоро пойдет на сближение,

полагаю, как только мы пройдем над Уайт-Сэндсом. Он спросил, есть ли у меня переносный баллон с кислородом. Я ответил, что у меня есть пятнадцатиминутный аварийный запас. И еще -- могу ли я открыть люк. Я ответил, что могу. Поняли меня?

— Продолжай, Дик. Мы записываем на ленту.

— Продолжаю. Судя по его сообщению, он собирается подойти поближе, выйти из корабля и перебраться ко мне с помощью индивидуального реактивного двигателя. Я полагаю, это нечто вроде ранцевой системы, с которой мы все еще копаемся. Мне придется прицепиться к его скафандру — не знаю, есть там у него фал, или трос, или что-нибудь в этом роде, — а он своей «персональной ракетой» доставит меня в свой корабль.

— О'кей. Принято...

— Да, еще одно. Я жду, когда он снова засигналил мне. Все время держу такую ориентацию, чтобы не терять его из виду. Когда...

— Слышимость ухудшается, Седьмой. Рекомендуем войти в связь с Вумерой.

— «Меркурий-7», говорит Вумера, слышим вас хорошо. Слышали ваше сообщение станции Мучеа по ретрансляции. Поняли, что у вас есть дополнительные сведения для Мыса.

— Есть, и очень важные... Я не знаю, как там подвигаются дела с Дагерти и «Джемини», но хочу, чтобы на Мысе поняли: я получил официальное приглашение прокатиться в здоровенном автобусе, который сейчас тут рядом со мной на верхотуре. И горю желанием пересечь в него. У меня осталось кислорода часов на пять — мало для полного душевного спокойствия.

— Вас поняли, Седьмой. Минуту погодите... Седьмой, говорит Вумера. Радар докладывает, что ваш корабль начал сближаться с советским. Повторяю, радар показы-

вает явное сближение «Меркурия» и «Востока». Сейчас между вами определено меньше четырехсот метров...

«Значит, снова подходит. Похоже, теперь будет полный порядок. Давай, Иван, или как там тебя зовут, подходи поближе. Мне не терпится пожать тебе лапу...»

— ...сильные помехи, Кэнтон. Повторите последнее сообщение.

— Седьмой, внимание. Повторяем — это сообщение только что получено с Мыса. Заканчивается предстартовый отсчет. «Джемини» хотят запустить на этом витке. Как понял?

«Просто не верится! Идут на выручку со всех сторон...»

— Понял вас, Кэнтон.

— Мыс приказывает ожидать очередного сообщения через станцию Гуаймас. Повторяю, сообщение будет передано вам станцией Гуаймас.

— Хорошо, Кэнтон. Слышимость ухудшается, но все же передаю. Надеюсь, вы меня примете. Русский заметно приближается. Расстояние — метров триста — триста пятьдесят. Он... погодите. Русский снова сигналит. Седьмой передачу закончил.

— О'кей, Гуаймас. Как дела?

— Седьмой. Заканчивается отсчет перед запуском ракеты «Титан» и капсулы «Джемини». Повторяю, все готово к запуску «Джемини». Мыс сообщает, что в момент старта «Джемини» вы будете над Южным Техасом. Как поняли?

— Слышу вас громко и ясно, Гуаймас. Это хорошие новости, очень хорошие.

— Мы так и надеялись, что ты не очень огорчишься, Седьмой. Для тебя дополнительное указание Мыса. Настрой резервную рацию УКВ для прямой связи с «Джемини». Повторяю: рация УКВ, стандартный канал, прямая связь с «Джемини».

— Понял, Гуаймас, продолжайте.

— Седьмой, радар показывает, что расстояние между тобой и твоим другом меньше двухсот метров, и сближение продолжается. Повторяю, расстояние меньше двухсот метров, сближение продолжается.

— Понял, Гуаймас. Русский передал кодом Морзе, что намерен пойти на сближение после прохождения Бермудских островов.

— Седьмой, для тебя указание с Мыса. Просят приготовиться содействовать пилоту «Джемини» в визуальном определении местоположения твоей капсулы и наблюдении за ней при попытке непосредственного randevu. На Мысе считают, что пилоту «Джемини» будет трудно обнаружить тебя визуально. Бортовой радар «Джемини» тебя засечет по сигналу ответчика твоей капсулы. А вот зрительная связь их тревожит. Они хотят знать, насколько эффективен был твой фонарь при связи с советским кораблем.

— Я не спрашивал у Ивана, Гуаймас. Но между нами было метров триста, если верить радару. Он разобрал мою морзянку без труда.

— Седьмой. Мы передадим ваш доклад на Мыс.

— Кажется, там совершенно уверены, что «Титан» стартует вовремя, верно?

— Да, уверены. Мы здесь сами слышим отсчет. Все идет как по маслу.

— Гуаймас, говорит Седьмой. Слышимость ухудшилась. Я — «Меркурий-7», переключаюсь на Мыс. Связь закончил.

«Ага! Вот и западный берег Америки! И скорость сближения отличная! Хорошо, что Москва вовремя передала координаты для переходного маневра. Без помощи Земли я ни за что не мог бы изменить орбиту. Итак, мы сблизимся после прохождения Бермудских островов. Превосходно!

Ох, не завидую американцу. Если что-нибудь не заладится... У него так мало кислорода... Но я надеюсь, все обойдется... Хотелось бы познакомиться с этим человеком. Какая у него выдержка перед лицом неминуемой гибели! Или почти неминуемой... не приди моя машина к нему на выручку.

Интересно было бы попробовать — каково это на орбите в таком тесном кораблике. Молодцы ребята! Это все равно, что пуститься через океан на плотике.

Что там на локаторе... полный порядок! Расстояние всего сто тридцать шесть метров. Мы отлично сближаемся, прямо как два поезда, сходящиеся на один путь. Посмотрим теперь график маневра...

Потерпи, дружище... Скоро встретимся!»

Под воздействием центробежной силы и силы притяжения два корабля все быстрее неслись над поверхностью Земли. В самом конце первого совместного витка они проскользнули над планетой в ста пятидесяти километрах южнее Сан-Диего. Багровое солнце уходило за горизонт на западе, на Землю надвигалась темнота.

Люди в Сан-Диего и в его окрестностях, щурясь, смотрели на небо. У некоторых в руках были бинокли. Многие показывали пальцем вверх. Они сознавали, что сейчас произойдет нечто необычайное — либо чудо, либо тра-

гедия. Они видели в небе тусклую-тусклую звездочку. Это бедняга Пруэтт. А вот и другой светлячок, такой яркий! Это, наверное, русский...

* *

— ... и он был настолько любезен, что согласился дать нам сегодня специальное интервью по поводу величайшей драмы, которая разыгрывается сейчас в космосе. Конгрессмен Гаррисон У. Блэт, республиканец, в течение ряда лет проявляет большой интерес к нашей национальной космической программе. Свою позицию конгрессмен сформулировал с исчерпывающей ясностью. Он выступает против значительной части наших мероприятий в деле освоения космоса.

— Совершенно верно! — рявкнул плотный человек, сидевший за столом напротив интервьюера.

Билл Джексон, известный комментатор ведущей вашингтонской телевизионной программы, не обращая внимания на попытку перебить его, продолжал говорить гладко и уверенно:

— Учитывая активную закулисную деятельность конгрессмена Блэта, наша станция считает, что он поможет нам разобраться в причинах неудачи, приковавшей космонавта Ричарда Пруэтта к орбите. В последнем сообщении, полученном перед самым началом интервью, говорится, что...

Оператор у контрольного пульта толкнул в бок сидевшего рядом инженера.

— У этого старого ублюдка язык как бритва, — сказал он. — Он просто слюной истекает — так ему хочется потреться. Мы с тобой, кажется, сегодня получим удовольствие.

— А он хоть понимает толк в этих делах?

— Ни черта! Он не сообразит что к чему, даже если «Титан» свалится ему на голову.

— Не понимаю... тогда какой смысл брать у него интервью?

— Э-э, этот мистер Горлопан — большая шишка. Он пользуется влиянием в конгрессе, не раз срывал ассигнования на космическую программу. Всякое дело, в котором мы не взяли верх над красными, выводит его из себя. Поэтому он любимчик правых. Видимо, он член общества Бэрча, но никто его еще не уличил — уж больно он ловко увиливает. Сигнал! Включаем...

— Конгрессмен Блэт, можете ли вы нам что-нибудь сказать о положении космонавта Пруэтта, прокомментировать то известие, которое мы только что услышали?

Голос конгрессмена был одновременно и скрипучим и медоточивым; Блэт с первых дней своей деятельности был мастер заигрывать с толпой, и объектив телевизионной камеры разогревал его не меньше, чем море человеческих лиц на митинге.

— Да, могу. Безусловно могу. Положение его, мистер Джексон, характеризуется тем, что он глупейшим образом обречен на гибель. Повторяю, глупейшим образом. То отчаянное положение, в которое он попал, является следствием общего порочного подхода к нашей космической программе и ...

Джексон поспешно перебил его:

— Мой вопрос относился, сэр, к возможности спасения его жизни.

— Ах вот как. Ладно! Но это же непосредственный результат того, о чем я говорил. Не думаю, чтобы была какая-нибудь надежда... нет, никакой надежды на спасение жизни этого бедняги вообще не осталось. На мой взгляд, мы должны смотреть фактам в лицо, да, смотреть

фактам в лицо и брать их таковыми, какие они есть, мистер Джексон, а не вводить в заблуждение всех добрых людей, которые думают об этом молодом человеке, тревожатся за него. Да! Этих добрых людей... — он принял самую величественную из своих поз и вперился взглядом в немигающий красный глазок телекамеры, — вводить в заблуждение больше нельзя!

— Вводить в заблуждение, конгрессмен?

— Совершенно верно, сэр, именно это я и хотел сказать — вводить в заблуждение. Я имею в виду всю эту чепуху о наших попытках спасти космонавта, запустив новый космический корабль! Как можно! Ведь мы еще не закончили пробу новой машины даже с дистанционным управлением! Вы же отлично знаете, мистер Джексон, я уверен, а вот наши слушатели, возможно, не знают, что мы не закончили беспилотных испытаний?

— Да, но...

— Какие тут могут быть «но», когда дело касается таких вещей, мистер Джексон! Управление по исследованию космоса заявило нам на заседании конгресса, что ракета и капсула будут готовы никак не раньше октября — ноября. Не раньше! — подчеркнул он с видом человека, обманутого в своих лучших чувствах. — Правительство вводит в заблуждение наш народ, когда говорит, что мы собираемся совершить чудо и вызволить космонавта, находящегося на волосок от гибели... В конце концов, мистер Джексон, мы еще ни разу не осуществили встречу двух кораблей в космосе. Мы ничего не понимаем в этом деле. И...

Он склонился вперед с таким видом, будто поверял своей аудитории какую-то тайну, и продолжал заговорщическим тоном:

— Ведь эта новая ракета-носитель, этот «Титан»,

просто опасна. Опасна! Она трясется, как старая стиральная машина. У нее слишком сильная вибрация, мистер Джексон, чтобы рисковать жизнью второго человека, отправляя его в этот дурацкий полет!

Блэт в совершенстве владел искусством паузы. Он грузно плюхнулся в кресло, являя собой картину скорби, и застиг стреляного воробья Джексона врасплох.

Несколько секунд длилось молчание. «Поймал, поймал, — торжествуяще подумал Блэт. — Щенок даже не успел подтянуть штаны. Телезрителей теперь за уши не оторвешь — будут слушать до конца. Очень, очень хорошо...» Он решил воспользоваться случаем. Теперь он обращался уже не к невидимой аудитории, а обрушился на Джексона, сделав его мишенью своих ударов. Конгрессмен Блэт прекрасно знал, что людям надо излить свой гнев, пусть уж лучше он уйдет в эту отдушину, чем будет нагнетаться, не находя выхода. Этот Джексон годится не хуже другого....

Блэт ткнул пальцем в сторону Джексона.

— А вам не приходила в голову мысль, а вы не задумывались над тем, мистер Джексон, что мы посылаем выполнять это задание человека неопытного, человека, который в космосе не бывал ни секунды? Если НАСА и в самом деле хочет, чтобы мы поверили в спасение молодого Пруэтта, то почему — почему, я вас спрашиваю, мы не посылаем на выручку человека опытного? Почему мы не посылаем нашего национального героя Джона Гленна, или Гордона Купера, или других людей, которые знают, что надо делать, чего можно ожидать в космосе? О, я скажу вам почему, сэр! Да потому, — продолжал он уже более добрым голосом, снова глядя в объектив, — что мы не осмеливаемся рисковать жизнью человека, хорошо известного всему нашему народу. Это вызовет всеобщее возмущение, и люди будут правы, осуждая чиновников,

ведающих нашей космической программой, и наше правительство. Вот вам ответ!

«Господи, — мысленно простонал Джексон, — он все поворачивает по-своему. Как же я сглупил, предоставив ему трибуну! Надо быстро вмешаться, надо увести его в сторону, поймать на чем-нибудь...»

— Конгрессмен, не могли бы вы сказать, почему мы потерпели неудачу с капсулой космонавта Пруэтта?

«Подсунуть ему такой вопрос, чтобы он запнулся, вцепиться ему в воротник и оттащить его от излюбленной темы».

— Да, сэр, могу. Плохое руководство. Вот причина. Все потому, что мы позволяем кучке людей, которым интересно только захватить выгодные должностишки, заниматься такими важными делами, вместо того чтобы...

— Простите, конгрессмен, — перебил его Джексон, — я говорил о самой капсуле. Как по-вашему, почему отказали тормозные двигатели?

«Ах ты, самонадеянный сопляк, опомнися, наконец; теперь надо держать с ним ухо востро».

— Что ж, молодой человек, если бы у вас было побольше опыта в этом деле...

«Эге, я угодил ему в слабое место!»

— ...то вы поняли бы, что с этим «Меркурием» у нас были одни неприятности. С самого начала одни неприятности...

— Не считите это за неуважение к вам, конгрессмен, но капсула выполнила все задания, и «Атлас»...

— О да, эта ракета-носитель! — прокаркал Блэт. — Это чудовище. Вот вам еще одно чудо — как это мы только не сожгли ни одного из наших чудесных ребят на борту этой штуки!

— Но она срабатывала, конгрессмен, при всех запусках почти безотказно!

— Вы ошибаетесь, мистер Джексон, вы жестоко ошибаетесь, молодой человек. Именно «Атлас» повинен в неизбежной гибели нашего замечательного космонавта, который сейчас, пока мы сидим вот здесь с вами, доживает свои последние часы... Именно «Атлас», сэр, всему виной. Если бы мы умели как следует управлять этой машиной, Ричард Пруэтт теперь был бы на пути к дому, цел и невредим! Да, цел и невредим... и именно сейчас был бы на пути к дому!

— Конгрессмен, ракета «Атлас», которая вывела Пруэтта на орбиту, сработала лучше, чем любая ракета, запущенная до этого, и...

«Давай, давай, лезь прямо в капкан, мой милый мальчик. Отлично!»

Конгрессмен шлепнул мясистой рукой по столу и выпрямился в кресле, ошетилившись от негодования. Он с сожалением поглядел на Джексона.

— Ваше заявление только показывает, мистер Джексон... хотя, разумеется, я вас в этом винить не могу... ваше заявление только доказывает, что вы попались на удочку правительства и его мальчишек на побегушках из НАСА. «Сработала лучше», как же! Уважаемый сэр, если ракета сработала так хорошо, как хочет уверить в том нашу добрейшую публику наше правительство, то почему, па-ачему в таком случае Пруэтт попал в беду?

Джексон было заговорил, но Блэт поднял руку.

— Не перебивайте меня, сэр. Это очень важно для выяснения наших позиций в этом диалоге...

«Не-ет, теперь верх мой, я тебя добью!»

— ...вы отдаете себе отчет, что из-за этого самого «Атласа» провалилась вся операция? Понимаете ли вы, мистер Джексон, что мы послали человека в космос, непростительно рискуя его жизнью? Чем мы можем оправдать посылку в космос такого прекрасного, такого вы-

дающегося человека, как Ричард Пруэтт, без достаточного количества кислорода? «Атлас» отказал, мистер Джексон, и наш космонавт не вернется, потому что он обречен из-за глупости официальных лиц и бездарности инженеров — обречен на гибель.

Он снизил тон и снова перешел на сладкие, доверительные интонации, словно выдавая страшный секрет.

— Почему «Атлас» не вывел космонавта Пруэтта на более низкую орбиту? Почему мы не смогли заставить ракету сделать это? Почему мы не предусмотрели возможности самостоятельного возвращения капсулы, без этих самых тормозных ракет, после четырех-пяти суток пребывания в космосе? «Атлас» на это оказался неспособен! — заорал он. — Мы не можем сколько-нибудь точно управлять этой глупой машиной. И именно поэтому космонавт Пруэтт обречен! Этот великолепный «Атлас», о котором вы говорите, — тут в голосе Блэта зазвучало презрение, — настолько превосходит, что закинул нашего космонавта на слишком высокую орбиту. И вот мы все являемся свидетелями этой ужасной трагедии, свидетелями страшных мук человека, обреченного на медленную смерть из-за глупости и некомпетентности наших руководителей...

Он замолчал и тяжело опустился в кресло, медленно покачивая головой.

— Конгрессмен Блэт, запуск осуществлен самым блестящим образом. «Атлас» доставил космический корабль «Меркурий-7» точно на запланированную орбиту и...

На физиономии Блэта появилась ледяная улыбка.

— Да, да, именно так. Позвольте мне выразиться вашими же словами, мистер Джексон. Вашими же словами. Вы сказали «точно на запланированную орбиту», верно? Да, да. И вы не находите странным, сэр, что именно эта запланированная орбита привела к тому, что запас кисло-

рода у космонавта кончается до его возвращения на Землю? Это, мистер Джексон, преступная халатность или глупость, и я убежден, что здесь имеет место и то, и другое. Мы преднамеренно, подчеркиваю — *преднамеренно* — подвергли Пруетта опасности... И сейчас мы горько сожалеем об этом, хотя, смею сказать, никто из нас не переживает эту трагедию так остро, как его бедные родители.

— Конгрессмен, не слишком ли вы торопитесь? В конце концов, там на орбите находится советский космический корабль... Как вы знаете, русские сейчас пытаются спасти нашего Пруетта...

Если бы змея умела улыбаться, то улыбку Блэта можно было бы назвать змеиной.

— Продолжайте.

— Вы слушали известия вместе с нами, конгрессмен. «Восток» сейчас приближается к нашей капсуле, и кроме того, на помощь майору Пруетту запускается «Джемини», который...

— Не отвлекайтесь, — резко перебил его Блэт и добавил уже мягче: — Поговорим об этом русском, которого вы упомянули.

— Видите ли...

— Не трудитесь, мистер Джексон. Я внесу полную ясность. Я весьма признателен вам за то, что вы затронули этот вопрос; и не только я, но и все те славные люди, которые нас сейчас слушают. О да, этот вопрос мы должны разобрать по косточкам, мы должны раскрыть предательство, которое здесь таится.

Он выпаливал фразу за фразой, не давая своему собеседнику вставить ни слова.

— Разве не странно, — обращался он к объективу, совершенно игнорируя комментатора, — что нас поставили в такое положение, при котором мы вынуждены про-

силь Советский Союз о спасении жизни американца? Вы не находите зловещим — да, зловещим! — что весь мир видит, как Соединенные Штаты Америки, великая и могучая страна, совершенно неспособны спасти одного из своих граждан? Разве мы не унижены тем, что вынуждены лгать своему народу и народам всего мира из-за собственной слабости и неудач?

Его лапища снова с треском ударила по столу — теперь он делал, что хотел, и голос его гремел мощно и уверенно.

— Я говорю всем вам, что в нашем правительстве есть люди, которые продали нас — всех нас, и вас, и меня, и других, — люди, которые стали на путь измены. Мы стали посмешищем в глазах всего мира, который видит, как Советский Союз доказывает, что может спасти жизнь нашего космонавта, в то время как мы способны только публиковать коммюнике и заниматься бессмысленной болтовней! Когда это началось? Кто нас предал? Я прошу всех вас ответить на этот грозный вопрос...

Он повернулся к журналисту, голос его стал резким и скрипучим.

— Я скажу, мистер Джексон, вам и всем добрым американцам, что я намерен сделать. Я намерен потребовать, чтобы Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности начала немедленное расследование, *немедленное*, говорю я вам... всего этого грязного дела. Потому что налицо полный провал, роковая слабость, и только этим можно объяснить, почему сейчас родители молодого Пруэтта ждут, бессильно терзаясь, когда истекнут последние медлительные часы...

— ...выполняю. Я включу резервные часы по вашему сигналу в момент взлета «Джемини».

— Седьмой, я — Мыс. О'кей, Дик. Повтори режим управления на время взлета «Джемини».

— Мыс, я — Седьмой, я сориентирую капсулу тыльной частью в сторону движения и круто наклоню ее, чтобы попробовать увидеть ракету. Как идет отсчет?

— Все на мази, Седьмой. Осталось чуть побольше трех минут до старта.

— Понял, Спенс. Мой русский друг плывет позади; похоже, он довольно близко. Как там по радару?

— Седьмой, я Мыс. Радар показывает, что между вами шестьдесят метров. Но он движется слишком быстро, да и угол между вашими траекториями слишком велик, чтобы начать сейчас сближение. Годдард считает, что ему придется подождать, пока вы пройдете Бермудские острова — там он сможет поравняться с тобой.

— Да, отсюда на глазок тоже так кажется...

— Ясно, Седьмой. Осталось две минуты до старта «Джемини». Все идет как по маслу. Без запинок. Тут все за тебя «болеют», дружище.

— Приятно слышать, Мыс. Я...

— «Меркурий-7», Дик — это я, Джордж Кейт.

— Привет, дядя Джордж!

— Дик, осталась минута или около этого. Теперь слушай меня внимательно. Независимо от того, как получится с Дагерти, понял — независимо, я не хочу, чтобы ты сделал какую-нибудь ошибку и упустил верный случай. Если твой русский друг подойдет вплотную и постучится к тебе, — даже если у Дагерти все будет в порядке, даже если он будет сближаться с тобой и пересадка к нему покажется тебе верным делом — *я хочу, чтобы ты отправился с русским.* Ясно?

— Конечно, Джордж, но...

— Никаких «но». Я приказываю тебе отправиться с

русским, если он будет в состоянии взять тебя на борт. У тебя слишком мало времени и кислорода...

— Будто я этого не знаю!

— Значит, так и делай. Отправишься с Иваном, если дело обернется таким образом. Переключаю тебя на Спенса. Я... да поможет тебе бог, Дик!

Пруэтт на миг приуныл — это сказал *сам* Кейт...

— Мыс вызывает Седьмого.

— Да-да... Давай, Спенс.

— Седьмой, до старта осталось совсем немного. Подключаю линию бункера, ты сам слушай отсчет. Без крайней необходимости тебя вызывать не буду, но ты вызывай, как только понадобится.

— О'кей, Спенс.

— Ладно. До старта осталось двадцать секунд...

Приятнее возгласа «Пуск!», на миг заглушившего потрескивание в наушниках, Пруэтт никогда ничего не слышал.

—

Пруэтт повернул капсулу вокруг продольной оси на сто восемьдесят градусов. Затем он опустил ее нос так, чтобы можно было видеть длинную, узкую южную часть полуострова Флорида. Окажись он в таком положении — «вверх ногами» — на Земле, ему было бы не очень-то удобно. Здесь же, в царстве вечной невесомости, это не имело никакого значения.

Мир внизу тонул в чернильной мгле. Впрочем, не совсем. Пруэтт различал тусклые огоньки. Это, должно быть... да, это была Тампа, это ее свет пробивался сквозь низкие облака. Пруэтт повернул капсулу на несколько градусов вправо, и в иллюминаторе появился южный берег полуострова. Ошибки быть не могло. Майами, Майами-Бич и прибрежные городки слились внизу в светящееся оранжевое ожерелье; на расстоянии в полторы сотни километров сквозь толщу атмосферы оно казалось тусклым и расплывчатым, но не узнать его было невозможно.

Пруэтт чуть тронул рукоятку управления — капсула повернулась вокруг продольной оси и остановилась в нужном положении. Он включил автопилот и стал пристально всматриваться в участок берега, где должен был находиться полигон. Не найдя среди множества одинаковых огоньков нужного ему, он нетерпеливо схватил бинокль, быстро навел его на яркую звезду, висевшую над самым горизонтом, и сразу перевел взгляд вниз.

Вот она!

Это была тончайшая полоска бледно-фиолетового пламени. Длинная розоватая шелковинка, окаймленная... нет, он не мог определить — было ли сияние вокруг это-

го язычка пламени зеленоватым или другого цвета, но это уже было неважно. Прюзт не сомневался, что это ракета. Он бросил взгляд на таймер. Все идет по графику с точностью до секунды. Пламя исчезло далеко впереди, описав дугу над бездонной чернотой океана.

Оно вскоре возникло вновь, но уже другим — далекой призрачной вспышкой, похожей на совершенно беззвучный всплеск. Он знал, что это за вспышка, хотя прежде никогда ничего подобного не видел. Он знал, потому что услышал в наушниках возглас Джима Дагерти: «Отсечка!», донесшийся словно через расстояние в миллион километров. И тотчас шелестящие голоса людей, следивших за показаниями электронных машин, подтвердили это событие. Но еще до того, как Прюзт услышал слова, торжествующе возвестившие, что вторая ступень «Титана» начала свою короткую огненную жизнь, он увидел ослабленный расстоянием признак — пламя, ударившее назад, охватившее отброшенную оболочку пустой и ненужной уже первой ступени ракеты, увидел самый момент отбрасывания. А затем за ракетой возник светящийся шар, разраставшийся с каждым мгновением все шире и шире. Не сдерживаемый оставшейся ниже толщей воздуха поток неистовствующих раскаленных газов беззвучно разлетался во все стороны, образуя фантастический сфероид, поверхность и нутро которого переливались, отражая свет пламенеющей ракеты.

Из всех космических чудес, которых Прюзт насмотрелся за пять суток, ничто даже отдаленно не напоминало это феерическое зрелище. Ему казалось, будто он воочию видит какой-то из процессов творения самой жизни.

Пламя позади набравшей скорость ракеты, которая теперь уже летела в вакууме, растянулось на много, много километров, как хвост кометы. Оно толкало все еще невидимую ракету и космический корабль на ее верши-

не к тому «игольному ушку», в которое они должны были проскочить, чтобы попасть под власть движущих сил орбитальной механики.

Пруэтт стремительно приближался к разраставшемуся пламенному цветку — ведь его корабль летел с полной орбитальной скоростью, а ракета, которую он видел перед собой, еще только боролась за достижение этой скорости.

Теперь он смотрел на пламенный хвост ракеты без бинокля: ему хотелось получить представление о расстоянии и перспективе. Ракета была еще внизу, когда он обогнал ее, но затем вдруг, пока он вглядывался в сказочное множество огоньков, плавающих в черной чаше бесконечности, она уже оказалась на той же высоте, что и его капсула, только позади, ближе к Мысу.

И тут пламя исчезло. Пруэтт торопливо прибавил громкость приемника и напряженно прислушался.

И лицо его расплылось в широкой, до ушей, улыбке...

Даже свирепо сдвинутые брови и ледяной неодобрительный взгляд Джорджа Кейта не могли сдержать взрыва радости, сменившей напряженное ожидание на командном пункте «Меркурия».

— Он вышел, вышел!

— Ну до чего же хороша, стерва, ну какая же молодчина, наша ракета!

— Буквально в замочную скважину прошла!

— Чертовка, вышла точнехонько!

Двое, крепко обнявшись, пустились в пляс возле своих столов. Другие хлопали друг друга по спинам и плечам — радость рвалась наружу, словно полая вода, прорвавшая дамбу. Дагерти на верхней ступени «Титана» продел нитку в ушко космической иголки так точно, буд-

то занимался этим всю жизнь... Где же, черт возьми, доклад Годдарда о расстоянии между кораблями по данным радаров?! Ему нужны факты...

Джордж Кейт схватил со стола микрофон и переключил его на громкоговоритель.

— Джентльмены... ДЖЕНТЛЬМЕНЫ!

Он подождал, пока шум не стих.

— Если вы уже покончили с этой демонстрацией своих...

Он увидел смущенные лица.

И много улыбок.

— Это еще не победа. Пока еще не победа. Для победы нужно еще проявить немало умения, еще нужна удача. Так что давайте-ка работать.

Он щелкнул тумблером.

— Джордж! Поглядите на табло!

Вот оно, наконец, подтверждение счетных машин — большие светящиеся, замечательные цифры! Джим Дагерти — менее чем в пятнадцати километрах от «Меркурия-7»!

И Джордж Кейт уже не мог сдержаться. Он снова схватил микрофон.

— А ну, крикнем тихо «ура»!

Громадная комната осветилась улыбками.

* * *

— «Победа», я — «Восток-9».

— Говорит судно «Победа». Слышу вас хорошо, товарищ Яковлев.

— На моем локаторе вижу странные сигналы. В направлении американской капсулы появились... два новых объекта. «Меркурий» я пока распознаю безошибочно. Но на его уровне, примерно в семнадцати километ-

рах, вижу другой, очень четкий объект. И еще один объект, гораздо слабее и дальше от меня. И потом он как будто уходит вниз, к Земле. Можете объяснить, в чем дело?

— «Восток-9», я — «Победа». Наш локатор подтверждает ваши наблюдения. Вам нужны данные об азимуте и расстоянии?

— «Победа», я — «Восток». Нет! Нет! Я прошу объяснить, что это за объекты. Американцы явно запустили на орбиту что-то новое. Какие у вас сведения об этом?

— «Восток-9», ожидайте...

Советский космонавт нетерпеливо взглянул на часы. Через несколько минут он должен приступить к завершающему маневру и пойти на сближение...

— «Победа» вызывает «Восток-9». Как слышите?

— Ну, давай же, браток!

— «Восток-9», мы записали американскую радиопередачу. По всем программам передается специальное сообщение. В нем...

— Да не тяни ты...

— ...в нем говорится, что американцы успешно вывели на орбиту космический корабль «Джемини» и что...

— ПОВТОРИ!

— Американцы утверждают, товарищ Яковлев, что они вывели на орбиту еще один космический корабль. Они также говорят, что попытаются снять космонавта с аварийной капсулы «Меркурий» и...

— Видно, так оно и есть. На орбите определенно что-то появилось!

— Понятно, товарищ Яковлев. Вы хотите, чтобы мы запросили московский Центр?

— Я уверен, что это совершенно бесполезно... хотя погодите. Сообщите, что через... гм... три минуты я иду на сближение с американским космонавтом.

— Хорошо, товарищ Яковлев, Но по данным локатора рекомендуем задержать начало маневра еще на четыре минуты. Получены уточненные данные слежения. Через семь минут ваш корабль достигнет точки, где потребуется наименьший расход топлива. В зоне приема другого океанского судна вы будете через пять минут, там помогут вам с отсчетом.

— «Восток-9» связь окончил.

Яковлев взглянул на приборы. Батареи! Наружные прожекторы корабля берут слишком много энергии. Он щелкнул тумблером и выключил их...

Стрелка хронометра не спеша обегала циферблат.

«Через шесть минут, значит...»

Он всмотрелся в экран локатора. Вторая цель — то, что они называют «Джемини», — она...

Она приближалась — и очень быстро!

Яркий свет внезапно погас. Джим Дагерти не обратил на это внимания. «Восток» его не интересовал...

— «Меркурий», я — «Джемини». Как слышишь меня, Дик?

— Как колокола в воскресное утро, «Джемини». Как дела?

— Пока еще не прыгай от радости, Дик, но дела неплохи. Бортовой радар показывает около пятнадцати километров, и Бермуды передали мне подтверждение из Годдарда.

— Я слышал, как вы говорили. А когда мы с тобой стукнемся буферами?

— Не тереби меня, мальчик. У меня еще уйма дел... гм, скоро я что-нибудь придумаю. А сейчас погоди минуту, Дик, мы проходим над Канарскими островами, и мне

нужно свериться с радаром, прежде чем я подстегну свою лошадку.

— Не спеши, но поторапливайся. Мне не терпится увидеть твою рожу, морковная башка.

— Отвяжись... О'кей, не прекращай связи, жди вызова.

Пруэтт молчал и слушал.

— Канарские, я — «Джемини». Отвечайте, Канарские.

— «Джемини», говорят Канарские. Запишите скорость и координаты, полученные от Годдарда.

— Ясно, Канарские. Передавайте.

— Слушай, «Джемини». Годдард советует немного скорректировать плоскость орбиты. Там считают, что после этого смогут вывести тебя точно на курс сближения с «Меркурием». Готов записывать?

— Готов, Канарские.

— Внимание. Маневр на коррекцию плоскости орбиты провести так...

Джим Дагерти проделывал все операции неторопливо, стремясь не допустить даже небольшой ошибки, которая могла бы отбросить «Джемини» слишком далеко от нужной плоскости орбиты — настолько далеко, может быть, что он уже не успеет вовремя вернуться в нужное положение. Поэтому он выполнял все с педантичной тщательностью, трижды проверяя себя.

Джим сидел, притянутый ремнями к креслу капсулы. Она напоминала ему кабину учебного двухместного истребителя TF-102A, на котором он когда-то летал. В «Джемини» так же просторно, нет ощущения тесноты и скованности, как в «Меркурии».

Его кресло было слева. Прямо перед ним поблескивали шкалы приборов управления полетом и индикаторов времени. Правее, перед пустым креслом второго пилота, была точно такая же панель. Слева от Дагерти была ру-

коятка управления двигателями маневрирования. Эта рукоятка, подключенная к автопилоту «Джемини», была, *должна была стать* спасительницей его друга. Она управляла системой ориентации и маневрирования капсулы. В эту систему входили восемь ракетных двигателей маневрирования с силой тяги в сорок пять килограммов каждый, позволявшие ускорять движение капсулы, тормозить ее и перемещать в поперечном направлении. Кроме того, восемь двигателей меньшей мощности управляли ориентацией. От Дагерти требовалось только одно — с безупречным мастерством управлять всеми этими двигателями. Они могли вывести капсулу в любое положение, нужное для непосредственной встречи с «Меркурием».

Но у Дагерти не было времени для вывода «Джемини» на такую орбиту, где можно было бы спокойно подождать денек-другой, пока «Меркурий» подойдет и окажется рядом. У него практически вообще не было времени.

Зато у него был надежный помощник. На борту капсулы было установлено небольшое, но необычайно универсальное счетно-решающее устройство. Оно было сердцем сложной инерциальной системы наведения, специально приспособленной для решения тех задач рандеву и стыковки, для которых этот двухместный корабль был сконструирован. И пока у Дагерти не было зрительных ориентиров для ручного управления подходом к «Меркурию», вся надежда была на это устройство и подчиненные ему системы.

Небольшой, но мощный радар обозревал пространство перед капсулой. Найти цель в такой огромной пустыне было чрезвычайно трудной задачей для бортового радара, но она значительно облегчалась тем, что можно было ориентироваться по сигналам ответчика «Меркурия». Этот слабый электронный голосок почти беспрерыв-

но сигнализировал о положении капсулы Пруэтта. Он помогал точным наземным радарам находить капсулу и прослеживать ее путь, когда она пулей проносилась над ними...

Дагерти в сотый раз посмотрел в иллюминатор, находившийся прямо перед ним... Не видно «Меркурия» Еще слишком далеко. Нет смысла понапрасну таращить глаза — нет у него времени на это. Он...

— «Джемини», я — «Меркурий». Как дела, дружище?

— В твоём голосе звучит нетерпение, космонавт. Подтяни штаны и отдыхай пока. Только что изменил плоскость орбиты. По радару между нами около тринадцати километров. Мне некогда — тычу пальцем в клавиши счетной машины... Собираюсь крутануть капсулу прямо на встречный курс. Лучшего момента, чем сейчас, у меня не будет.

— Неохота прерывать такую красивую речь, морковная твоя башка, но ты все-таки прищпорь свою лошадку.

Дагерти замер:

— Почему?

— Да потому, что Иван, кажется, хочет выручить меня раньше твоей легкой кавалерии. Я только что развертывался и смотрел — он определенно опять включил тягу.

— Далеко он?

— Трудно сказать. Думаю, метрах в ста или ста десяти. У него, по-видимому, какие-то неполадки в носовых соплах — они что-то больно часто включаются и выключаются.

— Он еще сигнализировал?

— Нет. Наверно, сильно истощил батареи, теперь поддерживается. Слушай, а ты нас уже видишь?

— Нет. Правда, я не очень-то и вглядывался. А ты?

— Тоже нет. Вот и сейчас смотрю в твою сторону, но ничего не вижу.

— Понял. Подожди-ка, Дик. Мне нужно сейчас подтолкнуть свою колымагу.

— О'кей, заводи ее, морковная башка.

Дагерти не ответил. Ему было бы куда легче, если бы станции слежения «Джемини» уже вошли в строй, но там еще меняли оборудование и перестраивали глобальную сеть, когда было принято решение о запуске «Меркурия». А то бы он непрерывно получал поправки от наземных радаров. Помогла ему только станция на Бермудских островах, но теперь подсказки ожидать можно было не скоро.

Все сейчас зависело от бортовой вычислительной машины. Если бы ему удалось срезать небольшой участок кривой по хорде, он подошел бы к Пруэтту быстро и точно. Он улыбнулся — получилось бы как у кавалерийского отряда, преследующего индейцев, — вместо того, чтобы идти за ними по пятам, выйти через горы им наперерез.

Дагерти взглянул на показания вычислительной машины и радостно вскрикнул. Отличная позиция — лучше не будет. Он быстро отстучал на клавишах кодированное задание машине: какое изменение скорости и угловое смещение нужны, чтобы выполнить задуманный им решающий бросок «Джемини» для «столкновения» с «Меркурием». Машина пережевывала задание, а Дагерти с нетерпением ждал... И вдруг сообразил: «Бог мой, я ведь еще не успел толком почувствовать невесомость... А какой вид!.. Какие звезды необыкновенные! Я не представлял себе... Впрочем, хватит — некогда мне сейчас. Давай-ка, робот, выкладывай...»

— Как дела, Джим? — Голос Пруэтта звучал слишком спокойно, даже монотонно. Бедняга, наверно, совсем издергался... все время между жизнью и смертью...

— Порядок, Дик. Мой робот «Чарли» вот-вот подаст голос, и я начну орудовать. Как там Иван?

— Метрах в семидесяти. Он приближается, но не очень быстро. У него дурят носовые двигатели, теперь уж это ясно. Но парень, видимо, толковый. Мастерски компенсирует другими...

Пауза.

— ...по-моему, он еще слишком далеко, чтобы сманеврировать напрямую ко мне. Он же должен быть уверен, что его не отнесет, когда он выключит все двигатели. Он... Христа ради, поторопись, Джим!

— Скоро буду... Не выключайся.

На вычислительной машине вспыхнули лампочки. Вот они — расчетные координаты положения капсулы относительно всех трех осей, для каждой на своем индикаторе.

«Так... теперь развернем нашу птичку как нужно и подготовим ее к броску». Дагерти сжал рукоятку управления ориентацией и включил сопла, чтобы перевести капсулу в положение, рассчитанное вычислительной машиной. Для надежности он перешел на автоматическую ориентацию по линии горизонта. Автопилот тотчас же подключился к инфракрасным датчикам горизонта и взял на себя управление по крену и наклону продольной оси.

— Порядок, дружище. Сейчас запускаю двигатели. Постарайся засечь меня визуально, если сможешь.

— Понял, «Джемини».

Голос Прюзтта ему не понравился. Видно, снова упало настроение.

Дагерти включил двигатели маневрирования на полную мощность. Девяносто килограммов тяги бросили капсулу вперед мягко, но решительно. Кабина задрожала от приглушенного грома. Космонавт держал руку на рычаге ручного выключения тяги, поглядывал на часы, следил за показаниями гироскопов и был абсолютно уверен, что все идет как следует.

— Кавалерия на марше, «Меркурий»...

— Понял... вижу тебя, Джим. Вернее, твои двигатели — они очень красиво светятся. Подстегни свою кобылку, друг.

«Вот теперь он воспрянул духом...»

— Не прекращай связи, Дик... О'кей! Выключил двигатели. Получил коррекционную прибавку скорости на пятьдесят метров в секунду... Эй! — Он повысил голос. — Радар показывает, что расстояние между нами меньше полутора километров! Ты меня видишь?

Пруэтт засмеялся, его голос звучал возбужденно:

— Впился в тебя, «Джемини», не свожу глаз. Сомнения быть не может. На этот раз ты выглядишь неясной светящейся точкой, но я вижу, как ты движешься на фоне звезд. Глянул в бинокль, и ты, ей-богу, мне очень понравился!

— Ясно, Дик. Я что-то вижу через иллюминатор, но не знаю, ты это или Иван. Что подделывает наш друг?

— Минутку... Сейчас накроюсь и погляжу... Он метрах в пятидесяти. Сопла не работают — нет, сейчас снова включились. Его, видно, замучили носовые двигатели. Он пытается подойти боком, так мне кажется. Он то и дело включает и выключает...

— Дик...

— Да, Джим.

— Если Иван подойдет, отправляйся с ним. Понял?

— Заткнись, морковная башка. Гони сюда своего осла, быстро.

— Не валяй дурака!

— Меньше работай языком и нажимай свои кнопки.

— Ладно, ладно...

Он включил систему маневрирования на положение готовности и посмотрел на показания вычислительной машины. Она обрабатывала новые данные радара и пере-

считывала... В прорезях появился ответ — увеличить скорость на шесть метров в секунду.

Дагерти ломал голову: «Пошла она к черту. Я свою капсулу хорошо знаю; этак я буду подползать сантиметр за сантиметром. Нет, пожалуй, рискну...»

Он набрал команду на приращение скорости вместо шести на двенадцать метров в секунду, включил автопилот. Потом занес руку над тумблером зажигания двигателей и... заколебался.

— Седьмой, выходи на связь.

— Я здесь, Джим.

— Теперь слушай внимательно. Я хочу вдвое превзойти рекомендацию моего «робота» насчет увеличения скорости. Он выдает все решения с расчетом на экономию топлива. А у меня топлива хватит. Если я рвану со скоростью двенадцать метров в секунду, то выйду вплотную к тебе и заторможу носовыми двигателями. Но мне нужно, обязательно нужно *увидеть* тебя. Радар на таком расстоянии подведет, а я не хочу проскочить мимо. Есть у тебя какие-нибудь соображения?

— Да, я тоже над этим думал и решил, что нам помогут ракеты из аварийного комплекта. Я разверну капсулу боком в твою сторону и включу автопилот. Затем вышибу люк и...

— Что?!

— Заткнись! Я уже справил воздух из кабины. Немного неловко в скафандре, сильно раздулся. Вот я малость сбавил давление в скафандре, стало полегче. Сейчас рвану люк. Надеюсь, автопилот удержит капсулу в прежней ориентации. Я дам две ракеты — одну вверх, градусов на сорок пять, другую вниз. Ты их обязательно увидишь. Меться в серединку — тут я и буду. О'кей, люк пошел!..

Пруэтт поднатужился, преодолевая сковывающее давление в скафандре, и дотянулся до взрывного тросика

люка. Обхватив тросик тремя пальцами, он с силой дернул его.

Капсулу резко качнуло. Кабина заполнилась паром, мгновенно превратившимся в иней. Затаив дыхание, он смотрел, как крышка люка слетела и ушла в сторону. Перед ним разверзлась бездна.

Внезапно ему стало холодно, словно его коснулась чья-то враждебная ледяная рука. «Это все игра воображения. Встряхнись, возьми себя в руки, Пруэтт! Тебе сейчас раскисать нельзя...»

Он взял ракетницу обеими руками, просунул ее в люк, направил вверх и нажал...

«В чем дело?.. С американцем что-то случилось... Не пойму. А-а, наверно... ну да, конечно, он вышиб люк. А у меня, как на зло, барахлят носовые струйные рули. Мне еще метров пятьдесят-шестьдесят до него. Далековато. А второй американец подходит все ближе. Молодец, здорово идет на сближение, просто мастер! А это еще что? Ракеты!»

Андрей Яковлев восхищенно улыбнулся.

«Если я сейчас не рвану к нему, тот американец подойдет первым. Конечно, обидно. Но суть не в этом... Я хочу выручить этого парня, спасти...». Он сделал движение кистью, включая двигатели. «Восток» скользнул вперед, но тут же нос его резко закинуло в сторону. Яковлев горестно выругался.

* * *

Дагерти включил зажигание. Капсула содрогнулась и рванулась вперед. Он напряженно вглядывался в тьму, ожидая сигнала.

«Ракета!»

Словно по волшебству во мгле возник шарик багрового пламени и превратился в огненную стрелу, которая пролетела над Дагерти. «А вот и вторая ракета! Теперь нацелимся в ту точку, откуда она вылетела. Кажется, я его уже вижу... чертовщина, ничего толком не разобрать...»

— Седьмой! Пусти еще одну!

Дагерти «вырубил» автопилот и перешел на ручное управление. Совсем как, бывало, в истребителе... Затем выключил двигатели и приготовился к торможению...

И тут впереди, словно беззвучный взрыв, вспыхнул ослепительно яркий свет. «Что за...» Это «Восток» зажег свои мощные прожекторы, и в их голубоватом сиянии Дагерти с абсолютной ясностью увидел «Меркурий»: половина поверхности капсулы отражала свет русских прожекторов.

— Седьмой, отставить ракету! Иван помогает нам; теперь ты виден как на ладони! Иду к тебе напрямую.

«Благослови тебя бог, кто бы ты ни был там, в этом корабле... Ты выручаешь нас и, может быть, спасаешь жизнь Пруэтту».

Яковлев сразу понял, что хочет сделать второй американец. Видя, как быстро приближается «Джемини» к «Меркурию», русский космонавт понял также, что сейчас американец в более выгодном положении. И есть возможность помочь ему. Андрей широко улыбнулся: для американцев, конечно, это будет неожиданностью, но здорово облегчит им выполнение сложной задачи.

Громадный русский корабль развернулся боком к «Меркурию». Яковлев посмотрел в иллюминатор, прикинул расстояние и включил прожекторы. И американская капсула засверкала в их свете.

«Вот! Получайте, мои американские друзья. Теперь вам будет нетрудно встретиться. А я побуду рядом и посмотрю. Может, я еще пригожусь».

Дагерти потянул на себя рукоятку. Тонкие струйки пламени стрельнули вперед, тело космонавта повисло на ремнях. Капсулу затрясло. Она постепенно сбавляла скорость.

«Чуть вправо... Есть, теперь опустить нос пониже, так.., а теперь чуть накрениться. Хорошо! Ну и повороти-лива же моя тележка — прямо как кот на льду... А вот и Дик! Черт возьми, ловко я срезал по хорде... Двигатели выключаю... нет, еще чуть-чуть. Очень, очень хорошо... Так, а теперь подправим ориентацию...»

«Джемни» слегка накренился, повинаясь толчку двигателей, и, плавно притормозив, остановился рядом с «Меркурием». Обе капсулы продолжали свой полет по орбите, но это не имело никакого значения для их положения относительно друг друга. Ведь люди на Земле тоже не замечают, что их планета движется по орбите вокруг Солнца с громадной скоростью!

— До чего ж ты красив сейчас, морковная башка!

— И мне приятно тебя видеть... Да, Дик, я выключил все двигатели. Присмотрись — как, по-твоему, нас не относит друг от друга?

— Погоди... нет, не замечаю. Черт побери, да ты чуть не уселся прямо на меня!

— Ладно, дружище. Теперь возьмемся за главное. Пора кончать эту волюнку. Иван здорово помогает нам своими лампочками.

— Еще как!

— Ну, приступим. Ты отстегнул ремни?

— Все ремни отстегнуты. Люк открыт. Двигатели

выключены. Почти все системы обесточены. Вроде пакости ждать неоткуда... Одну секунду... Так. Кислородный баллон готов, приладил его к ноге. Вентиль проверил. Утечки нет. Шланг соединил со скафандром, герметизация полная. Выпускной клапан, разумеется, оставил открытым. Пока баллон не открываю... Когда ты доберешься до меня, я отсоединю шланг кабины и начну дышать из баллона. Я слежу за тобой. Как только дашь последний сигнал по радио, начну готовиться к встрече.

— Понял, Дик.

— Нет, подожди. Когда ты будешь у люка, я оттолкнусь от панели изо всех сил. Но мне все-таки понадобится помощь, чтобы выбраться отсюда. Очень уж душит скафандр. Боюсь, трудно будет протиснуться в люк.

— Не беспокойся, все будет в порядке. А теперь послушай, что буду делать я...

Джим Дагерти действовал быстро. Из инструментального отсека он достал длинный тонкий страховочный трос, который мог выдержать резкие колебания температуры, не теряя гибкости и прочности. Наклонился и защелкнул стальной карабин на перекладине, вделанной в его кресло под сиденьем. Затем изо всех сил дернул за трос; карабин сидел надежно.

Удостоверившись, что на тросе нет узлов, Дагерти пропустил его в два кольца, вшитых в ремни, надетые поверх скафандра. Пропустив еще метра четыре троса сквозь последнее кольцо, он закрепил трос на снаряжении карабинами.

Еще не сбросив давление в кабине, он притянул хомутами с зажимами к левой ноге кислородный баллон. Потом отсоединил и перекрыл шланг, по которому до сих пор поступал кислород, и присоединил к входному отверстию скафандра шланг баллона, надежно защелкнув муфту. Подергал за шланг — крепко ли держится, и повернул рукоятку вентиля. Кислород пошел из баллона в скафандр. Глянул на манометр — давление есть.

Он сделал глубокий вдох и приказал себе действовать хладнокровно и четко. Сейчас любая ошибка могла стать роковой...

Он еще раз посмотрел на приборы. Все двигатели выключены. Взглянул в носовой иллюминатор: капсула как будто не отошла от «Меркурия». «Слава богу — никакого сноса не видно. Все в порядке...»

Дагерти отстегнул ремни, и тело его всплыло над креслом. «О'кей, поехали...»

— Прерываю связь.

Он не стал дожидаться ответа и выдернул штепсель электрического кабеля из скафандра. Затем взялся за рукоятку и медленно потянул ее к себе. До него донесся гулкий шипящий звук, быстро стихший, — это воздух из кабины вырвался наружу, в вакуум. И одновременно с падением давления в кабине раздулся скафандр, стиснув тело. Он взглянул на манжет, охватывавший запястье. Стрелка на манометре скафандра дошла до нужной черты.

Дагерти взглянул на приборную доску. Давление в кабине было равно нулю.

Упершись ногами, он прижался спиной к креслу, дотянулся до небольшого штурвала запорного механизма люка и начал вращать его влево. Десять стопорных собачек, запиравших крышку люка кабины, ослабили свою хватку. Отвернув штурвал до упора, Джим начал давить на крышку. Нижний край ее стронулся с места. Он продолжал давить. Внизу появилась тоненькая черная полоска — это уже была космическая бездна.

Люк продолжал открываться. Дагерти опустил ноги, нащупал ими кресло и начал медленно распрямляться, не переставая давить на люк.

Наконец, крышка люка полностью откинулась вверх. Дагерти встал на ноги...

«...нет, врешь, ты не стоишь. Под ногами у тебя пустота». Он висел, не доставая ногами до поверхности кресла. «...Медленней, осторожней, в невесомости ошибочных движений делать нельзя... Не забывай о законе равенства действия и противодействия... Не делай резких движений, не то тебя крутанет в обратную сторону... Осторожней!»

Он выглянул наружу... Голова пошла кругом.

«Это... это невообразимо!»

Мириады обнаженных звезд смотрели на него... Он вдруг почувствовал себя совершенно ничтожным...

— Господи! — прошептал он.

Но он прогнал это чувство, заставил себя сосредоточиться на деле, на следующем опасном шаге, который ему предстояло сделать.

Очень, очень осторожно Джим ухватился руками за край люка. Едва заметным усилием он опускал свое тело, пока, наконец, его ноги не стали прочно на порог люка. «Прижимай тело вниз руками. Вот так. Хорошо. Двигайся осторожно, очень осторожно, не то тебя завертит и унесет в сторону от корабля, а времени на новые попытки у тебя нет...»

Он слегка согнул колени, по-прежнему прижимая себя вниз. «Мало. Еще, еще...» Он подал ноги вперед на несколько сантиметров. «Так, теперь достаточно...»

Он разжал руки, затаил дыхание — и распрямил ноги, слегка оттолкнувшись ими от капсулы.

Он... поплыл!

Он плыл медленно, но безошибочно верно.

Его тело плыло к «Меркурию». До него оставалось всего метров шесть... над бездной.

Дагерти слышал свист собственного дыхания, ощущал движение воздуха под скафандром, вибрацию выпускного клапана.

Ему казалось, что он совершенно неподвижен. Это капсула медленно плыла к нему.

Она плыла вверх... она пройдет на уровне его головы. Ему хотелось взмахнуть руками, чтобы изменить направление движения, но он подавил это почти произвольное желание. Он боялся, что просто начнет вертеться или кувыркаться. Он заставил себя ждать... Ему казалось, что он слышит, как медленно тикают часы.

«Вот... капсула уже почти рядом. Не хватайся за нее! Поднимай руки осторожно, медленно, плавно...»

Его перчатки заскользили по поверхности капсулы. Он заставил себя расслабить мышцы, пытался погасить свое движение прикосновением одних пальцев. У капсулы все же была значительная масса — тысяча триста килограммов, он мог отскочить от нее как мячик. Дагерти осторожно тормозил пальцами, затем ладонями, а ноги продолжали двигаться, пока тоже не коснулись поверхности капсулы.

Люк!.. Дагерти крепко ухватился за край открытого люка «Меркурия». Другой рукой он выбрал свободный конец троса с карабином и бросил его — легонько, легонько! — в проем люка.

Через мгновение он почувствовал, что трос резко натянулся. Пруэтт взял его! Дагерти облегченно выдохнул воздух.

Самое трудное было сделано!

А в капсуле Дик Пруэтт уже обматывал трос вокруг себя. В скафандре делать это было чертовски неудобно, но помогла невесомость троса — он плавал и не вываливался из рук. Пруэтт обмотал его вокруг одного из ремней снаряжения скафандра и просунул между ногами. Затем дважды обернул трос вокруг пояса и снова пропустил под ремни. Руки слушались его плохо, но он все-таки ухитрился завязать простой узел и затянул его изо всех сил. «Вот и готово. Не очень изящно, но не развяжется».

Он услышал три резких звонких стука и улыбнулся: Дагерти же посулил постучаться к нему в дверь...

«Теперь задача — выбраться из этой штуки...»

Ему приходилось напоминать себе, что при движении надо упираться ногами либо в кресло, либо в переборку, а руками — держаться за что-нибудь. Но он

пробыл в невесомости свыше пяти суток, по привычке, и все обошлось гораздо лучше, чем он ожидал. Сначала он поднял руку и просунул ее в люк, затем другой рукой крепко ухватился за стойку и начал медленно протискиваться наружу.

Когда он высунул голову, перед ним крупным планом предстал ...башмак. «Не лучший вариант встречи с Дагерти, но все же прекраснее этого башмака я в жизни не видал!»

Ему пришлось напрячь все силы, чтобы преодолеть давление в скафандре и опустить другую руку вдоль тела. Он прижал ее к животу, чтобы она не отскакивала, и слегка оттолкнулся ногами от пола кабины.

И тут он почувствовал, как что-то сдавило его левую руку. Он медленно повернул голову — Дагерти, держась за обрез люка одной рукой, помогал ему выбираться из люка.

Они взглянули в лицо друг другу и широко заулыбались.

Дагерти подался вперед, к Пруэтту, пока лицевые шторки их шлемов не соприкоснулись, и еще чуть-чуть поднажал для надежности контакта. Теперь они могли переговариваться без радио, за счет прямой звукопроводности шлемов.

Дагерти чуть не расхохотался, услышав странно вибрирующий голос Пруэтта:

— Знаешь, такого замечательного сукиного сына, как ты, я еще в жизни не встречал!

— Ладно, ладно, сынок. Папочка пришел за тобой — домой пора.

С лица Пруэтта не сходила идиотски-восторженная улыбка.

Дагерти осторожно потянул его; Пруэтт уперся в край люка кончиками пальцев и оттолкнулся. Через

мгновение оба свободно поплыли, уходя под углом от «Меркурия». Капсула начала медленно крениться.

Дагерти стиснул руку Пруэтта. Они прижались друг к другу.

— Времени мало. Кислорода у тебя всего минут на десять. Двинули?

— Двинули, друг.

— Ладно. Трос у тебя закреплен хорошо?

— Да.

— Сползи вниз и ухватись за мои ноги. В скафандре так будет легче всего. Я хочу выбрать слабинку троса, а затем подтягиваться к кораблю. Готов?

— Пошел.

Пруэтт, цепляясь за Дагерти, опустился ниже и неуклюже вывернулся за его спину. Обхватив ноги Дагерти чуть выше колен, он старался сдавить их посильнее, насколько позволял скафандр.

Он почувствовал внезапный рывок. «Наверно, Джим выбрал трос и начал... Давай, друг, давай...»

Андрей Яковлев напряженно следил за скованными, неуклюжими движениями двух космонавтов, скафандры которых ярко сияли в свете его прожекторов. «Хорошо, хорошо, — шептал он, — они уже почти у цели».

Дагерти подтягивался по тросу, неловко перебирая руками. Все ближе и ближе подплывали они к «Джемини». Наконец, он коснулся корабля руками. И только тут спохватился.

«Дубина, болван!» — яростно выругал он себя. Он забыл открыть люк у кресла второго пилота! Люк так и остался задраенным. А время, счет которому вел кислород в баллоне Пруэтта, истекало.

Он согнулся, чтобы повернуться. Потом дотянулся до

Пруэтта и хлопнул его по руке. Тот немедленно отпустил руки и беспомощно повис в пространстве. «Видно, и он сообразил сразу насчет люка... Шевелись, Дагерти, шевелись!»

Он удлинил конец троса, соединявшего его с Пруэттом. Схватившись за обрез люка, он перевернулся и просунулся в кабину ногами вперед. Приняв сидячее положение, он схватился за верхний край панели управления. Неуклюже поворачиваясь, обливаясь потом в духоте скафандра, он протиснулся головой и плечами в промежуток между своим и вторым креслами. Через несколько секунд штурвал запора перестал вращаться, и Дагерти толчком открыл люк.

Он почувствовал, что трос натянулся. Теперь уже Пруэтт сам подбирался к люку, неповоротливо, но уверенно. Дагерти увидел на пороге люка его перчатки, а затем показались и башмаки.

Дагерти схватил Пруэтта за левую ногу и стал втаскивать его в кабину. Наконец, Дик вполз весь и башмаки коснулись пола. Дагерти помог ему согнуть ноги в коленях и усадил в кресло, затем быстро застегнул привязные ремни, надежно прикрепив Пруэтта к креслу.

Пруэтт благодарно мотнул головой и потянул крышку люка вниз. Дагерти отчаянно замахал рукой и показал на трос. Еще две минуты ушло на то, чтобы отвязать от Пруэтта и выкинуть в люк трос. Дагерти знаком показал на штурвал запора. Пруэтт опустил крышку и начал крутить штурвал.

А Дагерти тем временем быстро выбрал трос через свой люк. Наконец весь трос повис между полом и потолком кабины.

«Скорее, скорее!»

Он плотно затянул крышку люка и резко нажал на ручку с надписью «Подача давления в кабину». В каби-

ну стал поступать кислород. Через несколько секунд стрелка на манометре уже показала требуемое давление. Дагерти быстро включил систему жизнеобеспечения кабины и покосился на Пруэтта — тот только что отключил от скафандра шланг баллона.

С чувством несказанного облегчения космонавты открыли шторы скафандров. Пот с них лил градом.

Пруэтт отстегнул с ноги баллон и молча подал его Дагерти.

Космонавт глянул на манометр — по его телу пробежала холодная дрожь. Кислорода в баллоне оставалось чуть больше чем на одну минуту.

* * *

Яркие прожекторы снаружи мигнули.

Дагерти круто накренил «Джемини», чтобы увидеть русского.

Свет мигнул три раза и погас совсем...

Вокруг планеты неслись три корабля. В двух находились люди, третий был покинут.

Далеко внизу по поверхности Земли волной бежала пограничная черта, отделявшая день от ночи. Дагерти опустил нос корабля. Он с благоговением глядел, как вторгаются в ночь ярчайшие краски, как бы светящиеся изнутри, невообразимо чистые, резко выделяющиеся на фоне абсолютной черноты, которая казалась бесконечной.

— Я никогда не думал, что может быть такое,— шепнул он Пруэтту.

— Смотри!

Но вот Земля растворилась в адской чернильной мгле. Над ее круглым краем пылал очаг ядерного пламени. Оно было немыслимо горячим; оно было и оранжевое, и красное, и белое, и желтое; это было ни на что не похо-

жее полыханье; космонавтам казалось, будто они заглянули в пылающую сердцевину атома. А Земля была застлана непроницаемой, как бы отвердевшей тьмой, и шар, раскаленный ядерным жаром, медленно тонул в этой вязкой черной массе.

Черную пелену, покрывавшую Землю, и черную пустынную бездну, которая была космосом, разделяла тоненькая полоса. Ее могли видеть только космонавты, эту дугу, отделявшую тьму от тьмы. По самой ее кромке, на границе земной атмосферы, краски сливались в волшебный спектр. От них было больно глазам, но различить и назвать их было невозможно. Тут были непрестанно меняющиеся оттенки зеленого и желтого, и синева, вернее, почти синева, и пурпур... и все краски, переливаясь, смешивались между собой. А над кромкой сияла прозрачная корона, переходившая в еще более прозрачный ореол, распространявшийся на сотни и сотни километров во все стороны от закатывавшегося Солнца.

Потрясенные космонавты не могли оторвать глаз... Они увидели, как над совсем истончившейся солнечной короной появилась полоска совершенно неземной, глубокой, как бы светящейся изнутри синевы. Они молчали, ошеломленные этой космической феерией. Верхняя граница синевы была видна четко — здесь кончалась воздушная оболочка Земли, которая укрывала род человеческий, ограждая его от вакуума.

Ядерный костер Солнца отпылал. Тонкие щупальца лучей посияли недолго над краем планеты, а потом ночь окончательно поглотила космонавтов.

Вскоре они заметили вдаль внезапную вспышку. Пламя было видно секунд десять, а затем снова воцарилась ночь.

— Это его тормозные ракеты, — сказал Пруэтт. — Наш друг возвращается домой.

Спустя восемнадцать минут Джим Дагерти включил автоматическое управление тормозной установкой «Джемини».

Несколько секунд стояла тишина. Затем глухо взревели и смолкли тормозные ракеты.

Джим Дагерти повернулся к Пруэтту.

— И мы тоже,— тихо сказал он.

— И мы тоже...

СОДЕРЖАНИЕ

Герман Титов. О РОМАНЕ МАРТИНА

КЭЙДИНА	5
ГЛАВА I	9
ГЛАВА II	25
ГЛАВА III	40
ГЛАВА IV	69
ГЛАВА V	86
ГЛАВА VI	115
ГЛАВА VII	131
ГЛАВА VIII	150
ГЛАВА IX	169
ГЛАВА X	180
ГЛАВА XI	204
ГЛАВА XII	209
ГЛАВА XIII	227
ГЛАВА XIV	238
ГЛАВА XV	240
ГЛАВА XVI	253
ГЛАВА XVII	281
ГЛАВА XVIII	291
ГЛАВА XIX	316
ГЛАВА XX	333

М. Кэйдин
В ПЛЕНУ ОРБИТЫ

Редактор *И. Я. Хидекель*
Художник *Б. А. Алимов*
Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*
Технический редактор *Ю. И. Экке*
Корректор *Л. В. Байкова*

Сдано в производство 3/1 1967 г.
Подписано к печати 19/VI 1967 г.
Бумага 70×108¹/₃₂=5,38 бум. л.
15,05 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 14,25. Изд. № 12/3760
Бум. № 1. Цена 86 коп. Заказ 25
Темплан изд-ва «Мир», 1967 г., пор. № 206

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Ярославль, ул. Свободы, 97

86 K

